AYLIK MECMUA

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ŞİMALİ·KAFKASYA
СЕВЕРНЫЙ·КАВКАЗ

LE CAUCASE DU NORD

NORTH CAUCASIA

№ 28-29 Ağustos-Eylûl — 1936 — Август-Сентябрь № 28-29

İÇİNDEKİLER — СОДЕРЖАНИЕ

KALEM HAKKI VERİLMEZ
EL YAZILARI İADE EDİLMEZ

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ
РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

„ŞİMALÎ KAFKASYA"
MECMUASININ ABONE ŞARTI:

	6 aylık	1 yıl
Avrupanın her memleketinde . . .	0,75 dol.	1,5 dol.
Yakın ve Uzak Şarkta, Afrika ve Amerikada.	1 dol.	2 dol.

Tek nushası 3 fransiz frankı.

Abone hakları mecmua müdürünün aşağiki adresine gönderilmelidir: Odyńca 35 Warszawa 12, Pologne.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА ЗА ЖУРНАЛ
„СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ" СОСТАВЛЯЕТ:

	на 6 мес	на год.
Во всех странах Европы	0,75 долл.	1,5 долл.
В странах Ближнего и Дальнего Востока, Америки и Африки . . .	1 долл.	2 долл

Цена отдельного номера 3 фр. фр.

Подписную плату следует посылать по адресу редактора журнала: Odyńca 35 Warszawa 12, Pologne.

ŞİMALÎ ◆ KAFKASYA
СЕВЕРНЫЙ ◆ КАВКАЗ

LE CAUCASE DU NORD | ОРГАН НАРОДНОЙ ПАРТИИ ГОРЦЕВ КАВКАЗА | NORTH CAUCASIA

№ 28-29 AĞUSTOS-EYLûL — 1936 — АВГУСТ-СЕНТЯБРЬ № 28-29

Şimalî Kafkasya Cumhuriyetinin son hükûmet reisi general Mikâil Halil Paşa, 26 Temmuz gecesi İstanbulda vefat etmiştir.

Merhum Kazi-Kumuklu idi. Babası Muhammed, İmam Şamil'in yedi baş naiblerinden birisi idi.

70 yaşında vefat eden merhum, rus ordusunda hizmete başlamı ve miralay rütbesine kadar Dağıstan süvari alayında hizmet etmiştir. Bundan sonra askerî — halk idaresi denilen müesseseye geçerek burada umûmî harb baslangıcına kadar Temur-Han-Şura eyaleti reisliği mevkıinde bulunmuştur. Merhum bu vazifede iken rus emperatorluğunun devletî menafii zararına olarak yerli ehaliyi himaye etmekle itham edilmiş ve hakkında jandarm dairesine müteaddid defaler jurnal verilmiştir.

Harbın ilânını müteakıb Mikâil Halil Paşa asıl orduya tayin edilerek Kafkasya cephesi başkumandanlığı erkâni harbiyesine alınıyor ve burada generallığa terfi ediliyor.

İhtilâldan sonra Mikâil Halil Paşa Şimalî Kafkasya'ya dönüyor ve Dağıstan halk kurultayı tarafından Dağıstan Millî Komite'sinin askerî şube reisliğine intihab ediliyor. İstiklâl ilân edildikten sonra merhum, Şimalî Kafkasya Parlamentosu mebusluğunda ve harbiye naziri muavinliğinde bulunuyor, 1919 senesinin Mayis'ında ise, hükûmet reisi, ayni zamanda harbiye ve dahiliye nazırı oluyor.

Merhum, muhaceret senelerini Türkiyede geçirmişti. Allah rahmet eylesin!

Şimalî Kafkasya Cumhuriyetinin sabik hükûmet reisi
MİKÂİL HALİL PAŞA
МИКАЭЛЬ ХАЛИЛ ПАША
б. председ. правительства Республики Сев. Кавказа

В ночь на 26 июля т. г. в Стамбуле скончался генерал Микаэль Халил Паша, последний председатель правительства Республики Северного Кавказа.

Покойный происходил из Кази-Кумуха. Отец его, Магомет, был одним из семи старших наибов Имама Шамиля.

Ко дню смерти Микаэль Халил Паша имел около 70 лет. Службу свою покойный начал в русской армии. До чина подполковника он служил в Дагестан. кон. полку. Затем перешел на службу по т. н. военно-народному управлению, занимая здесь до начала великой войны должность начальника Темир-Хан-Шуринского округа. Находясь в этой должности, покойный неоднократно служил предметом донесений жандармских властей, которые считали, что он покровительствует местному населению в ушерб государственным интересам российской империи.

После об'явления войны Микаэль Халил Паша был назначен в действующую армию, где состоял при штабе главнокоманд. кавкасским фронтом. Здесь он был произведен в генералы.

После революции Микаэль Халил Паша вернулся на Сев. Кавказ и был избран дагестанским народным с'ездом заведующим военным отделом Дагестан. Нац. Комитета. Затем, после об'явления независимости, он был членом Сев.-Кав. Парламента и помощником военного министра, а в мае 1919 г.—председателем правительства и одновременно военным министром и министром внутренних дел.

Годы эмиграции покойный провел в Турции. Мир его праху!

A. Koymak

HADİSELER KARŞISINDA

Bütün dünyanın müstakıl devletleri bu yakın gelecekte kendini gösterecek müthiş hadiseleri karşılamağa hazırlanıyorlar,—beynelmilel münasebat mes'elelerinde salahiyet sahibi dünya matbuatının fikri bu merkezdedir. Bütün devletlerin büdcelerinde silahlanmaga ayrılan rakamlar o kadar büyük ki, bu büyüklük ancak harble izah edilebilir.

Harbe hazırlanıyorlar. Her muasır harb ancak bütün halkı ihate edebilecek bir şekilde olacağından, milletlerin harbe teknik hazırlık yanında, ruhî-ideolojik hazırlığa dahi yer vermesi garib degildir. Bu ruhî hazırlık da hiç şüphesiz, bir muasır devletin bütün ehaliden olduğu gibi tabiatile ayrı ayrı vatandaşlardan yüksek derecede inkişaf etmiş millî şuur talebinde bulunmasından ileri gelmektedir. Dünyanın bütün medenî ve millî devletleri bu hakıkatı bir mütearife gibi kabul etmişlerdir.

Fakat, bu mütearifeyi şimdi hatta Sovyet hükûmeti dahi kabul etmiş bulunuyor. Bu vak'a, garib olduğu gibi, rus komünizminin inkişaf tarihile de bir tezad teşkil ediyor. Buna rağmen bu yenilik bir hakıkatdır.

Sovyet rejiminin bu istihalesi neticesinde şimdiye kadar milyonların ölüm ve iztirabına kızıl terrorun amansız kurbanlarına „medenî" bir lâkaydi ile bakan büyük devletlerin hükûmet ve milletleri, şimdi de komünist hakimiyetinin kendi elile tahrib etmiş olduğu eski Rusya dekorunu yeniden canlandırmak gibi hayasızca teşebbüsüne ayni sakin bir müşahid gibi bakmaktadırlar.

Fakat, biz bu büyük devletçilik pozisyonunun eski şekli ile ihyası yanında yapılan degişikligin hakıkî mahiyetini perdelemek ve halk kütlesini idare mevkiinde bulunan hükûmet etrafına toplamak maksadile yapılan yeni sahtakârlıklar ve yeni ham hayallar görmekteyiz.

Mesela, „yeni sovyet konistitusyonu" bu kabildendir. Bu konistitusyon değil yalnız Garbin „liberal" doktrincilerinin sempatisini kazanmaga, ayni zamanda Sovyet rejiminin tazyikı altında inleyen milyonlar için uyuşturucu bir madde olmağa yaramalıdır. Mesela, yeni konistitusyon projesinde dahi muhafaza edilen fakat bugün en safdil bir milleti bile artık kandıramıyacak olan maruf „İttihaddan çıkmak hakkı" maddesi mahkûm milletleri sersemleştirmege bir vesile olmalıdır.

Bu suretle, idare ettigi halk kütlelerine yeni ortaya atılan „sovyet patriyotizmi" hissini telkin etmekle kendi arasında ve halk içerisinde „ruhî bir birlik" vücude getirmege çalışan „barışıkçı" S. S. S. R. hükûmeti de dahil olmak üzre, bütün devlet ve milletler muhtemel harb kasırğasına hazırlanmaktadırlar.

Daha bir müddet evvelisine kadar kosmopolitizm, beynelmileliyet fikirni israrla tervic eden, patriyotizm, millî vazife v. s. gibi her kesce makbul mefhumları inkâr eden komünistler, bugün bu mefhumları karışık şekilde olsa da benimsemege gayret sarfettikleri halde, acaba ecnebi kuvvetlerin akını neticesinde vatanlarını kaybeden biz muhacirler gözümüz önünde bütün milletleri ve bütün dünyayi istila eden bu millî hissin kuvvetli kalkınması haricindemi kalacagız? Aceba, içimizden „patriyotizm" ve „milliyetcilik" mefhumlarını boş bir şey telakki edecek adamlar çıkabilirmi? Milletimizin hala yabanci kuvvete karşı mücadele etmekte olduğu vatana döndügümüz zaman hatta „bizde vardık" bile diyemiyecek vaziyette ka'ırsak ne olacaktır?!.

Kurgoko Cad

Geçmişden alacagımiz ders

Rusya'nın küçük Moskviya'dan, dünyanın altıda birini teşkil eden büyük emperatorluk haline gelirken gütmüş olduğu işgal ve istilâ siyasetinde kullandığı şiddetli tedabiri, bugünkü emperyalist devletlerden hiç birisi kullanmış degildir. Bununla berader, kendi istilâ planını gerçekleştirmeğe gayret eden hiç bir milletin harsî ve medenî sermayesi, rus milletinki kadar—emperyalizm kuvvetinin en yüksek dereceyi bulduğu zamanda bile—kıt ve sönük olmamıştır.

Bu devir Rusya'sından bahseden prof. Vlad. Milkoviç (Gelvad'ın „Hars tarihi" ne bakıla) diyor ki: „Ekin yeri ve kırlar ülkenin umûmî mesahayi sathiyesinin ancak yüzde bir nisbetini teşkil ediyordu. Bazı eyaletlerde ise bu nisbet 0,2%, hatta daha azdı. Binaenaleyh bugday v. s. ekini oralarca hemen hemen meçhul bir şeydi. Üstelik, şimalî Rusya'nın iklimî şeraiti de buna mani idi. Gerberşteyin, buralarda ekmegin çok nadir, hatta mevcud olmadığını kaydeder. Bu vaziyet uzun zaman devam etti, hatta kısmen bugün bile devem etmektedir. Don kazakları daha 1690 da, „hububat ekini ile meşgul olanları ölünceye kadar dövmek ve emlâktan mahrum etmek lazımdır „yollu bir karar dahi çıkarmışlardı... Ancak son zamanlardadırki, Rusya bir zıraat memleketi haline gelmiştir".

Rus milletinin, bütün emeklerden en necibi ve saygılısı olan toprağı işlemek emegine karşı bu vaziyeti bize garib gözükmemelidir. Çünkü, zamanımızda rus patriyotu olduğunda şüphe olmıyan V. V. Şulgin bile nadir görülür bir samimiyetle kendi hemşerileri hakkında şunları yazmaktadir: „Bunlar — skifflerdir. Doğrudur XX ci asrın evsafını taşıyorlar—metralyozları, otomobirleri vardır... Fakat bunlar hep zevahir ve görünüştür... Gögüslerinde vahşi, hakıkî—skif kalbi taşımaktadırlar".

Rus milleti asırlar boyunca kendi enerji ve hayatî kuvvetini başkalarının emek mahsulunu elde etmeğe, komşuların erazisini işgale ve bu yerlerin ehalisini ya imha yahud da kendine muti kılmaga sarfet-

miştir. Bu yapılırken tatbik edilen şiddet ve zülümden başka provakasyon ve aldatmakdan da geniş surette istifade edilmiştir. Rus hükûmetinin istilâ işini kolaylaştırmak gayesile, işgal edilen ülke halkı arasına nifak, husumet ve kardeş düşmanlığının bakterileri ustaca aşılanmıştır. Ruhca zayif olanlar, mukavemet göstermek cesaretini gösterenlerin hesabına mukâfatlandırılmışlardır.

XVIII ci asır sonlarında hükûmet talimatlarından biri Orenburg ülkesi naibine şu teklifde bulunuyordu: „Rus ordusunu korumak suretile bir kabileyi öteki kabile aleyhine kullanmak". Ayni şeyi Kafkasya'da dahi görüyoruz. P. G. Butkov, „Kafkasya'nın yeni tarihi için materyallar„nam eserinde diyorki: „Ayni zamanda kadim romalıların kaidesi müşahede ediliyordu: Kafkasya ülkesinin faydası namına muhtelif Kafkasya milletlerini biri birine saldırmak ve aralarını açmak, tâki, bu suretle kuvvetlerini zafe ugratarak bizi daha fazla rahat bıraksınlar".

N. N. Muravyeff-Amurski „Şamil aleyhine müteveccih muhtemel askerî harekâtdan (1854. Birinci Kânun) bahs ettiği bir raporunda bu ciheti daha sarahat ve katiyetle çızmıştır. Mevzuu bahs raporda şu „tavsiyeleri" buluyoruz: „Mahelden asılı bulunacak başlıca kuvvetlerin askerî harekâtı hususunda tafsilata girişilemez, fakat başlıca esas şunlar olmalıdır: bütün kendi kuvvetimizle Avaristanı tutarak her yerde ordumuzun önünde yerli halk milisi kullanmalı ve her vasıtadan istifade ile bunlarda düşmana karşı hüsûmet hissini körüklemeli, bunları en hararetli işlere bilhassa el dövüşlerine sürüklemeli ve imha edilecek köylere başlıca kuvvetleri sevk ile buralarını, mümkün mertebe piyadenin yolunu açması için müthiş surette bombardıman etmeden almamalı; bütün ricat yollarını kapamak için taarruz vukuunda süvari ve milis kuvvetlerini kullanmalı ve o köyde katiyen hiç bir canlı mevcuda aman vermiyerek imha etmeli ve nihayet bundan sonra husus̄î bir faaliyetle meskenleri kökünden tahrib etmekle meşgul olmalıdır".

Bu general planında şiddet veyahud hududsuz sinizmin daha fazla yer buldugunu söylemek aceba zormudur?

1740 de emperatoriçe Elizaveta tarafından Kazan yenitanassur etmişler dairesine „talimat ve icra" için göndertilmiş kanun dahi oldukca karakteristikdir. Bu kanuna göre, „yeni tanassur etmişler" in vergisi o zamanki Kazan eyaleti müslüman halkına yükletilmişti. „Gayridinden olanların" degirmen ve diger sanayi müesseseleri ellerinden alınarak, ancak ortodoksluğu kabul ettikten sonradırki sahiblerine iade edilıyordu. Gene bu kanun mucibince „yenitanassur etmişlerin" yaşadıkları köylerden diger bütün „gayridinden olanlar" çıkarılarak arazileri yeni ortodoksların eline geçiyordu. Bu suretle din, rus emperyalizm hareketinde bir amil olmuştu.

„Misyonerlik" faaliyetinin bu karakteri daha son zamanlara kadar muhafaza edilmiştir. „Altay ruhanî misyonunun 1895 yılına aid raporu„nda şunları okuyoruz: „Gayri ırka mensub halkla meskûn olub ecnebi devletlerle komşu bulunan arazilerde ancak ortodokslar yerleştirilmelidir. Bu suretle onlar ecnebi unsurlarını rusa asimile edebilir ve ecnebî milletlere karşı metin bir devlet kesafeti vücude getirebilirler".

Rus koloni siyasetinin esasi, işte bu reçete idi. Yerli ahali aldatma, tazyik hatta imha edilmek suretile asıl yerlerinden kovularak yerlerini merkezi eyaletlerden gelen ortodoks kolonistlere bırakmak mecburiyetinde bulunuyorlardı. Edil-Ural, Siberya, Kırım'ın olduğu gibi garbî Kafkasya'nın büyük kısmı dahi hep bu tarzda imha edilmiştir.

Hâkim bir mevki işgal eden kolonisler, istila edilen yerlerin asil sahiblerini amansızca istismar ediyorlardı.

Altay ülkesi rus idarecilerinden biri daha 1853 de resmen şunları yazıyordu: „meselâ, bir rus tarafından yerli köçebeye verilen bir balta yahud eski çizmeler dört sene sonra büyüyerek yüz rublalık bir at, bir az geçmeden tabun oluyor ve bu da hiç bir muamele yapılmadan dogrudan dogruya tabun, alıcı tarafından kendi tarafına kovalanmak suretile yapılarak başkaları vasıtasile tabunun filan adam tarafından kovalandığı sahibine haber veriliyor... 1 pud arpa iki sene sonra 25 pud ceviz yahud daha fazla bir şey oluyor. Bu suretle hemen hemen bütün ormanlar ceviz ve ada tavşanları ile beraber, tıpkı yaban arıları gibi daha bir kaç sene evvelden ruslara satılmış bulunuyor. Yerli halk—borc verenlerin ebedî köleleridir."

Şimalî—Kafkasya'da kazak kolonistleri, her sene ekin ve otlak yeri icare parası olarak dağlılardan bir kaç milyona bâlıg para topluyorlardı.

Rus hükûmetinin „gayri ırktan" olanlar arasında yapmış olduğu irfan işlerinden dahi bir kaç kelime ile olsada bahsetmek lazımdır.

Çar istatistikine göre bile Kafkasya'daki ehalinin ücte birini teşkil eden Müslüman ehalinin ancak 275 (o da tabiatile nisbî) iptidaî mektebi vardı. Halbuki umûmî mekteb sayi 2386 idi.

Maruf İslamiyet müdekkıklerinden akademi azası Bartold çar hükûmetinin „irfan faaliyetini" şu sözlerle karakterize etmektedir: „...Yerli ahaliye kendi dilinde daha fazla bilgi vermek ve bu suretle ruslaştırma zararına yerli edebiyat ve kültürün kökleşmesine yardım etmek korku ve endişesi rus mektebi ve alelumum rus kültürünün muvaffakıyet kazanmasına engel olmuştur. Aşağı yukarı yirmi senedir açılmış olan rus—yerli mekteblerde (Şimalî Kafkasya'da dağlı mektebi denilen mektebler dahi bu meyana dahıl bulunuyordu, fakat Bartold burada Türküstan mekteblerinden bahsetmektedir. K. G.) şu prensip tatbik edilmektedir: rus sınıfında dersler kâmilen rusca olmalı ve çocuklar „icab eden bilği ve inkişafı" ancak rus dili vasıtasile elde etmelidirler; yerli sınıfda da yerli dil ve yerli mollanın idaresinde islamiyet esasları derslerinden başka hiç bir ders okutulmamalıdır."

1911 de vukubulan „Türküsta'nın yedinci dvorjan kongrası" bu kabil „rus—yerli" mekteblerini dahi begenmemiş ve kararnamesinde şunları kaydetmiştir: „Devlet mektebi—rusca olmalıdır; hükûmet mektebi gayrirus bir karakter taşiyamaz. Biz dvoryanlar, mekteb rusca olmalıdır demek mecburiyetindeyiz. Rusya—ruslar içindir".

Türküstan'da resmî hükûmet organi „Orta Asya haberleri" 1896 da şunları yazıyordu: „istila edilmiş milletlerin müstakıl ve kimse tarafından önüne geçilmeyen matbuat inkişafından gelecek zarara dikkat etmek gerektir".

Gazeteye göre, „Peygamber'in bütün perestişkârlarını istilâ eden islamlık taassübü irfan ve hiristi-

yanlığa karşı durmaktadır. Bu, müslümanların tarafımızdan çabuk ve tam asimile edilmesi ümidini temamen ortadan kaldırmaktadır".

Bu suretle görülüyorki, „müslüman taassübü „ile mücadelenin esas gayesi „müslümanları çabuk kâmilen asimile" etmek idi. Rus hükûmetinin „gayri ruslara irfan vermek" işinde güttügü başlıca maksadı asimileden ibaret idi.

Yalnız misyonerler değil, hatta generallar bile „irfanci" rolunu takınıyorlardı. Mesela, gen. Kaufman-Turkestanski „Türküstan için rus esasına müstenid yeni alfabe projesi çızmış ve „buna hiç bir harf ve işaret ilave etmege lüzum yok, çünkü bize malum olan şark lechceleri için rus alfabesi temamen kâfidir „diye bir de ilaveye lüzum görmüştü. Şurası dikkate degerdir ki, projeyi tetkık eden Petrograd darulfününü şark dilleri fakültesi alimleri dahi general „lisaniyatçı" nın projesini temamen muvafık bulmuşlardı.

İkinci böyle general „lisaniyatçi" da Kafkasya'da bar. Uslar idi. Bu generalın da bu sahadaki faaliyeti bariz bir ruslaştırma zihniyeti taşıyordu.

Tabloyu tamamlamak için, geçen asrın ortalarında Edil-Ural ve Türküstan halklarına „irfan" saçan misyoner İlminski'nin dahi bu husustaki fikrini gözden geçirelim. İlminski'ye göre, „rus alfabesi rusdan olmiyanlar için rus dili ve rus tahsilini benimsemek işinde en elverişli bir vasıtadır. Bu vasıta ile Rusya'da yaşıyan rusdan olmiyan muhtelif kabileleri rus milletinin hakimiyeti altında birleştirmek kabil olur."

Ayni İlminski Pobedonostsev'e yazmış olduğu bir mektubda açıkca şunları yazıyordu: „kırgız ve sartları katiyen jimnazlara almamalıdır. Onlar için sade, iptidaî, fakat sağlam esaslı rus tahsili daha faydalı olurdu".

Bartold'un Türküstan hakkında yazdığı gibi, bu zihniyet neticesinde „hükûmet mekteblerinde yerli talebelerin sayı her sene artmak değil eksilmekte idi".

Çar hükûmetinin, müslümanların üsulü cedid mekteblerine karşı mücadelesi gene ayni esasa dayanıyordu: maarifin daha geniş müslüman halk kütleleri arasına yayılmasına mani olmak, yayıldığı takdirde de ruslaştırma maksadile yayılmasını temin etmek.

Bügünkü sovyet vaziyeti, yukarıdanberi hülasa ettigimiz mazi ile çok müşabehet noktaları arzetmektedir.

Aceba, sovyetlerin rustan olmiyan ülkelerde „sovyet inşaat ve kuruluşu" vadisinde yaptığı faaliyeti yukarıya aldığımız altay idarecisinin „borcveren" i siyasetine benzemiyormu?. „Kenar ülkeler" ehalisi, tabiî servetleri ve ehaliyi istismar eden Moskva'nın aldığı payın binde bir hissesini bile bugün alamıyor. Aceba Moskva'nın bugünkü resmî dini olan komünizm, Çar ortodoksluğunun rolunu oynamıyormu? Ve her türlü protesto sesleri Muravyev-Asenların şiddet ve amansızlığı ile boğulmuyormu?

Mevzuu bahsettigimiz bu benzerlik bakımından bolşevizmin „irfan faaliyeti" bilhassa dil siyaseti ayrıca dikkate deger bir cihettir. Ortodoks misyonerlerin tecrübesi burada tam manasile tatbik sahası bulmuştur.

İlminski, Pobedonostseve: „Benim silahlarım—gayriruslara mahsus kitablar, gayri ruslara aid dinî merasim, başda papas olmak üzre gayrî ruslara mahsus kilisa ahkâm ve âyinidir" diye yazıyordu. Bütün bunlar, onun için „milletleri birleştirecek kültürel silahlar idi". Aceba, bolşevizm havariyununun eserlerini tercüme etmek suretile S. S. S. R. halkları arasına yerleştirilmege çalışılan „sosyalist kültür" ü bize İlminskinin faaliyetini—hemde en ufuk teferrüatile—hatırlatmıyormu?! Bu da hep, S. S. S. R. mahkûm milletleri için en tehlikeli bir şey olan ruhî ruslaştırma vasıtaları degilde nedir?

Bir müddet evvel „Şimalî Kafkasya" mecmuasında, kabardin alfabesinin latinceden rus alfabesi esasına geçtiği haberini okuduk. Bu haber tahlil edilirken gayet doğru olarak şunlar yazılmıştı: „sovyet" lisaniyatcıları kendi seleflerinin açmış olduğu yol üzerinde yürüyorlar ve bu „islahat" temamen „ruslaştırma" gayesile yapılıyor." „Ş. K." nın „Pravda" dan almış olduğu bu haberde deniliyor ki: „lisaniyatçıların fikrine göre, rus alfabesi kabardin ve balkar dili için latin alfabesinden daha münasib ve uygundur". „Lisaniyatçi" general Kaufman, Petrograd darulfününu şark lisanları fakûltesi „âlimleri" ve nihayet misyoner İlminski dahi bu fikirde degilmidiler? Raporunda: „tatar ve kırgız diline en iyisi ve dogrusu hiç bir degişiklik ve ilave yapmadan alfabeyi (rus alfabesini — K. C.) tatbik etmektir, çünkü, b u, m i l l e t l e r i t e k b i r h ü k û m e t a l f a b e s i v e b u s u r e t l e d e v l e t d i l i e t r a f ı n d a b i r l e ş t i r m e k gibi siyasî, derin bir mana ve ehemmiyet taşımaktadır" diye yazan Orenburg eyaleti maarif müfettişi Lavrof nam birisi dahi ayni şekilde düşünüyordu.

Aceba, Lavrof'un bu „zihniyeti" bize daha yakın bir zamana aid olan „büyük ve dahi" Stalinin komünist fırkası XVI ci kongrasında ileri sürdüğü „bütün millî kültürleri tek müşterek dilli, tek, müşterek bir kültür etrafında birleştirmek" „zihnıyeti„ nden farklımıdır?!

Bolşevizm, çarlığın açmiş olduğu yol üzerinde yürüyerek bazı hususlarda siyaset esası olarak da onu taklidden geri kalmıyor. Bolşevizm'in yerine gelecek başka bir Moskva hakimiyeti dahi ayni yol üzerinde yürüyecektir. Zira, uzun asırlar boyunca tazyik, istila hesabına yaşıyan, kendi saadetini başka milletlerin bedbahtlık ve esareti üzerinde kuran ve bu milletlere asimilasyondan başka hiç bir şey vermiyen bir millet, başka yoldan gitmege katiyen müstaid degildir.

Aramızda halâ rus milleti ile bir arada yaşamak imkânının mevcud olduğuna her hangi bir suretle kani olanlar bu ciheti iyice bellemelidirler.

ОПЕЧАТКА: На стр. 31-ой, в статье, посвященной поэме Шота Руставели „Человек в барсовой коже", в заглавии и далее должно быть „Вепхвис Ткаосани", а не „Вепхис Ткаосани". Опечатка допущена нами благодаря крайней неразборчивости рукописи и отсутствию в редакции лиц, знающих грузинский язык.

DERBEND ŞEHRİ

(resim 1935 - de alınmıştır)

ГОР. ДЕРБЕНТ

(фотография снята в 1935 году)

Moskvanın ruslaştırma siyasetine karsi „Promete" milletlerinin protestosu

Mahkûm milletlerin dillerini ruslaştırmak için Moskvanın son yıl zarfında sarfettiği emek bu milletleri müdafaa tedbirleri almağa ve dünya efkâri umumiyesi karşısında Moskvanın ruslaştırma metodlarını ifşaya mecbur etmiştir.

Bu münasebetle bu milletlerin millî matbuatı sovyet dil siyasetinin tatbikatını açan yazılar yazmağa başladılar. Mahkûm milletlerin mümessillerini ihtiva eden „Promete" klubu ise sovyet Rusyanın dil siyasetini etraflı bir surette tenvir edecek bir kurultay davetine şuru etti. „Dil kurultayı" adı altında devam eden bu kurultay Varşavada iki gün, Mayısın 31 ile Haziran 1 nde devam etmiştir. Kurultayda Azerbaycan, Belorusya, Gürcüstan, İdel-Ural, İngria, Kareli, Komi, Kırım, Kuban, Şimalî Kafkasya Türküstan ve Ukrayna mümessilleri hazır bulunmuştur.

Kurultay delegelerle bir çok misafirlerin, leh ve ecnebi gazeteçilerin iştirakile „Y. M. C. A." binasında 31 Mayıs sabah saat 11 de açılmıştır. Misafirler arasında şu zatlar dahi bulunuyordu: nazır Vasilevski, Varşavadaki Şark enstitüsü müdürü senator S. Sedletski, Kırım millî merkezi reisi Cafer Seydahmed, Baş mahkeme müddei umumusu O. Nayman-Mirza Kriçinski, „Şark" mecmuası müdürü V. Bonçkovski, Varşava universitesi professoru Dr. S. Ponyatovski, prof. Lototski, Lehistan Edebiyat Akademisi azalerinden K. İjikovski ve Boy-Zelenski ve başkaları.

Kurultayı açan „Promete" klubu reisi prof. R. Smal-Stotski, kısa bir şekilde kurultayın maksadını izah etmiştir. Ondan sonra bir çok tebrik nutukları söylenmiştir.

İlk söz alan senator Sedletski hürriyet uğrunda savaşın umumî—insanî esaslarını geniş surette izah ettikten sonra „Promete" milletlerinin, yalnız kendi saadetleri için degil bütün insaniyetin eyiligi ve şerefi için çarpıştıklarını kaydetmiştir. Nutkunun sonunda senator Sedletski Lehistan ve onun prometeçiliği namına kurultayı tebrik etmiştir.

Ondan sonra prof. S. Ponyatovski söz almıştır. İhtisası itibarile etnograf olan prof. Ponyatovski „Promete"ye karşı derin sempat taşıyan hararetli ve son derece objektiv nutkunda sovyet milliyet siyasetinin gayri ilmî olduğunu isbat etmiş ve yalanai dayanan sovyet milliyet nazariyesinin dil sahasında akamete mahkûm olacağına derin iman beslediğini ilave etmiştir.

Genç leh şarkiyatçıları namına kurultayı tebrik eden „Şark" (Wschód) mecmuası müdürü V. Bonçkovski „Promete" hareketinin Lehistan için olan ehemmiyetini kaydetmiş ve hareketin muvaffak olmasını temenni eylemiştir.

Müddei umumi O. Nayman-Mirza-Kriçinski Lehistan tatarları ve Varşava müslüman camaatı namına kurultayı tebrik eylemiştir. Ukrayna ilim muhafili namına prof. Lototski tebrikâtta bulunmuştur.

Ayaz İshakî Uzak-Şarktaki İdil Ural türk—tatarları namına kurultayı tebrik etmiş ve muvaffakiyetler temenni etmiştir. Ondan sonra Moskva esiri finler namına: Kareli'den—Kuntyare, İngriden—Vesa, Komiden—Myoşeg tebrikkâtta bulunmuşlardır. Belorusya mümessili d-r Stankeviç Belorusya adından demiştir, ki: „Sovyet Belorusya bir fiksiyadır. Belorusya sovyet

tahakkümü altında tarihinin en ağır günlerinden birini yaşamaktadır.

Tebriklerden sonra nazir Leon Vasilevski „Cihan harbinden evvel Lehlerin ruslaştırma ile savaşları” mevzuunda geniş ve kıymetli bir maruza okumuştur. Kurultay Vasilevskiyi gürültülü alkışlarla karşılamış ve bu alkışlar maruzadan sonra dahi devam etmiştir.

Bununla kurultayın birinci kısmı bitmiş, saat 4 de ikinci ictima başlamıştır. Her millet mümessili sovyetlerin dil siyasetine dair maruzada bulunacaklarından bu ictimada misafir ve dinleyicilerin sayısı daha fazla idi. Maruzaların okunması 5 saat sürdü. Maruzalar faktlar üzerine dayanan geniş materyal meydana koymuşlardı. Bolşeviklerin dil siyaseti bütün rus—imperyalist çıplaklığile meydana koyulmuştu. Her maruza sovyet hükûmeti için bir ittihamname idi. Maruzalar şu sıra ile okunmuştur: Azerbaycan, Belorusya, Gürcüstan, İdil-Ural, İngria, Karelia, Komî, Kırım, Kuban, Şimalî Kafkasya, Türküstan, Ukrayna. Bunlardan başka Moldaviada rumen dilinin takib olunduğuna dair maraklı bir maruza dahi okunmuştur.

Maruzalardan sonra kurultay, Sovyet Rusyanın dil siyaseti aleyhinde bir karar ittihazını lâzım görmüs, bu maksatla bir tahrir hey'eti seçmiştir. Bununla kurultayın birinci günü hitam bulmuştur.

Ertesi gün Haziranın birinde, sabahdan ancak tahrir hey'eti çalışmıştır. Kurultayın akşam saat 4 de açılan ictimaında tahrir hey'eti kabul ettiği rezolusyonu kurultay aynen kabul etmiştir.

Kararı aynen aşağıya alıyoruz:

Sovyetler İttihadı dahilinde yaşayan rus olmıyan milletlerin dillerini tetkikle meşğul olanların birinci dil kongresi, 1936 senesinin 31 Mayıs ve 1 Haziranında vuku bulan toplantılarında aşagidaki maddeleri karar altına almıştır:

I — 1926-den beri rus—bolşevik fırkası, kendi teşkilatları vasıtasile, ilk sırada Azerbaycan, Belorus, Gürcüstan, Edil-Ural, İngerya, Karelya, Komi, Kırım. Kuban. Şimalî Kafkasya, Türküstan, Ukrayna (ve bunlar meyanında Moldav cümhuryietinde romen, leh v. ilh...) gibi milletler olmak üzre bütün rus olmıyan milletlerin dillerini sistematik surette ruslaştırmağa başlamıştır.

II — Komünist fırkasının umumî kâtibi Stalin'in komünist fırkasının 16-ncı kongresinde söylediğine göre, bu dil siyasetinin varacağı son nokta şudur: proletaryat bütün dünyada muzaffer olduktan sonra, bütün kültürleri, tek, müşterek dilli, tek ve ortak bir kültür haline getirmek.

III — Son senelerde vukubulan hadiseler bolşeviklerin bütün dünyada muzaffer olmak ümidini kırdığından komünist fırkası rus dilini, Lenin dili, proletaryat ve Oktobr inkilâbi dili ilan etmek suretile tek ortak dil fikrini Sovyetler İttihadi hudutları dahilinde tahakkuk ettirmeğe çalıştı.

Bunun icrası yani rus olmıyan milletlerin dillerini ruslaştırmak için komünist fırkası, bütün İttihada mahsus olmak üzre yeni bir dil bilgisi vücude getirerek kendi lisaniyatçılarını „tahakkuk ettirilmiş bugünkü dilleri birleştirme işinin tahlil ve tacili için dil yaratıcılığı teknikinin tetkiki („Dillerin menşei” N. Y. Marr) gibi bir maksad” etrafında çalışmağa sevk etti.

Komünist fırkasının ancak sözde mevcud millî cümhuriyetlerin perdesi arkasında eski çarlığın tatbik etmiş olduğu ruslaştırma siyaseti yoluna dönmekle kalmıyarak, tekmil fırka ve hükûmet aparatlarından bilistifade en kaba metotları tatbik suretile ruslaştırma işini son derece keskinleştirerek derinleştirdiğini kaydeden kongre:

a) — Sovyetler İttihadındaki rus olmıyan milletlerin dillerine karşı yapılan vahşice takibatı ve sistematik bir şekilde yapılan ruslaştırmayı, bütün kültür dünyası nezdinde protesto eder ve bütün beynelmilel ilmî ve kültür teşkilatlarını, ilk sırada benyelmilel fikrî teşriki mesai komisyonunu milletlerimizin müdafaasına çağırır.

b) — Milletler Cemiyetine mensub bir devlet olan Sovyetler İttihadı dahilindeki bu vaz'iyetin, Milletler Cemiyetinin istinad ettiği beşeri adalet gibi temel fikirlerine temamen muhalif olduğuna Milletler Cemiyetinin nazarı dikkatını celb eder. Sovyetler İttıhadı dahilinde sözde millî cumhurietlere malik adedilen milletler kendi cümhuriyetleri dahilinde, değil yalnız kendi dillerinin tam hakkından (ruslar ile müsavî derecede) istifade etmek, hatta medeni ülkelerdeki azlıkların haiz oldukları haktan bile istıfade etmekten mahrumdurlar. Şöyleki: Sovyetler İttihadındaki bu vaz'iyet, 1922-nin 21-9 tarihinde Milletler Cemiyeti tarafından kabul edilerek 1933-de müştereken tasdik edilen ve „toplantı ümid ediyor ki azlıklara aid olmak üzre herhangi hukukî bir teahhütle Milletler Cimiyetine bağlı olmiyan devletler, ırk, din yahud dil bakımından azlıkta kalanlarla muamelelerinde hiç olmasza Cemiyet muahedeleri mucibince elzem olan (hukukî) adalet derecesini şimdlik muhafaza edeceklerdir„-den ibaret kararına da çirkin bir şekilde tecavüzden başka bir şey değildir.

c) — Kongre milletler Cemiyetinin bu yılki toplantısında Sovyetler İttihadında yaşayan ve rus olmıyan milletlerin dillerinin mukadderatını tetkikle meşğul olması ve Sovyet hükûmetinden, Sovyetler İttihadındaki rus olmıyan milletlere dillerinin inkışfına tam hukuk ve serbestlik iadesini taleb etmesi için müracaat eder.

Karar kabul edildikten sonra delegeler bir çok arzular dermiyan etmişlerdir. O cümleden olmak üzre: „Promete” kurultaylarının mümkün kadar tez-tez çagrılması, kurultay maruza ve kararlarının ayrı bir kitab halinde neşri v. s.

Akşam saat 7 de kurultaya riyaset eden prof. Smal-Stotski delegelere ve misafirlere teşekkür ederek kurultayı kapamıştır. Ayni akşam „Promete” klubu delegeler şerefine bir ziyafet vermiş, ziyafette bir çok lehliler ve „Promete” milletleri kolonisi mümessilleri iştirak etmiştir. Şunu da ilave etmek lâzımdır, ki kurultay gerek leh, gerekse sair avrupa matbuatında geniş akisler uyandırmıştır. Bütün Lehistan matbuatı, kurultay hakkında samimî ve hayrihahane mutalaalerde bulunmuştur.

M.

Şimalî Kafkasya ve yeni Sovyet konistitusyonu

Yeni Sovyet konistitusyonuna göre, Şimalî Kafkasya'da mevcud DagA.S.S.R. ine ilave olmak üzre, Çeçen-İnguş, Şimalî-Osetiya ve Kabardin-Balkar gibi daha üç „muhtar cumhuriyet" vücude getirilecektir.

Sovyet matbuatı ve ayrı ayrı sovyet ricalı tarafından yapılan resmi izah ve beyanatlara bakılırsa, bu islahat, ismi geçen vilayetlerde „sosyalist kuruluşu sahasındaki muvaffakıyetler" dolayisile yapılmıştır. İste, bu „muvaffakıyetler" sayesindedir ki onlar muhtar cumhuriyet rütbesine terfi edilerek mukâfatlandırılıyorlar. Bu hakta fikir yürüten komünistlere göre, bu islahat, komünist fırkası ve Sovyet hükûmetinin Çeçen-İnguş, Şimalî-Osetiya ve Kabarda-Balkar ehalisine beslediği yüksek itimad eseridir. Ehali bu itimada lâyık olduğunu göstermelidır.

Fakat, bu resmî beyanatın arkasında hiç şüphesiz daha başka, henüz konistitusyon müelliflerince ortaya konulmayan gizli bir maksad saklıdır. Sovyetlerin bütün „tarihî kararları" hep bu evsafi taşımaktadır.

Bu maksad etrafında, şimdilik ancak bazi ihtimallar ileri sürüle bilir. Yalnız şüphe götürmiyen bir cihet var ki oda, bu islahatın Şımalî Kafkasya'nın hakıkî millî inkişafına yardım etmekten çok uzak oldugudur.

„Şim. Kaf. Bolşeviki" gazetesinin 27-VI-1936 tarihli nushasında derc edilmiş „Krayzu işcileri grupları"nın mektubu, islahatın güttüğü gayeler hakkında bize bazi işaretler vermektedir. „Krayzu" — sovyet devletcilik sisteminde bilhassa erazi mes'elesinin hala keskin bir şekil arzettiği Şimalî Kufkasya'da en mühim müesseselerden sayılan „ülke erazi idaresi" müessesesidir.

„Krayzu işcileri grupları„nın mektubu „konistitusyonun umûmî halkca müzakeresi" tarikıle yazılmıştır. „Krayzu işcileri diyorki:

„...92-ci maddenin sonuna muhakkak şunu ilave etmelidir: muhtar cumhuriyetler d o ğ r u d a n d o g r u y a i t t i h a d c u m h u r i y e t i n e d a h i l b u l u n u y o r l a r. Muhtar cumhuriyetlerin mesela Şimalî Kafkasya'da (Dağıstan) ve Saratof ülkesinde (Edil boyu almanları) yer bulduğu gibi, ölkeye tâbi oluşunu b i z m u v a f ı k b u l m u y o r u z".

„Ülke müessesesi işcileri olan mektub müelliflerinin „Şimalî Kafkasya ülkesi" rehberlerine yakin oldukları nazari itibara alınırsa, mektubun yukarıdan verilen emirle yazıldığı tahmin edile bilir. Aldığımız parçanın ifade ettiği mana, yani Şimalî Kafkasyada ötendeberi rus millî siyasetinin temelini teşkil eden bilhassa bolşeviklerce daha fazla bir şiddetle tahakkuk ettiliren ayırma zihniyeti dahi bu ciheti teyid etmektedir. Mektubu imza edenlerin milliyeti mes'elesi dahi şayani dikkattır. Bunlar arasında bir tane de olsa şimalî kafkasyalı yoktur. İşte „krayzu işcileri grupları„nın isimleri: N. Kondratyuk, G. Vedel, M Smirnof, A. Znamenskaya, A. Gertsag, L. Mladov, Y. Znamenski, İ. Skolota, K. Naroznak.

Şimalî Kafkasya „muhtar cumhuriyetlerinin dogrudan dogruya, „Şimalî Kafkasya ülkesinin dahil bulunduğu müttehid R.S.F.S.R. cumhuriyetine dahil bulunması, bu cumhuriyetleri Şimalî Kafkasya'nın „terfi"e mazhar olmıyan diğer kısımlarından ayırıyor ayni zamanda yeni cumhuriyetleri evelce bir arada oldukları „ülke„nin müşterek ve mütekabil bağlarından mahrum bırakıyor.

Konistitusyon müellifleri Çeçen-İnguşetiya, Şimalî Osetiya ve Kabarda-Balkar'ı „muhtar cumhuriyet" mertebesine yükseltirken aceba bütün bu mülahazaları göz önünde tutmamışlarmıdır? Ve gene bu mülahazayi „zararsız" bir şekilde tahakkuk ettirmek için „krayzu işcileri gruplarının mektubu „geniş Şimalî Kafkasya halk kütlelerinin" iradesi taklid edilerekten yazılmamışmıdır?

Ümid ediyoruz ki, yakın gelecek bu sualın cevabını vermekte gecikmiyecektir. M. Ç.

„Cihan bolşevizmi"

Berlinde „Cihan bolşevizmi" adı altında bir kitab çıktı. Kitabın naşiri Almanyada antikomünist ittifaki merkezi olan A n t i k o m i n t e r n teşkilatıdır. Büyük hacımda 506 sahifayı ihtiva eden bu kitab ayrı-ayrı tetkiklerin külliyatıdır. Dünyanın dört bir tarafından elliye yakın muharrir kendi memleketlerinde bolşevizmin tahribkâr faaliyetini tasvir etmektedirler. Eser, „Silahlı kıyam", „Terror" v. s. gibi bir çok komünizm aleyhindeki eserlerin müellifi olan Antikomintern reisi d-r Adolf Ert'in himmetile meydana çıkmıştır.

Kitab şu fasıllardan ibarettir:

I — Komintern ve demokratik — liberal devletler.

II — Komintern ve avtoriter devletler (altı avrupa memleketi).

III — Komintern ve „müstakil olmıyan" memleketler (Yakın ve Uzak Şarkta).

IV — Komintern ve Sovyetler birliğile hemhudud devletler.

V — Komintern ve Sovyetler birliği milletleri.

Taksimat çok dogru ve makul. Bu fasıllara „Komintern Moskvada" başlıklı ve „Antikomintern Berlinde" imzalı bir mukaddime tahsis edilmiştir. Bu mukaddimede Kominternin tarihi şarh, ğaye ve teşkilatı karakterize edilmiştir. Bu sonuncu çok değerli diagramlar vasitasile grafik olarak dahi gösterilmiştir.

Bunlardan biri „Cihan bolşevizminin teşkilat binası" adı altında „üç kiti" tasvir eder ki, onlarda; Sovyet devleti, komünist fırkası ve Komintern'den ibarettir. İkincisi „Cihan ihtilâlinin temeli ve baş karargâhi" veyahud „Stalin etrafındaki hempaları" başlığını taşımakta olub cihan ihtilâlinin dirijorlarını göstermektedir. Fakat, bu mukaddimede en mühim olan vesikalar üzerine yapılmış Moskvanın bütün dünya imperyalizm emelleridir. Burada Komintern ile yan yana, Sovyet imperyalizminin başlıca amili olan kızıl ordunun, dünya için, bilhassa hemhudud memleketler için ne müthiş bir tehlike teşkil ettiği muvaffakiyetle kabartılmıştır.

Mukaddimeden sonra bütün dünya kit'alerine hasredilmiş makaleler üzerinde durmıyacağız. Yalnız

şu kadar söyliyelim, ki bu yazılarda Kominternin tahribkâr kanlı faaliyeti tasvir, vesaik ve fotograflarla tesbit edilmiştir.

Okuyucularımızı alakadar eden bilhassa Sovyet esaretindeki milletlere aid yazılardır. Demek olur ki, her millet hakkında bir yazı basılmıştır: Ukrayna, Şimalî Kafkasya, Gürcüstan, Azerbaycan, Türküstan, Edil—Ural, Belorusya, Kırım, İngermanlandya, Kareli hakkında birer yazı çıkmıştır. Maalesef, Ermenistan istisna teşkil ediyor ve kitabda yer bulmamıştır.

Ukrayna hakkındaki makaleyi Lvov'dan d-r P. M. Koronitski yazmiştır. Bu makalede ukrayna tarihi ve son 20 yıl zarfındaki istiklâl savaşı hulâsa edilmiş ve Simon Petlura ile prof. M. Gruşevskinin rolu kabartılmıştır. Bugünkü vaz'iyet için muharrir, d-r Evald Ammende'nin „Rusya aç ola bilirmi?" eserini istifade etmiştir. Kısa, fakat muhteviyatı çok zengin makalesinde H. M. Karabagî Şimalî Kafkasyanın rus mezalimine — çar, bolşevik ve beyazlar mezalimine karşı kahramanca mücadelesini tasvir etmekte ve bugünkü faciasını anlatmaktadır.

Azerbaycan hakkında yazan Hilal Münşî, kızıl Moskva imperyalizminin Bakû'de ve bütün Azerbaycandaki vahşetlerini etrafli surette tasvir etmektedir. O, ayni zamanda Moskvanın Ermenistana karşı olan iki yüzlü siyasetinin maskesini dahi yırtmaktadır.

Gürcüstan hakkındaki makaleyi „d-r N. Nakuraşvili" imza etmektedir. Muharrir, veyahud ortak müstear ad altında gizlenen muharrirler, Gürcüstanın faciasını ve cihanca malum kurtuluş mücadelesini tafsilatile naklediyorlar. Yalnız, yersiz ve lüzumsuz surette millî gürcü hükûmetine yapılan taarruzlara teessüf etmek lâzımdır. Gürcü sosyal-demokratları hakkında her türlü fikir beslene bilir. Fakat, kendisine gürcü vatanperveri deyen kimsenin, gürcü millî hükûmetini temsil eden sosyal-demokratların çarlığa ve bolşevizme karşı savaşlarını ve bu yolda vatan mehrabine verdikleri ve vermekte oldukları kurbanlarını inkâra hakkı yoktur. Bunun için kitabda Danimarka hakkındaki makaleden ibret alına bilirdi. O makalede tam bitaraflık ile Danimarka sosyal-demokratlarının bolşevizmle olan mücadeleleri tasvir olunmaktadır. Gürcü komünistlerinin egintiçiliginde bile millî unsur gören muharririn neden Danimarkalı gibi objektif olamadığına hayret ediyoruz.

Garbî Türküstan hakkında esasli ve işlenmiş bir makale d-r T. Şakir tarafından yazılmıştır. Edil-Ural hakkında — U. Temir, Kırım hakkında Cafer Seydahmed, Belorusya hakkında A. Tanin, Kareli hakkında E. Arippaynen, İngria hakkında A. Kotro yazmışlardır.

Bütün makalelerde millî kültürlerin barbarca ezildiği tasvir olunduğu gibi dinlerin takib olunduğuna dair dahi faktlar zikredilmiştir.

Tetkik ettiğimiz fasılda asıl Rusyaya tahsis edilmiş makale de vardır. Makalenin muharriri Harbinden d-r Aleksandrof nam birisidir. Kaydetmek lâzımdır, ki d-r Aleksandrof dahi milliyet mes'elesinin gerek eski, gerekse yeni Rusya için büyük ehemmiyeti haiz olduğunu kaydetmektedir. Ve itiraf ediyor, ki bu mes'eleye olan dikkatsizlik çarizmin sukutile beyaz hareketin muvaffakiyetsizliğinde başlıca amillerden biri oldu O, komşu memleketleri istilâ etmek istiyen kızıl imperyalizm tehlikesinden dahi bahsetmektedir. Buna mukabil tarihî hakikatleri ihmal ederek bolşevizm için hareket noktasının ve temelin Rusya ve rus milleti olduğunu unutarak, bolşevizmin rusçuluk mahiyetini inkâr ediyor ve bolşevizmin „rus olmıyan milletler" tesiri altında inkişaf ettiğini isbata çalışıyor.

Bu fasılda tetkik ettiğimiz ve hep rus milletini ittiham eden makalelerle hem ahenk olmıyan bu yazıdan başka bütün kitab zengin ve objektif materyalden ibaret olub Moskvanın vahşet ve imperyalizmine karşı bir ittihamname teşkil eder.

N. İ.

Baksanstroy ne zaman Baksanges olacak?

Baksanstroye (Baksan inşaatına) dair büyük bir makale haşreden „Şimalî Kafkasya bolşeviki" böyle bir sorgu vaz'etmiştir. Baksanstroy — Kabarda-Balkar muhtar vilayetinde, Baksan çayı üzerinde kuvvetli hidroelektrik istasyonu inşası demektir. Bu istasyon, bütün Kabarda ile başta Psihuabe şehri ve ona merbut demir yolu mıntakasını elektrik kuvvetile temin etmelidir. Bu gibi istasyonlar Şimalî Kafkasyada üç tane olacakmış: Baksanda, Sulakde (her ikisi de yapılmaktadır) ve Gizel-don'de. Bu sonuncunun 10 yıl süren inşaatı 1934 de iskandalle bitmiştir. İstasyon tantana ile işe salındıktan sonra yılda ancak $1^1/_2$—3 ay çalışa bileceği ve kuvvetinin tasavvur olunan 22500 kilovat yerine 2500 kilovat, yânı tam plandan 10 defa az olduğu anlaşılmıştır. Şunu da ilave etmek lâzımdır, ki Gizelges (Gizel hidro-elektrik istasyonu) inşaatına 22 milyon ruble sarfedilmiştir.

„Ş—K. b." makalesine kalırsa Baksanstroyu dahi ayni iskandal bekliyormuş. Gazete yazıyor, ki:

Bu elektro-istasyonun inşaatı 1934 de bitmeli idi. Fakat, inşaatçılar bu müddeti bozdular.

Umum Sovyetler komünist fırkasının Şimalî Kafkasya ölke burosu ictimaında inşaat müdürü Rubin yoldaş geçen yılın üçüncü kvartalında bu hidroistasyonu işe salaceğına kat'î söz vermişti. Bu ve bundan sonra için gene inşaatçıların kendi taraflarından tayin olunan müddetler hep gelib geçtiler. Ağır sanayi komiseri Orconikidze yoldaş bu yılın ilk yarısında istasyonu işe salmayı emretti."

Bu da bir tesir yapmadı. „Ve bugün inşaatçılar istasyonun ne zaman hazır olacağı sorğusuna cevab veremiyorlar." Felaket yalnız bunda değildir. İşin keyfiyeti dahi aksamakta imiş. Gazete bu hususta şunları yazmaktadır:

„Geçen derivasyon kanalının mecrası degişilirken 345.000 ruble havaya atılmıştır. Halbuki daha evvelce orada iş yapmanın imkânsız olduğu anlaşılmıştı. Geçen yıl yapılan işlerin 43% nisbeti plan harici işlerden ibaret olmuştur. Tazyık borularının yeniden yapılmasina 300.000 ruble sarfedilmiştir. Maşuk yarım istasyonu kulesinin temellerini yeniden yapmak v. s. işler için 10.000 rublelerle israfat yapılmıştır."

Ve sonra:

„Nalçikte menzil, poliklinik, mekteb, yaslı ve sair binaler inşasına ve sokülüb yeniden tikilmasine 100.000 rublelerle para sarfedilmiştir. Halbuki bu binaler inşaat listesinde kat'iyen mevcud değillerdir."

Bütün inşaatın fiati artmıştır.

„İstasyon binası, 691.000 rubleye mal olacakken, yalnız 60% nisbeti 1.320.000 rubleye mal olmuştur. Bina 2.216.000 rubleye başa gelecektir, ki plandan üç buçuk defa pahalı demektir. İnşaatın kıymeti tam 845.000 ruble pahalı olacaktır.“

Bunlar bir şey değil. Meselâ: „tunel inşaatına 17.000.000 rubleden fazla çok para sarfedilmiştir“ — 17 milyondan fazla „yanılmışlardır“.

Sonraki „yanlışlıklar“ da milyon rakamlarla ifade olunuyor:

„İstasyon için taksimat inşaatına ve takviye yarım istasyonlarına 4 375.000 ruble sarfedilmiştir. Yol işlerine 2.025.000 ruble fazla sarfedilmiştir. Hükûmemetin kararile bütün işlerin masrafının $1^1/_2$% nisbetinden fazla dutmaması icabeden keşfiyat işleri Baksanstroyda 5,6% nisbete çıkmıştır.

„Halk servetinin kıymeti o kadar düşmüş, ki şubatta projeler için verilen 140 000 rubleden 61 000 rublesi lüzumu olmıyan projelere verilmiştir“.

Bu da azdır:

„İnşaatın bu kadar pahalıya mal olmasına mukabil Baksanstroy işlerinin keyfiyeti fenaden de fenadır“.

Buna bakmıyarak:

„...İptalçılık ve iptalçılarla, tikib, söküb, yeniden tikmelerle hiç bir mücadele yapılmıyor. Yapmış olduğu duvarı çöken, istifadesi gayri mümkün garaj ve poliklinik yapan Kaşnef degil ki mes'uliyete celbedilmemiş, bilakis mükâfatlandırılarak sayfiyeye istirahata gönderilmiştir.“

Bütün bunlarla beraber Baksanstroy memur ve amelesinin vaz'iyeti çok ağırdır. İnsanları „ne emek hakkının verilme sistemi tatmin ediyor, ne intizam, ne de yaşama şeraiti. Bu hususta kimse düşünmüyor.“

Neticede „yalnız geçen yıl zarfında çalışmaya gelen 4881 ameleden 2887 kişi hesab alıb gitmişlerdir.“ Ayni yılda işe 93 mühendis ve teknik alınmış, buna mukabil 103 mühendis ve teknik işten el çekib gitmiştir.“ Câri yıl zarfında ise işten çıkan amelenin sayısı ise girenlerden üç defa çoktur.“

„Ş—K. b.“ gazetesine göre Baksanstroydaki vaz'iyet bundan ibarettir. Bu vaz'iyet Gizel—don ve başka „istasyon“ ve „kombine“ lerin inşasından alınan neticelerden daha eyi bir netice vâdetmiyor. Burada dahi baş belası olan Sovyet mütehassisleri tarafından havaya milyon rublelerle para savrulacak, bir para ki „dünyanin en hür memleketinin“ yarım çıplak ve aç vatandaşlarından toplanmaktadır. **Doğuj.**

Mes'ele bitmiştir

Gürcü sosyal-demokrat fırkasının organı „Brzolis Hma" gazetesinin 59 nci sayısında, mezkûr fırka azasından merhum An. Salukvadzenin bir makalesi neşrolunmuştur. Makale Almanyadaki hâkim rejim aleyhinde esassiz bâzi mütalealer yürütmektedir. Gürcü gazetesinin bu dikkatsizliği" Kurtuluş"un replikini mucib olmuştu „Kurtuluş" yazmıştı, ki:

„Gürcü gazetesinin mücahid bir arkadaşının hatırasını bir şeyle anmak için, esasında bolşevikler aleyhinde bulunan bu mektubu dercetmesi anlaşılır. Fakat, anlaşılmaz bir şey varsa, o da bu mektubun Millî Almanya hareketine dokunan satırlarının silinmeden, aynen neşredildiğidir. Bilhassa, ki 1932-de verilen hükümler, o zaman muhalefette iken, şimdi bütün Almanyanın itimadına mazher olarak, parlak surette iş başına gelen nasyonal-sosyalizm hareketinin misli görülmemiş muvaffakıyetile o tarihce rededilmiş mütalealardan ibarettir".

Sonunda „Kurtuluş“ ilave ediyo ki: „Bizce „Brzolis Hma" bu dikkatsızligile sade Salukvadzenin hatırasını değil, Millî Gürcüstan hareketinin filî menfaatını ve dolayısile ortaklı Kafkasya işini dahi mutazarrır etmiştir." Buna cevaben „Br. Hma" 63—64 ncü sayısında izahat vermektedir. Bu izahatta deniliyor, ki;

Salukvadzenin mektubu „Almanyayı tenkid maksadile değil, sırf merhumun o zamanki ruhî haletini göstermek için aldık". Gazete merhumun vardığı neticelerle razı olmadığını ilave ettikten sonra diyor ki:

„Bundan dört yıl evvel, nasyonal-sosyalizm daha muhalefette iken, bu hareketin sade iktisadî ve siyasî bir hadise olduğu hakkında düşünüle bilirdi. Fakat, Saar plebisitinden sonra, yeni Almanyanın sade sağlarla katoliklerin değil, hatta sol partilerin — sosyalislerle komünistlerden bir çoklarının — dahi rey verdiklerile — Hitlerizmin asıl mânası—millî mahiyette bir hadise olduğu meydana çıkmıştır. Millet rejim üstünde bir şeydir. Millet dediğimiz şey bir binaya benzer; İktisadiyat ile siyasiyat ise o binanın döşemesi ve mobilyasıdır Bina zedelenmiş ve ev çatlak vermiş, küleği ve yagışı içeri bırakıyorsa, her hangi eyi sahib, ilk iş olarak binay dogrultmaya, çatıyı tamire bakar ve yalnız ondan sonradır, ki evi döşemek ve bezemek fikrini eder. Almanyadaki sol partilerin yaptıkları ve şimdi de yapmakta oldukları en hüyük hata işte bu hakikatı ihmal etmeleridir. Millî vazifeyi ihmal ederek, sade iktisadî ve siyasî menfaatlere baglanmak hatası! Gürcü sosyalizmi bu hatti hareketi çoktan boşlamış ve milliyet mes'elesine kendi yerini vermiştir".

Bu suretle mes'ele kalmamıştır. Gürcü sosyal-demokrasisinin merkezî organı merhum azasının fikrine iştirak etmediğini tasrih etmiştir. Nasyonal sosyalizm alman milletinin kuvvetli ve saglam bir hareketidir. Bunu kabul eden gürcü sosyal-demokratlığı sosyalist doktrinerliğinden ne kadar uzaklaşmış olduğunu ve gürcü ve bütün Kafkasya ortak işleri üzerinde real bir yol ittihaz ettiğini isbat etmiştir. **Ç.**

ОТ РЕДАКЦИИ

Первые три из печатаемых ниже статей составляют, как бы, одно целое, затрагивают в той или иной степени общую тему: причины недавних неудач кавказского освободительного движения.

Автор первой статьи, проф. д-р Ольгерд Гурка, широко известен проживающим в Польше кавказцам, т. к. состоит генеральным секретарем варшавского Восточного Института — учреждения, которое неоднократно уже выявляло свои кавказские симпатии и при случае всячески старается облегчить судьбы местной кавказской эмиграции. Наряду с должностью ген. секретаря Восточного Института, д-р Гурка занимает кафедру профессора истории при Львовском университете.

Польский оригинал статьи д-ра Гурка напечатан был в последнем номере известного нашим читателям востоковедческого журнала „Всхуд". Помещая статью в нашем журнале, считаем нуж-

ным отметить, что нами вполне разделяется основной тезис, подчеркнутый д-ром Гурка при разборе недавней кавказской действительности: причину недавних неудач кавказской освободительной борьбы надо искать прежде всего в нас самих — в людях и суб'ективных условиях кавказской действительности, а не об'яснять все неблагоприятным стечением внешних, т. н. об'ективных обстоятельств. Некоторая схематичность и обобщения, допускаемые автором при высказывании своих мыслей, не меняют сути дела: историю творят прежде всего люди и только потом условия, кои являются скорее фоном, на котором исторические персонажи разыгрывают события.

Критицизм, проявленный д-ром Гурка, имеет место и в кавказской среде. Об этом свидетельствует ряд статей, разновременно посвященных нашим журналом затрагиваемым д-ром Гурка положениям. Говорит об этом и содержание статей г. г. В. Кавтарадзе и А. Кундуха, следующих за статьей д-ра Гурка.

Помещая весь этот материал, мы допускаем, что он может встретить возражения и вызвать те или иные дополнения и поправки. Всему этому мы охотно предоставим место в последующих номерах нашего журнала, так как считаем, что свободный и дружеский обмен мнений будет способствовать еще большей кристализации кавказской национальной мысли.

Но соглашаясь с основной мыслью авторов печатаемых статей и признавая, что решающим фактором в истории являются суб'ективные свойства действующих персонажей, а не т. н. об'ективные причины, мы считаем нужным подчеркнуть, что совершенно не разделяем исторических концепций г. А. Кундуха в той части, где автор касается древней истории Северного Кавказа и устанавливает преемственность в генеологии северокавкасской нации.

По нашему мнению, всякое доказательство, стремящееся установить — какая из составных частей северокавказской нации поселилась на Северном Кавказе первой, будет в сущности бездоказательным и будет носить сугубо-гипотетический характер. Мы считаем, что для всякого северокавказца, занимающегося вопросами древнейшего прошлого своего народа, достаточным мерилом должны быть сохранившиеся до наших дней памятники материальной и духовной культуры наших предков, как равно сведения писателей классического мира и прочие реально осязаемые факты. Все это дает возможность с достаточной точностью расшифровать этнический облик древнего Северного Кавказа и установить в нем присутствие почти всех отдельных частей, творящих современную северокавказскую нацию. Древность всех этих данных настолько почтенна, что должна вполне удовлетворить нас при установлении многообразных основ нашей общности.

Не разделяем мы и некоторых иных также более или менее существенных выводов г. Кундуха в упомянутой исторической части его статьи.

Надеемся, что и эта часть статьи г. Кундуха вызовет среди наших читателей соответствующий отклик и заставит их последовать его примеру: собственными, северокавказскими, силами устанавливать истоки нашего прошлого.

Ольгерд Гурка

Роль людей и условий при созидании Восточной Европы XX века

Существуют определенные проблемы, которые потому только могут остаться проблемами вечными, что десятки причин заставляют при их разрешении избегать кратчайших линий. К числу таковых принадлежит прежде всего вопрос: играют ли решающую роль в истории народов и государств люди или же указанная роль принадлежит фактору, называемому условиями данной политической ситуации?

Вопрос этот более чем всехсторонен, охватывает различные отрасли человеческой мысли, а прежде всего и в равной мере, область философии и истории. Нельзя при этом дать ответ, который бы какой либо диалектикой не был взят под сомнение, хотя бы потому, что проблема: люди или условия входит в область наиболее спорных вопросов философии, над которыми человеческая мысль трудится с начала своего возникновения. Поэтому на этом пути философической спекуляции нет никаких шансов найти такое разрешение, которое само по себе способно было бы убедить большинство людей. Зато остается всегда открытым другой путь — путь эмпирической проверки в событиях прошлого того, каким образом разрешаемы были отдельные положения и оказался ли в конечном итоге решающим фактором человек или же фактор, называемый политическими, географическими и пр. условиями. Ибо т. н. средний человек совершенно правильно требует простого и ясного ответа, все более и более теряя в наше время доверие к спекулятивной диалектике. Опыты, в особенности последних десятков лет, показали, что человеческая мысль способна время от времени созидать ослепляющие синтетические концепции, которые потом исторической действительностью или же экономическими феноменами обращаются в ничто. При наличии искуства жонглировать понятиями и ловкости в формулировании выводов легче создать сложный научный тезис, чем провести простое и ясное наблюдение, которое каждому было бы доступно и понятно. Поэтому оставим в стороне все спекулятивные утверждения, пытающиеся ограничить

роль истории необходимостью только ее познания, т. к. — хочет ли этого кто либо или нет — история является наукой, которая сама по себе дает суждения о прошлом и в силу необходимости преподносит эти суждения в форме одобрения или критики.

Ибо каждый человек, интересующийся тем, что происходит вокруг него или же вокруг его народа или государства, хочет знать просто и ясно, что является решающей причиной, той „causa officiens“ положения, которое существует, а отсюда — кто или же что несет вину или, наоборот, имеет заслугу в том или ином разрешении политических судеб народа или государства.

Актуальность проблемы в целом особенно связана с опытом последнего десятилетия и не столько с событиями великой войны, сколько с фактом переустройства Европы вследствии и после этой войны. Несомненно также, что форма оценки политических событий, а отсюда и течения современной истории, является в большей части иной, чем это имело место в XIX-м столетии и в начале XX-го — перед великой войной. Наблюдение за происходящим, а отсюда и методика исторических выводов следуют обыкновенно за событиями и находятся под их влиянием в такой степени, что то, что называем духом истории является, согласно бессмертному изречению Гете в „Фаусте", несомненно отражением явлений и фактов из деяний именно текущего. Длительный период относительно мирного сожительства народов от наполеоновских войн до великой войны, совместно с находящимся с ним в тесной связи экономическим и духовным развитием, стал причиной того, что при оценке исторических явлений полную победу одержал момент массовости. Это случилось не только вследствии отсутствия великих исторических личностей в указанный период, ограничивающихся в лучшем случае Кавуром и Бисмарком, но прежде всего благодаря влиянию т. н. материалистического подхода к истории. Хотя материалистический подход к истории является наиболее значительным детищем марксизма, или иначе — зарождение его произошло в виде неотделимой частицы социалистического мировоззрения, однако эта форма восприятия явлений распространилась и вне пределов социализма и оказала влияние на всю предвоенную мысль человечества. Через кафедры университетов она проникла в различных видах даже в состав определенно консервативных или же либеральных мировоззрений. Я не затрудняюсь утверждать, что, в общем, материалистический подход к истории, в смысле низведения роли индивидов, как таковых, к роли факторов без значения, охватил историческую мысль всей предвоенной Европы, находя в этом отношении поддержку в позитивизме и в его социальной психологии. Весьма консервативные и часто даже клерикальные профессора университетов благодаря форме восприятия ими деяний человечества, как течения событий, разрешаемых окончательно различными „историческими необходимостями", „социальными и политическими силами", „стремлениями", таким или иными „политическими линиями", а неоднократно даже „правом истории", — выражали этим в сущности мысли, заимствованные ими из концепций исторического материализма, хотя каждый из них несомненно опроверг бы с возмущением обвинение в нахождении под влиянием марксистских положений.

Значение человека, как индивида, и человеческого сообщества, как действующей группы индивидов, было сведено этой системой исторического мышления почти к нулю. Она получила такое широкое распространение, что ученый, который течение исторических событий подчинял бы влиянию личности, был бы считаем перед войной недоучившимся ребенком, воспринимающим историю подобно древнему Плутарху или, в лучшем случаю, более современному Карлейлю. Софактором такого распространения этой системы мышления в историографии всего мира был некоего рода научный террор, форму которого принимали бессодержательные зачастую обобщения, узурпирующие в свою пользу „настоящий научный" характер воззрений. Не представляется возможным в пределах одной статьи иллюстрировать примерами то, как широко распространен был в предвоенной историографии взгляд, низводящий роль индивида или группы индивидов к роли неимеющего значения в истории фактора. Для достаточно полной характеристики этого научного феномена мы должны были бы дать здесь обзор всей историографии XIX столетия.

Хотя, в конце концов, явление это для того времени было вполне понятным. Тогда верили в нерушимость „прав экономики", ненарушимую закономерность развития социальных взаимоотношений, а в результате, и в нерушимость влияния тех или иных „сил" при развитии исторических событий. Ныне каждый чувствует, что сегоднешняя действительность опровергла все эти весьма научно редактированные обобщения и обратно восстановила в истории решающую роль человека. Пошатнулись „незыблемые экономические истины" и „неизбежные социологические процессы", оказались фикцией „права истории" и мыслящее человечество поняло, что, все же, наиболее важным фактором в истории, фактором решающим, являются деяния отдельных личностей или же целых человеческих сообществ. Короче говоря, произошла известная перестановка: человек и условия переменились ролями, изменили характер своего участия при развитии тех или иных исторических событий. Еще недавно решающее значение имели те именно условия и обобщения, в рамках которых разрешались судьбы людей и отдельных исторических единиц. Сейчас, наоборот, — мы чувствуем, что люди и целые народы сами разрешают свою судьбу на фоне некоих условий, которые, несомнено, или облегчают или же затрудняют процесс, но ничего сами по себе не разрешают. Однако, не следует впадать и в другую крайность. В свое время, когда решающая роль признавалась окружающим условиям и упоминаемым выше политическим, социальным и экономическим силам, то об индивидах говорилось так, как будто бы имена в истории являлись всего лишь иллюстрацией неминуемых исторических процессов. Сейчас, дабы избегнуть односторонности при признании личностям и группам людей решающей роли, мы не должны забывать и о влиянии иных факторов, но помня при этом и то, что условия не играют решающей роли, а являются канвой, фоном, на котором человек, как личность или же народ, сам ведет

свою судьбу к победе или поражению. Но знание „условий" обязывает при политических рассчетах тех людей, которые играют руководящую роль при разрешении данного политического положения.

* * *

Автор настоящих слов в ряде своих работ уже провел в границах польской историографии основные изменения как при избрании отправных пунктов, так и формы оценки исторических событий. Исходя из прежних польских исторических воззрений, я решительно выступил против воззрений последних тридцати лет нашей историографии, которые падение прежнего польского государства всецело связывали с условиями и стремлениями, исходящими от его могущественных соседей. Я решительно выступил с тезисом, что не только падение давнего польского государства в XVIII столетии было результатом собственной решающей вины — т. е. вины тогдашней польской общественности, но что и возрождение польского государства было прежде всего результатом возрождения польского народа во всех его слоях в XIX и начале XX ст.ст., как равно и гениального руководства возглавляющей единицы—Маршала Пилсудского. Таким образом, из осознания факта, что судьбы своего народа и государства решают прежде всего человек и люди, возник как приговор осуждения для тех, при жизни которых произошло падение, так и благодарное признание заслуг тех, при жизни которых произошло сначала возрождение народа, а затем и государства. Иллюстрируя этот взгляд цифровыми данными,*) автор настоящих слов показал, что ни географические условия, ни численное соотношение государственных сил, собственных и чужих, не были решающими факторами как при падении, так и при возрождении польского государства. В первом случае решало отсутствие с польской стороны надлежаще организованной политической и военной группы, наряду с отсутствием выдающегося руководителя. Наоборот, возрождение Польши было следствием наличия всеобщей и мощной народной воли к собственной государственности, как равно и действенной работы групп, готовых на всякую борьбу и всяческие жертвы, и, наконец, гениального руководства гениальной личностью.

Конечно, при анализе проблем истории польского падения и возрождения, перед каждым, как это было с пишущим настоящие строки, должен был предстать вопрос, как разбираемая нами проблема представляется в истории иных народов, которые, на фоне существующих в конце и после великой войны отношений, или достигли независимости, или, достигши ее временно, утратили вновь, или, наконец, вообще независимости не в состоянии были достичь. Ибо сама сущность вопроса диктует нам уже сегодня необходимость провести синтетический разбор тех перемен на карте Европы, которые произошли в XX столетии. Нарождается уже научная потребность установления—являются ли все эти новообразованные государства, в некоторых случаях существующие, а в иных потерявшие опять свою независимость, результатом стечения обстоятельств или же следствием человеческих деяний — деяний как отдельных лиц, так и целых групп, ответственных в силу тех или иных условий за судьбы своих народов. Ибо, если каждому исследователю истории Европы XX столетия известен факт, что ряд народов, не имеющих собственной государственности, дошел в этом столетии до независимого государственного бытия, а целый ряд других народов, добыв свободу, не смог ее удержать, то возникает вопрос – что является решающей причиной, той „causa officiens", которая в одном случае дала один результат, а в другом — другой? Считаю нужным подчеркнуть, что в рассуждениях на эту тему нет необходимости устанавливать все причины успеха или неуспеха, а нужно лишь установить „решающую причину", или, говоря системой философической терминологии, ту „causa officiens", которую необходимо было бы изменить, дабы данный факт успеха (или неуспеха) не был реализирован. Говоря прямо и в понятной для каждого форме — проблема всех тех народов, которые в результате мировой войны приступили к утверждению своей независимости, вращается вокруг вопроса: скрывается ли причина успеха или неуспеха во внешних условиях и географии или же решающее влияние оказали действующие единицы и группы данных народов?

Приступая к разбору этих новых политических результатов истории XX века, необходимо прежде всего обуздать в себе собственные симпатии и антипатии, если, конечно, имеется желание рассмотреть вопрос со всей искренностью и откровенностью. Причина этой необходимости весьма проста. История, согласно изречения известного польского историка и библиографа проф. Л. Финкеля, не располагает никаким иным мерилом для оценки правоты человеческих деяний и способностей исполнителей, как — у с п е х! Так как история является наукой ретроспективной, оценивает вещи ex post,—поэтому момент успеха является наиболее верным показателем при оценке предшествующих политических и военных деяний и починаний. Поэтому же история не есть той „magistra vitae", которая сама по себе дает некие рецепты постоянной и действенной во всех случаях политической акции, но есть наукой, которая, устанавливая течение событий в их причинной связи, автоматически дает некий практический опыт, а благодаря этому—некие политические указания, ценность которых неопровержима. Вот именно этот то факт, говорящий, что решающим моментом при оценке какого либо политического или военного деяния является достигнутый успех, вызывает, при оценке событий из истории возрождения или упадка народов и государств, необходимость некоторого господства над собственными чувствами. Ибо историк весьма часто должен высказывать одобрение и похвалу счастливым и без этого победителям, и наоборот, слова осуждения и критики тем, которым и так — перед оценкой их деяний историей—нанесен удар самой политической действительностью. Это обстоятельсто принуждает, как бы, к научному „vae victis", высказывание которого часто весьма тяжело, в особенности читателю, происходящему из среды потерпевших поражение народов. Но пусть оправданием в на-

---

*) Здесь автор перечисляет ряд своих прежних работ, в которых приводятся упомянутые цифровые данные.—Переводчик.

шем случае будет факт, что так выдающиеся польские мыслители, как Шуйский, Калинка, и Бобжыньский, ради оздоровления польской мысли не побоялись высказать о прошлом своего народа горькую правду, будучи убеждены, что только жестокая историческая правда является созидающим фактором, а всякое сокрытие этой правды ведет народ к уничтожению. Наконец, никто иной, как создатель современной Польши Маршал Пилсудский, открыто подтвердил, что „народ, который созидает свою политическую мысль на обмане, на отрицании правды, идет к своей гибели". Пусть поэтому глубокое внутреннее убеждение, что только жестокая правда может дать здоровые элементы для развития мысли каждого народа, будет оправданием и обоснованием всей той откровенности при оценке рассматриваемых нами проблем истории XX века, которая автоматически заставляет высказывать слова одобрения победителям, а осуждения побежденным.

* * *

Подчеркивание общего характера проблемы, которая в своей упрощенной форме гласит: играют ли решающую роль условия или же люди — само собой свидетельствует, что нельзя исчерпать исторический об'ем этой проблемы в пределах одной статьи. Ибо не только нельзя в кратком обозрении фактов и положений охватить эту проблему на протяжении длинного ряда веков истории человечества, но невозможно об'ять даже историю и изменения, вызванные великой войной, рассматривая их под углом зрения упомянутой проблемы. Уже один только кардинальный вопрос из сферы истории боевых событий недавней войны: могла ли Германия при наличии хорошего командования выиграть войну или, говоря точнее, овладеть Парижем и Калэ в самом начале войны, — может ввести нас далеко в пределы чисто военных рассуждений, хотя факт этот является блестящей иллюстрацией того, что способности руководителей, а не численные условия сами по себе, решают события. И все иные вопросы подобного характера, которые возникли после переломных дней августа 1914 года, должны быть обойдены в наших рассуждениях. Ибо редакционные веления, заставляющие ограничиваться, диктуют нам необходимость разрешать поставленную нами проблему, пользуясь наиболее характерными примерами, которыми являются именно примеры из истории Восточной Европы в конце войны и на протяжении 1918–21 г. г. Никакая другая, пожалуй, группа исторических вопросов не подходит так хорошо при разрешении поставленной нами проблемы, не выделяет так ярко решающего значения индивида и группы людей, в сравнении с фактором, называемым „условиями",—как именно события Восточной Европы в момент, когда начали кристализироваться ее судьбы как под ударами великой войны, так и ударами русской революции.

Определим прежде всего более точно наиболее характерные места этих исторических процессов, исключив перед этим из их числа проблемы, связанные с возрождением Польши, ибо на этот вопрос я уже дал ответ в перечисленных выше работах (см. снос — переводчик), устанавливая тезис, что Польша возродилась, как следствие воли и достижений польского народа, руководимого гением Маршала Пилсудского. Зато остаются иные группы подобных вопросов, из которых одну составляет проблема балтийских государств, во главе с Литвой и Финляндией, при чем ей сейчас же и автоматически противопоставляется проблема группы кавказских народов. Подобно этому, отдельный вопрос представляет из себя проблема истории Украины перед и после мировой войны, а рядом с ней, как ее антитеза, весьма характерная история немного более отдаленной от нас Турции. Уже само только перечисление этих четырех групп проблем Восточной Европы выдвигает ряд выводов, останавливающих внимание каждого мыслящего политика, которому известен образ успехов и поражений каждой из групп в отдельности.

Наиболее характерной иллюстраций проблемы „условия или люди" является сопоставление судеб балтийских и кавкасских государств в момент распада царской России и формирования СССР. Хотя, несомненно, можно заявить, не приводя к тому доказательств, что условия складывались более выгодно для балтийских государств, чем для государств кавкасских, но уже об'ективный взгляд, брошенный на карту, является достаточным для того, чтобы сказать, не прибегая к историческим парадоксам, что в действительности было противное. Более выгодные условия имела кавкасская группа, а менее выгодные — группа балтийская. Ведь, балтийская группа лежала сейчас же обок все еще функционирующего центра русской государственности — большевистского Петербурга, лежала вблизи исходных пунктов линий, связывающих два русских центра — Москву и Петербург, в то время как Кавказ географически был в несравнимо лучшем положении, или, иначе, говоря стилем некоторых обобщений, обладал всеми благоприятными условиями. Кроме этого, республики Южного Кавказа имели еще и условие времени, т. е. возможность организации даже в течении 1920 года, тогда как на Севере уже в конце 1919 года наступает разгром белогвардейцев, хотя и без этого балтийские республики непосредственно столкнулись с большевизмом в начале 1919 года, а в конце года вели с ним уже открытую борьбу. Если однако эта сторона вопроса является может быть спорной и может вызвать дискусию, то зато условия географического размещения рассматриваемых групп государств совершенно ясны и говорят сами за себя. Взаимная же осмоза балтийских и русских национальных элементов выявляет на Севере, за исключением Финляндии, по меньшей мере такую же степень напряжения, как и на Кавказе. Мы не должны, наконец, забывать и того, что балтийская проблема имела еще и специальные затруднения благодаря борьбе латышей с германским элементом, который во всех случаях осложнял стремления латышей к независимости. Однако, все эти условия не оказались решающими и каждое из балтийских государств выявило сознательный и последовательный путь успехов, ведущих к победе.

Наиболее яркий пример того, что течение исторических событий решается главным образом руководством и сознательной волей людей, а не усло-

виями, дает нам далеко не обширная Эстония на протяжении 1919—20 г. г. Не поддающиеся никаким чуждым влияниям, хотя и живущие в непосредственной близости центра тогдашнего русского колосса, эстонцы ведут свою политическую игру с таким мастерством, которое в конечном итоге дает им возможность создать собственную государственность. Эстонцы не теряют время. Уже в январе 1919 года устанавливают основы государственного устройства; умеют сотрудничать с Латвией, несмотря на трения относительно границ; в лице генерала Лайдонера народ находит выдающегося военного руководителя, который блестяще выявил, что судьбы государства решают не условия и количество, а человеческая воля и руководство. Эстония, как бы на показ, разыгрывает в свою пользу сложную игру того времени, являясь яркой антитезой многих сопартнеров на путях к независимости, которые постоянно допускают ошибки, главным образом благодаря необоснованному максимализму установок. Хотя факт, что Эстония первая из всех государств заключила сепаратный мир с Советами (в начале февраля 1920), вызвал возмущение держав Антанты, однако сейчас, в перспективе истории и исходя из интересов Эстонии, шаг этот мы должны признать здоровым и разумным проявлением государственного эгоизма. Аналогично этому - иногда в большей, а иногда в меньшей мере — и другие балтийские государства в разбираемый нами момент своего государственного возрождения дают нам десятки примеров, свидетельствующих о их собственных заслугах при восстановлении своей независимости. Разве недостаточен пример Латвии и Эстонии, которые, в противовес кровавым весьма часто столкновениям кавкасских государств, смогли отложить свой жаркий спор о владении городом Валку и сотрудничать в борьбе с общим врагом в решающие и тяжкие моменты.

Я не колеблюсь признать ряд заслуг даже в действиях литвинов, конечно с точки зрения их чисто этнических интересов. Несомненно, что Литва созидала основы своего государственного бытия только при помощи Германии и смогла использовать эту, так сказать, германскую основу несмотря на решительное поражение Германии и ее влияний. Антипольская политика Литвы тех времен долго еще будет оставаться вопросом открытым, в особенности если ее оценивать под углом зрения преимуществ — никогда не дождавшихся реализации проэктов — двухкантональной Литвы, опирающейся на Польшу. Воля литовских политиков, удержавшихся у власти, направила судьбы страны и народа в ином направлении, вопреки условиям, а в особенности вопреки этнографическим условиям в самой Литве. Но сегодня, независимо от только что сказанного и исходя из той исторической перспективы, которая понемного нарастает, история должна признать Литве один разумный шаг, благодаря которому она, пожалуй, сохранила свою независимость. Шаг этот заключается в том, что, несмотря на свое непримиримо антипольское настроение, Литва никогда не пошла на открытую и всеми своими силами проводимую войну с Польшей, опираясь при этом на Советы. Каждый, кто знает молниеносное занятие Вильна войсками ген. Желиговского, кому известны военные возможности тогдашнего времени, должен будет признать, что молодое литовское государство находилось в то время на краю гибели и смогло избежать такорую в критический и переломный момент только потому, что не решилось на открытую войну против Польши. Каждый, думаю, согласится, что в данном случае я стараюсь быть возможно беспристрастным историком, который судит о событиях не с суб'ективной точки зрения, а как наблюдатель и исследователь, старающийся вникнуть в возможности и тенденции всех народов и государств, не обращая внимание на их отношение к польскому народу и государству.

Меньшее внимание в настоящих выводах я уделяю импонирующему развитию судеб Финляндии, так как при рассмотрении истории Финляндии с еще большей аргументацией можно говорить об основных условиях государственного возрождения, покоящихся прежде всего на высоко-развитом национальном сознании и высокой культуре масс финского народа, который уровнем развития, скорее скандинавским, чем восточно-европейским, несомненно превыщал своего русского противника. Достаточным будет, думаем, для иллюстрации нашего тезиса уже вышеприведенный обзор судеб балтийских государств, с особым подчеркиванием характерных примеров прежде всего из истории борьбы Эстонии, а затем Латвии, которая также сознательно стремилась при далеко не благоприятных условиях к достижению своих целей. Если она и не достигла полностью своих территориальных устремлений, то только потому, что нервы руководящих политиков не выдержали грозной пробы первых дней августа 1920 года.

Задержимся еще немного на тех счастливых победителях и на тех исторических событиях, которые наиболее ярко иллюстрируют то, как воля людей и гений вождя побеждают условия, спасая страну в ситуации почти безнадежной. В данном случае я имею в виду историю Турции, начиная с момента перемирия, или иначе — трактата в Мудрос, т. е. с того момента, когда великое государство Османов очутилось в положении великого польско-литовского государства после второго раздела. Редко когда в истории человечества мы можем найти такую яркую аналогию положений, какая существует между положением Турции сейчас же после великой войны и положением Польши после победы Тарговицы при помощи России, или иначе—после фактического падения польского государства в 1793 году. Эта Турция 1918 года была государством, собственно, не существующим; столица страны с бессильным султаном во главе находилась в руках иностранных войск; даже турецкое господство в Анатолии было взято под сомнение фактом занятия Смирны греческими войсками—наступал, казалось, последний акт трагедии „больного человека", как называли в те времена султанскую Турцию. В этот момент в игру вступает человек - гений Мустафа Кемаля и достоинства тех, которых он смог об'единить в борьбе. Но боясь, как историк, высказать взгляд, который сегодня в Возрожденной Польше, осознавая нашу теперешнюю государственную мощь, уже можно высказать и который еще недавно не мог бы быть высказан польским пером, я утверждаю, что диктатуре Му-

стафа Кемаля удалось достичь в истории своего народа того, чего, к сожалению, не удалось достичь любимому всеми компатриотами Костюшке. Мустафа Кемаль Паша должен был итти против всех, в том числе и против слабого и нерешительного султана, который по приказу держав Антанты организовал турецкую армию для борьбы с возродителем отечества. Пользуясь умело противоречиями между своими противниками, Мустафа Кемаль смело шел к цели, пренебрегая единой (наружно) волей всей Антанты, которая, казалось, решала судьбы мира, но на самом деле давала свое согласие уже на факты совершившиеся, конечно за исключением Германии, которая была реально зависима от воли Антанты. Мустафа Кемаль Паша, сегодня Ататюрк, победоносно преодолел все препятствия, преодолел внешние и внутренние противоречия, как своей победой в войне с Грецией, так репрессиями, а часто и виселицей, которыми он должен был пользоваться в борьбе против врагов его путей спасения Турции.

Несомненно, согласно нашей вступительной оговорке, софактором его действий были и т. н. условия—например, обширные малонаселенные пространства Анатолии, которые позволили ему организовать как оппозицию против легального правительства в Константинополе, так и сопротивление греческому маршу со стороны Смирны. Но это была лишь канва тех возможностей, на фоне которых исключительно сильная личность, скажем даже, гениальный вождь армии и народа, поддерживаемый храбрыми солдатами и сторонниками, мастерски разыграл игру, решающую судьбу государства и независимости. Турция выиграла войну с Антантой и Западной Европой (хотя формально выиграла войну с одной только Грецией), утвердила свою волю, удержала за собой, вспреки всем, основные свои земли, а прежде всего превратилась в более независимое государство, вернее — совершенно независимое, в такое государство, каким не была в последние времена империя Османов и Халифата. Вместо окончательной ликвидации „больного человека", мирового государства Османов, ликвидации, которая казалась вполне естественной, как последний акт „неизбежного исторического процесса" и „политической необходимости" (говоря стилем историографии XIX столетия),—воля и гений человека создали новое, совершенно иное государство, ныне уже Государство Турок, а не Османов, которое не позволит столкнуть себя с занятых позиций. Трудно в истории человечества найти более яркий пример того, что судьбы мира выковывались человеком и людьми, а не теми или иными условиями. Условия играют несомненно известную роль, но решающее значение историки и публицисты придают им тогда, когда хотят оправдать тех, которые оказались виновными перед своими государствами и народами—или благодаря отсутствию характера, или благодаря отсутствию способностей.

Ныне в силу необходимости я должен перейти к печальной и даже трагической стороне рассматриваемой проблемы—к тем, которые проиграли в исторической игре о независимость. Если, однако, при наличии у меня искренних симпатий в отношении освободительных стремлений народов б. царской России я вынужден, все ж высказать об'ективное суждение о поражениях в период 1918—21 г.г., то это делается мною в силу глубокого научного убеждения, согласно коего подчинение судеб тех, которые проиграли, прежде всего т. н. условиям лишает их всякой надежды на лучшее будущее. Конечно, не трудно догадаться, что антитезой рассуждений о судьбах балтийских государств и Турции будут рассуждения об истории недавних событий на Украине и Кавказе.

Наиболее важной проблемой остается проблема Украины, вопрос общеевропейского значения. Естественно, наиболее легкую роль имеют те, которые просто и бездоказательно утверждают, что украинская государственность не имела никаких основ для существования, ее недавнее создание было чем то искуственным и случайным, а падение и ликвидация в 1920 году чем то вполне натуральным и само собой понятным. Но принципиальная полемика с таким взглядом была бы слишком далеким отходом от нашей темы, хотя однако мы считаем, что этот взгляд существует в Европе вообще, а в Польше в особенности в силу совсем иных причин и иных „pia desideria", чем те, которые исходят из об'ективного наблюдения того, что имело место в истории. Поэтому то вполне достаточным ответом на такого рода взгляд является утверждение, что, однако, украинское государство, хотя и короткое время и в состоянии почти провизоричном, все же существовало. В результате, у об'ективного историка возникает вопрос не относительно возможности создания Украины в качестве суверенного государства, а относительно того, почему она не смогла удержаться после своего создания.

Нет при этом нужды углубляться в детали рассуждений на тему географических условий и расположения украинской этнографической массы. Ибо отрицательное значение разбросанности украинских масс без определенно обозначенных географических границ компенсируется огромным этнографическим распространением и количеством более или менее сознательного национального элемента. Следовательно, если не совсем определившийся этнографический облик и отсутствие натуральных границ составляют некоторый минус условий, то огромное количественное и территориальное распространение украинского элемента составляет тот плюс условий, который должен был бы диктовать более мощное напряжение при созидании государственности, чем, например, у тех народов, которые занимают незначительные пространства отдельных губерний, входящих в состав украинской территории. Поэтому и здесь мы должны искать причин исторического результата в людях и путях действия, на которых разыгрывались судьбы народа, а потом и государства. Несомненно, наиболее великой—или скажем с более жестокой откровенностью — единственно великой, гениальной личностью украинской истории есть Богдан Хмельницкий, едиственная личность, при которой в течение 16 лет Украина пользовалась почти полной независимостью, хотя Хмельницкий никогда не старался, чтобы независимость управляемой им территории была формально признана. Этот величайший человек украинской истории был несомненно - вопреки утверждениям некоторых украинских концепций—политиком, который постоянно и всюду искал компромисса,

а наиболее долго и упорно искал компромисса с польским государством, на чем именно и покоится его величие, как украинского политика. Экскурсия в так отдаленное прошлое совершена мною для того, чтобы выявить ясную для беспристрастного наблюдателя правду о том, что созданное на развалинах царской России украинское государство пало на фоне войны, которую бы никогда не допустил человек масштаба Хмельницкого: войны на два фронта. Создание украинского государства на территории б. царской России с одновременной борьбой с поляками, а затем с возродившимся польским государством, равнозначно было самоубийству украинской государственности. От того монента, когда галицийские украинцы того времени не нашли в себе сил посвятить свой максимализм идее украинской государственности, а в свою очередь приднепровские украинцы не имели достаточно сил, дабы навязать такое разрешение проблемы с самого начала, — проблема украинской государственности вступила на путь самоубийства.

Несомненно, с полным основанием говорят при разборе этих вопросов и о т. н. условиях, в особенности о недостаточном количестве тех вполне сознательных украинских элементов, которые хотели бы тогда созидать свое государство с таким самым напряжением и жертвенностью, с каким это делали иные народы в эти решающие годы. Трудно отрицать, что сознательных и готовых к борьбе элементов в тогдашней Украине было действительно не много, но и такого количества было бы в эти решающие годы вполне достаточно для того, чтобы создать действительный центр самостийной украинской акции. Благодаря такому центру, можно было тогда имеющуюся формальную поддержку Европы перековать на действительную и независимую Украину, пусть даже весьма отличную от тех обширных и спорных этнографических претензий, которые изображаются на различных пропагандных картах. Достижение основной цели — украинской государственности - было следовательно возможно даже при тогдашнем количестве сознательных и способных действовать украинцев, но только при условии сотрудничества с Польшей и имея в тылу помощь польского государства и никогда путем уничтожения собственных конструктивных элементов именно в борьбе с Польшей. Те, которые вступили на последнний путь в течение 1918 года и при подписании договора в Брест-Литовске, едва ли отдавали себе отчет в том, что, руководствуясь эмоциональным максимализмом и различными революционными фикциями, они хоронили возможность создания действительно независимого украинского государства.

В задачу автора не входит осуждение или же одобрение деятельности отдельных украинских политиков того времени. Собственная украинская историография еще долгое время будет оправдывать их малоценным эпитетом доброй воли в отношении своего народа, но историография вообще оценивает и будет оценивать их согласно результатам. Поэтому и я формулирую свои выводы, не называя фамилий и даже не перечисляя фактов, хотя для каждого ясно, что целый ряд событий из истории Украины перед подписанием соглашения между атаманом Петлюрой и Маршалом Пилсудским является иллюстрацией постепенного уничтожения возможностей создания украинской государственности. Положение это легко может быть оправдываемо публицистикой, если она не пожелает пользоваться в качестве мерила тем моментом, из которого всегда будет исходить история т. е. конечным результатом. Так, как об'ективная историография не оправдает переяславского соглашения Хмельницкого или же оттяжку со стороны Польши в заключении гадзяцкого соглашения, учитывая результаты, которые они принесли с собой, или же отсутствие всяких результатов, — так само об'ективная историография никогда не оправдает той борьбы, которая по существу является иллюстрацией неумения использовать подходящий момент. В результате, наступила ликвидация украинской государственности, т. к. в 1918 20 г. г. добрая воля к сотрудничеству была выявлена с опозданием уже со стороны украинской.

Когда украинские руководящие круги, вернее — группа и политика атамана Петлюры, стали на правильный путь, было уже поздно с точки зрения созидания государственности, т. к. в процессе предшествующей борьбы не были созданы кадры борцов за свободу Украины в таком количестве, чтобы эти кадры могли быть самостоятельным решающим фактором в Восточной Европе. Все т. н. большие возможности находились в 1918 г. в руках действующих тогда людей. И если сейчас возникает необходимость подчеркивать, что проблема создания своей государственности не была ими разрешена, то это вызывается убеждением, что однако проблема эта могла быть разрешена положительно.

Остается еще дать характеристику падения государственных образований на Кавказе. О географических условиях мы уже говорили выше, указывая, что этот фактор во всем своем об'еме скорее содействовал новым государственным образованиям на Кавказе, чем им вредил, как с точки зрения отдаленности кавказских государств от русских центров, так и вследствии легкого доступа для флота и помощи Антанты.

Однако, т. н. условия могут образовывать и деяния людей — в данном случае не действия тех, кто созидал свою государственность, а тех, кто до такого создания не допустил. С этой точки зрения следовало бы, пожалуй, отделить проблему Северного Кавказа или, употребляя официальное название, Северо-Кавказской Республики от проблемы трех республик Южного Кавказа - Грузии, Армении и Азербайджана. Замечание наше относится и к Крыму. Недолговечные и печальные судьбы Северо-Кавказской Республики являются, несомненно, скорее результатом чужих, чем собственных грехов. В значительной степени грехи эти составляют ошибки Антанты, в особенности английского руководства, но большая часть вины несет русское белогвардейское движение, которое являет нам комплекс всевозможных ошибок и недостатков. Едва ли какой либо иной исторический момент может выявить такое разнообразие ошибок с точки зрения искуства действия и силы характера, как именно все три основные центры белогвардейского движения. Естественно, что жертвой этой смеси бессиль-

ного хаоса и великодержавной мегаломании должны были стать те, кто был в зависимости от действий, например, Деникина. Несомненно, одной из больших заслуг Маршала Пилсудского в 1918—20 г. г. является то, что он разрешал судьбы Польши вне связи с белогвардейским движением и не подвергся той всеобщей и ошибочной сугестии, которая руководила мыслью всей тогдашней Западной Европы. Поэтому то стремления Северо-Кавкасской Республики были так скованы условиями — упомянутыми бессмысленными действиями армии Деникина и советами его антатовских покровителей, что историческая вина в данном случае падает на те факторы, которые в силу общности цели должны были бы помочь нарождающемуся движению. Все это до такой степени ослабило упомянутое движение, что действия большевиков явились лишь легким закончением того положения, которое было оставлено предшественниками.

Иначе представляется положение на Южном Кавказе, где в конце концов оформились три национальные республики, оставившие по сегоднешний день на картах того времени знак своего существования. Из них Грузия, наиболее утвердившая свою государственность, была даже признана Европой de jure 27 января 1921 года. Однако, нельзя рассматривать судьбы этих трех республик отдельно, приписывать каждой из них в отдельности как успехи, так и неудачи, ибо историческая действительность выявила, что судьбы Кавказа нераздельны, что кавкасские республики или должны были разрешать проблему своей независимости совместно или же каждая в отдельности терять эту независимость. Рассматривая события 1920 года в южно-кавкасских республиках, мы встречаем там все те отрицательные явления, виною которых являются ответственные руководящие круги и которые, например, в среде балтийских государств в критический момент были ликвидированы, благодаря чему эти государства смогли удержать свою независимость. Республики Южного Кавказа вели между собой жаркие территориальные споры, взаимно захватывали у себя местечки и уезды, ослабляли себя политическими противоречиями и спорами, в противовес балтийским государствам, которые бесспорно также имели большие разногласия между собой, но зато способны были их или отложить до более спокойных времен или же окончательно ликвидировать, как это имело место в уже отмеченном споре о судьбе гор. Валку. Кроме этого, республики Южного Кавказа выявили в те времена фактическую гипертрофию организационно-политической жизни, придавали слишком большую реальную ценность тем или иным постановлениям и договорам, вместо того, чтобы сконцентрировать все силы и всю работу на дело быстрой организации армии, которой, должны мы признать, принадлежало в те времена решающее слово. Всюду на Кавказе выдвинулись на первый план деятели тех или иных партий, в то время как на Севере руководство взяли в свои руки военные—к примеру, ген. Маннерхейм или ген. Ляйдонер, не говоря уже о наиболее характерном примере Польши.

Результаты не заставили себя долго ждать. Советы не имели в тот период достаточно свободных сил, дабы быть в состоянии вести систематическую войну с милитарно-организованным Кавказом—явление вполне понятное, если мы учтем препятствия, которые встретила на своем пути даже императорская Россия в расцвете своего могущества со стороны далеко более слабых возможностей Шамиля. Сегодня мы смело можем сказать, что Советы 1920 или 1921 г.г. не в состоянии были бы добыть Кавказ путем регуллярной военной акции и встречая регуллярное же сопротивление. Цель достигнута была ими вследствии недостатков противной стороны, которые открыты и выявлены были самой же противной стороной. Государственный переворот в Азербайджане является наилучшей иллюстрацией того, как люди— и только люди—выигрывают или же проигрывают в политике и как необоснованными научно являются разговоры об „исторической необходимости", „неизбежном процессе революции" и т. п. утверждения, заимствованные из концепций исторического материализма. Эстония переживала аналогичный coup d'état (zamach stanu) и попытку советизации в положении несравнимо худшем—уже, собственно, после удавшегося переворота Кингиссеппа 1 декабря 1924 года. С точки зрения политического эфекта переворот Кингиссеппа был скорее удачным, и советская эскадра, находясь в непосредственной близости от места событий, ожидала лишь окончания процесса ликвидации независимой Эстонии. Но на месте остались и взяли акцию обороны в свои руки те люди, которые добыли независимость Эстонии. В результате, удавшийся по существу переворот был ликвидирован силой оружия, революционеры во главе с Кингиссеппом были казнены, а независимость страны была спасена. Сравниваю с собой эти два характерные события, чтобы выявить, как воля и действия людей, вне зависимости даже от выгодных или невыгодных условий, побеждают в переломные моменты истории в зависимости от умения и характеров деятелей одной или другой стороны.

Во всех этих рассуждениях Армения представляет весьма печальную главу, ибо максимализм армянской политической мысли не позволил ей избрать нужную линию действия. Идеология тогдашних армян свернула на путь противоречивости политических симпатий, навязала политическим деятелям обманчивые антитурецкие надежды и поэтому, в конце концов, политическое положение в самой Армении облегчило Советам во всех направлениях ликвидацию армянского независимого государства. Акция Врацьяна не смогла уже спасти положения. Как и в украинских событиях, акция эта наступила слишком поздно.

Грузия и ее борьба за независимость, уже как государства вполне легализированного и сформированного, является равнодействующей лавины событий на Кавказе в 1920 году, вступивших на обрывистый путь падения. Трудно сегодня без подробных данных разбирать вопрос—исполнила ли Грузия, имевшая наибольшие и наистаршие государственные традиции, наибольшие возможности благодаря наличию многочисленных кадров интеллигенции и национально-сознательных людей, в критический период 1918 — 20 г.г. во всей полноте свою роль в деле военной организации всего Кавказа с целью воспрепятствовать возвращению русской власти в той

или иной форме. Несомненно, взоры историка этих событий, подсчитывающего возможности и обязанности сторон, должны прежде всего обращаться к самой же Грузии и грузинским политикам того времени, ибо в тогдашнем размещении сил на Кавказе Грузия представляла единицу наиболее развитую государственно и наиболее сознательную, что свидетельствуется и формальным признием Европой грузинского государства. Повторяю, трудно углубляться в детальные рассуждения, но нельзя, имея перед собой балтийские государства в качестве сравнительного мерила, сопротивляться чувству, говорящему, что — в особенности с точки зрения военной — в Грузии не были использованы все возможности, а вместо этого излишне-большое значение придавалось внешней и внутренней политической акции. Историческая оценка, несомненно, затруднительна, т. к. вина людей является в кавказских республиках общей и связана между собой. Исследование этой стороны проблемы будет для стремлений кавказских народов источником ценных и практических политических указаний.

* * *

Все эти выводы и напоминания о возможностях говорят, что итог наших рассуждений о виновности людей при разрешении судеб Кавказа, в особенности в 1919–20 г. г., печален и отрицателен. Но пусть кавказские читатели не осуждают меня за мои выводы, т. к. я не постеснялся высказать их со всей откровенностью и в отношении собственного государства и народа, когда надо было выявить факторы, принесшие нам падение в XVIII столетии. Конечно, так как причиной всего являются люди и форма мышления, а не материя или же внешние условия, то и причины отмеченных нами различий на Севере и Юге должны заключаться в различии психик. Хотя Кавказ проявил в различных движениях XX века высокое национальное сознание и даже — с большим вредом для совокупности действий — мелочный и деструктивный взаимный шовинизм, но однако психика различных слоев кавказской интеллигенции выявляла гораздо большие влияния русского духа, культуры и литературы, как равно и навыков марксистского разумения, чем это имело место у балтийских народов, которые нашли антитезу при формировании своей психики в духовном влиянии Скандинавии, Германии и вообще Западной Европы. Во всех действиях Кавказа в XIX и XX ст. ст. чувствуется, что вся атмосфера этих антирусских и антибольшевистских акций была пропитана дезорганизирующими влияниями как русской психики, так и целого ряда социальных миражей, которые блестяще служили большевикам в их захватнической акции, но никак не могли быть системой национальной обороны при созидании независимости. Это замечание в большой степени можно применить и к украинским действиям, с той оговоркой, что галицийские украинцы имели лишь немецкие школу и дух, не находясь под существенным влиянием Запада. В результате, школа им дала лишь одно свойство: непримиримый максимализм и националистическую неуступчивость.

Второй момент, который возникает при наших рассуждениях, это — проблема максимализма и минимализма политических стремлений. Ответ не может быть дан в одном предложении. Несомненно, последовательная защита обоснованных национальных стремлений является на протяжении веков моментом, который приводит к победе. Но, с другой стороны, максимализм в виде шовинистического признавания только собственных прав и стремлений приводит в истории к поражениям, и особенно в переломных моментах, часто решающих судьбу народов навсегда. Поэтому то большая часть неудавшихся попыток в истории Восточной Европы — это перечисление ошибок политического максимализма, от которого смог предохранить себя Мустафа Кемаль Паша, претендуя только на то, что является турецким, и демонстративно отказываясь от политического наследства империи Османов. Ни Кавур, уступая Франции Савойю, ни Бисмарк, останавливая наступление против Австрии в 1866 году, не были максималистами в действии, хотя ими руководили максимальные цели. Максимализм терпел неудачу в особенности тогда, когда сталкивался с более или менее обоснованными стремлениями противников, обладающих выдающимися способностями действия. Аплодисменты компатриотов при провозглашении национальных лозунгов и претензий в исторической действительности не являются оправданием или обоснованием того, что должно фактически реализироваться для пользы страны. О том, как надлежит поступать в реальной политике между этими двумя полюсами, максимализмом и минимализмом, которые сами по себе в своих крайних формах являются отрицательными тенденциями, а часто и деструктивными, — должна решать воля руководящего политика, вернее: величие его мысли.

Ибо кроме людских масс и их деяний, история требует при разрешении судеб народов — Человека! Механика возникновения государств требует того неподдающегося определению искусства, которое является признаком величия ума и устанавливает моменты, когда итти на компромисс и соглашение, а когда бороться против всякого соглашательства. История не может созидать рецептов и указаний. Она лишь может заранее предупреждать, что результат — в виде ли победы или поражения — дает одновременно, как бы, удостоверение вины или заслуг, ибо история выносит приговор, исходя из конечных результатов, и в лучшем случае может найти оправдание для отдельных деятелей, выявляя наличие у них доброй воли. Но оправдание не является похвалой и на нем нельзя созидать памятников.

Но если в истории нет иных побежденных, как только те, кто сам признает себя таковым, то и все выводы, которые то или иное разрешение исторических положений приписывают людям, а не условиям или некоим историческим велениям, должны даже у побежденных возбуждать оптимизм и надежды на будущее. Ибо, если бы решающей причиной были те или иные условия, а не правильные или же ошибочные деяния людей, то в этом случае победители в недавней борьбе за освобождение должны были бы почать на лаврах квиетизма и беззаботного отношения к своему будущему, а побежденные впасть в отчаяние по поводу безнадежности и без-

цельности освободительных починаний, ибо, ведь, все решают... условия. Если, однако, мы будем приписывать вину или заслугу в том или ином историческом событии людям и их действиям, а не условиям и обстоятельствам, то этим мы возбуждаем у победителей сознание необходимости охраны и углубления достигнутых успехов, а у побежденных, автоматически, надежды и убеждение, что будущее или, вернее, люди разрешат положение более соответствующими действиями, а отсюда—и результатами. Двигателем политической активности должен быть оптимизм, но оптимизм этом можно созидать только при условии, если мы будем говорить открытую правду об истории своего народа.

Ибо только жестокая, ничем не завуалированная правда об историческом прошлом даст возможность выковывать, сохраняя полную логичность суждений, для каждого народа здоровые и творческие указания. Если эта правда будет счастливая и победная, то в каждом члене данного народа она возбудит как заботу о сохранении достижений, так и чувство необходимости дальнейшего развития. Если же она будет говорить о моментах поражений и падения, то должна рождать надежды и веру в победу тех, кто будет в состоянии лучше действовать и бороться. Пусть поэтому это глубокое убеждение автора об единственно правильном пути разбора истории собственнного и иных народов будет оправданием тех, неоднократно горьких и жестких, слов критики, которые должны были быть высказаны как для пользы тех, кто смог удержать свою независимость, так и тех, кто ее потерял опять в эти знаменательные для Восточной Европы годы.

В. Кавтарадзе

Что было и что есть

Прошел уже достаточно длительный срок от того момента, как мы потеряли независимость своего Отечества, свои родные очаги и семьи. Рассыпавшись по миру, мы ломаем головы над возможностью возвращения того, что утеряно нами. В вынужденном изгнании наша мысь пережила и переживает различные преображения, создает разнообразные тактические комбинации. Люди комбинируют, ищут выходов из тупика нашей теперешней политической ситуации, охватывая своими проэктами не только сегоднешнюю действительность, но и будущее.

В общем, как будто бы, что-то делается: создаются организации; подписываются договоры, которые должны были бы быть подписаны уже давно; выносятся резолюции и протесты, наконец, устраиваются время от времени активные выступления разного характера.

Но над всем этим тяготеет одно обстоятельство: принимая то или иное решение, приступая к тому или иному действию, мы ждем чего-то и на кого-то возлагаем наши надежды. Это „что-то" и этот „кто-то" должны нас возвратить нашим очагам. При этом никто из нас не представляет точно—чем является это „что-то" и кто скрывается за этим „кто-то". Ясно только, что „что-то" не скрывается в нас самих, а „кем то" не являемся ни мы сами, ни наши народы. Словом, наша судьба и наше будущее не покоятся в нас самих и в наших народах, а где-то в... абстракции. Так было раньше и так, к сожалению, есть и сейчас.

Поразительное явление, которое можно об'яснить лишь отсутствием доверия к собственным силам. Ибо безверие вызывает нерешительность, а эта последняя заставляет искать помощи и поддержки у других. Но не веря в собственные силы, большинство из нас склонны искать причину неуспехов вне себя, вне наших суб'ективных возможностей и свойств.

Почти каждый кавказец думает и считает, что источником нашего несчастья являются т. н. об'ективные причины: наше географическое положение, наша малочисленность, религиозные и расовые различия наших народов и т. д.

Конечно, все эти обстоятельства в жизни народов играют большую роль. Но это не все—не они решают судьбы народов. Ведь, в мире имеется много народов, живущих в гораздо менее выгодных географических условиях, религиозно и этнологически не однородных и по количеству отнюдь не более многочисленных, чем кавкасские народы. Однако, народы эти издавна имеют собственную государственность и счастливо лавируют среди противоречий международной жизни.

Таким образом, не география и не прочие условия, об'ективно якобы препятствующие нам в наших стремлениях, сыграли решающую роль в недавних судьбах Кавказа. Не сыграла этой роли, пожалуй, и неподготовленность широких кавкасских масс к самостоятельной государственной жизни—неподготовленность, так сказать, техническая. Достаточно привести в этом случае пример Болгарии, которая на пороге независимой жизни имела не более двух десятков людей с высшим образованием. Массы же вступали в самостоятельную жизнь с тем культурным уровнем, который приобретен был ими во время долголетнего турецкого господства. Причиной нашего неуспеха является скорее отсутствие должного государственно-созидательного инстинкта среди большинства членов руководящих верхушек, отсутствие инстинкта ориентации и предвидения, учета собственных — кавкасских — возможностей в перспективе истории.

Большинство из нас не любит правды, преподносимой нам нашей историей, и ее игнорирует. Мы не умеем пользоваться опытом прошлого. Среди нас имеются и такие, которые стараются скрыть исторические факты или же представить их в предвзятом виде.

Мы понимаем, что можно и должно в некоторых специальных случаях представлять исторические

факты в определенном освещении, но нельзя созидать будущего на ложном толковании этих фактов, как равно нельзя искажать исторических фактов ради саморекламы. Выводы, которые не покоятся на научном об'ективизме, не являются выводами, и, в свою очередь, наука, не подтверждаемая фактами и доводами, не является наукой, а догматом. Но оперирование догматами в житейских делах всегда приводит к неуспеху и разочарованиям.

Большинство из нас, говоря о причине наших исторических неудач, склонны приписывать исключительную вину каждому из наших соседей в отдельности или всем им вместе взятым. В зависимости от личных симпатий и антипатий, одни винят Россию, другие—Турцию и Иран, а третьи—в равной мере все эти государства. Но при этом все мы забываем, что еще 700 лет тому назад Кавказ был единым и победоносно отражал все покушения на свою свободу. У нас не хватает смелости осудить тех, кто допустил до распада этого благотворного единства и, забывая о судьбах будущих поколений, положил основание развитию гибельных религиозных, национальных и пр. антагонизмов.

Никто в течении столетий не вел против этих антагонизмов систематической борьбы, никто не старался их ликвидировать при самом зарождении, выявить их гибельность, дабы не дать им возможность развития в дальнейшем. Наоборот, поддерживаемые извне и не встречая противодействия изнутри, они развивались и углублялись, внося в кавказскую среду элементы взаимного недоверия и вражды.

Более чем столетнее господство России в наших пределах также нас ничему не научило. Сегодня в такой же степени, как и раньше, мы попадаем под влияния враждебных нашей независимости агентур. Если раньше яд разлада и дезорганизации проникал к нам, главным образом, с юга, то теперь разложение идет в основном с севера, на севере выращиваются бактерии, отравляющие наши национальные организмы. Космополитический нигилизм и интернационализм, социалистическое доктринерство и псевдолиберальная мягкотелость, идеология марксизма и классовой борьбы с одновременным разжиганием национальной борьбы в пределах классов (история царских и большевистских провокаций на Кавказе, разжигающих национальную вражду), наконец, т. н. имперская концепцию России и идея единого советского народа — все это пришло к нам с севера, утверждалось и утверждается руками чуждых агентур. Но наряду с этим известное влияние сохраняют остатки прежних идеологических концепций— панисламизм, панхристианизм и пр. установки, уже выявившие свою полную несостоятельность в применении к реальной жизни.

Все это не встречает с нашей стороны надлежащего противодействия. Наоборот, во многих случаях мы сами становимся орудием в руках враждебных нам сил, всячески облегчаем им их вредоносную деятельность и помогаем в работе по нашему разложению, уничтожению самобытных ценностей нашей древней культуры и национального „Я”.

Это—и только это—обстоятельство является основой нашей недавней трагедии, исходным пунктом всех наших несчастий. И только этим можно об'яснить то, что никто на Кавказе перед революцией 1917 года о независимости, в сущности, не думал, никто к ней серьезно не готовился, не подготавливал массы к наступлению решающих дней. И разве можно было бы ожидать в такой обстановке иных результатов, чем те, которые нами достигнуты?! Мы не учли опыта прошлого, примера наших предков, и очутились опять у разбитого корыта нашей независимости.

Для самостоятельного государственно-политического бытия не достаточно иметь определенное географическое пространство, с более или менее однородным населением, связанным между собой определенными историческими и культурными традициями, общностью быта и т. п. Кроме всего этого необходимо, чтобы массы были воспитаны в государственно-созидательном духе, чтобы они были пропитаны духом национальной общественно-гражданской дисциплины и твердо осознавали конечную цель и пользу своих национальных устремлений. Всем этим должно управлять мощное национальное руководство.

Но все это достижимо лишь в том случае, если мы твердо осознаем, что независимость каждой из кавказских республик достижима лишь в пределах независимости всего Кавказа, что национальным и партийным неурядицам нет места на путях к независимости Кавказа и что вдохновлять нас в нашей борьбе должны опыт прошлого и кавказская действительность. Вне родной кавказской почвы и кавказских возможностей для нас нет спасения. Мы должны проникнуться доверием прежде всего к своим собственным силам и в своих неудачах винить прежде всего самих себя. Осознание своих ошибок поможет нам выйти на правильный путь и приведет нас к светлому общему будущему, имя которому — Независимый Конфедеративный Кавказ.

А. Кундух

К проблеме северокавказской нации

Размеры короткой журнальной статьи не позволяют осветить тему так, как это требуется по смыслу заглавия, и потому нашу статью можно назвать лишь попыткой проследить в общих чертах перспективы практического осуществления идеи северокавказской (горской) нации с попутным упоминанием о предпосылках, вытекающих из прошлой жизни горцев.

* * *

Заселение склонов Главного Кавказского хребта могло произойти не ранее начала аллювия — на-

шей теплой эпохи, т. е. не ранее, чем 7—9 тысяч лет тому назад. Историческая наука не знает иных автохтонных жителей Северного Кавказа, кроме алано-сарматов (осетин) и адыгейцев. Судя по известным нам данным, первые еще и до начала аллювия пребывали, вероятнее всего, в северокавкасских, причерноморских и прикаспийских степях и поэтому заселение ими северных склонов хребта, по мере оттаивания на них ледяных масс ледникового периода (закончившагося к началу аллювия), происходило без больших переселенческих усилий: двигаясь за отступавшею все выше и выше, в горы, линиею вечного снега, они незаметно для себя должны были добраться до самых перевалов через Главный хребет, местами успев перейти и на южный склон.

Но одновременно с движением с севера на юг арийцев (алано-сарматов) происходило и встречное движение средиземноморской расы (условно называемой „яфетическою" расою), авангардом коей были, по всей вероятности, ни кто иные, как адыгейцы, ранее всех пробравшиеся с юга на Кавказ, древние же копты и предки грузин были второю волною яфетидов, двигавшеюся вслед за первою. Продвинувшись по Черноморскому побережью вплоть до устьев р. Кубани, адыгейцы заняли пространство по левому берегу этой реки, тогда как вся правая сторона от ее устья до самых истоков была занята алано-сарматами (азы, ироны). Следовательно р. Кубань была тою естественною границею, которая до русско-татарского нашествия разделяла две расово-разнородные массы — яфетидов и арийцев.

Но уже в древние века история застала здесь довольно тесную консолидацию политической жизни обоих масс: по данным Птоломея, Мойсея Хоренского и иных древних авторов, территории, занятые адыгейцами и алано-сарматами, представляли из себя политическое единение под названием „Сарматии Азиатской", в каковое входила вся Адыгея (в границах: р. Ингур—Черноморское побережье—устье Кубани—левый берег Кубани до самых истоков) и вся собственно Алано-Сарматия*) [в границах: правый берег Кубани от ее истоков до устья—Азовское море—р. Дон—устье Волги - Каспийское побережье до Апшеронского полуострова—водораздельная линия Гл. Кавказского хребта до истоков Кубани, но граница здесь несколько искривлялась по южному склону, захватывая и Южную Аланию (Осетия), уже существовавшую за два-три, а возможно и более, столетий до Р. Хр.].

Подобное тесное политическое и, конечно, культурное общение между адыгейцами и алано-сарматами действительно подтверждается наличием следов этого общения в виде воздействовавших влияний законов аланского языка (флексирование и т. д.) на грамматику адыгейского языка, как равно и влияние материальной культуры алано-сарматов на таковую же адыгейцев, что можно проследить даже в абхасском языке. Если добавить к тому еще и тот факт, что адыгейцы вполне так сказать ассимилировали и древнейшие предания алано-сарматов, считая их ныне своими родными, то картина весьма тесного культурного общения между обеими составныммми частями автохтонно-северокавкасской „Азиатской Сарматии" становится более выпуклою и в значении политическом (общность государственной жизни, в каковом виде только и можно понять политический смысл „Азиатской Сарматии").

Это тесное общение и незамедлило проявиться, как нормальное последствие добрососедского сожительства, и в том, что различный антропологический тип сторон стал подвергаться постепенной „нивелизации". Главным образом изменился основной, резко выраженный „яфетический" (брахицефальный) тип адыгейцев, в известной степени приблизившись к более среднему, мезоцефальному, типу, ибо массы тогдашних алано-сарматов во много раз превосходили своею численностью адыгейцев (ср. территории, занятые тогда адыгейцами и алано-сарматами), а потому стороны смешивались далеко не в равных пропорциях—адыгейский элемент растворялся почти незаметно в общем антропологическом типе аланов, но последний (долихоцефалия) влиял довольно заметно на антропологию адыгейцев. Вот почему в настоящее время общий тип адыгейцев не только приблизился [несмотря на позднейшее, противодействующее влияние новой антропол. примеси — брахицефальных свойств тюркских (крымские татары, ногайцы) племен] к мезоцефалии, но уже не редко можно встретить адыгейцев с явно выраженным длинноголовым типом (долихоцефалия), т. е. почти чистых арийцев, что доказывается и наличием ясноволосых типов между ними, между тем, как основной тип яфетидов—это чистые брюнеты.

Но самым характерным фактом является то, что при столь тесном общении с несравненно более многочисленными массами аланов, адыгейцы все же сохранили вполне как язык свой, так и древнюю (до христианскую и до мусульманскую) религию, которую впоследствии заменила своеобразная смесь из древней и новой, христианской, религии, ныне в свою очередь уступившей место более соответствующему духу независимости горцев — мусульманству.

Словом научные изыскания выясняют нам весьма долговременное сожительство, на добрососедских, мирных и культурных началах, обеих масс—адыгейцев и алано-сарматов. История не сохранила ни одного воспоминания о каких бы то на было междуусобицах среди тогдашних северо-кавказцев—таковые начали проявляться лишь с момента появления на Кавказе ядовитого действия внешней, раз'единяющей горцев силы—русской политики, смертоносный яд которой, к великому нашему несчастью, проник не только в народ и общество, но и семью горскую. Без этого Россия, конечно, не могла бы удержаться на Кавказе.

Позднее, к двум автохтонным массам северокавкасского населения присоединился новый, третий, расовый элемент, это—урало-алтайцы и тюрки. Первые представлены аварами, осевшими в Дагестане на местах бывшего расселения аланов, вторые же—кумыка-

---

*) Кроме „Сарматии Азиатской" существовала еще и „Сарматия Европейская"—на север от р. Дона, между Уралом и Дунаем. От этих алано-сарматов и остались нынешние осетинские название почти всех рек недавнего „Юга России."

ми, балкарами и карачаевцами, также осевшими на опустевших после нашествия татар землях аланов.

Упомянутые народности являются остатками некогда могущественных народов. Авары—это остатки, по всей вероятности, той массы аваров, которые организовали известную империю аваров в Европе, но после полного славы существования этой империи, были разбиты Карлом Великим. Инстинкт самосохранения толкнул последние остатки этого народа, духу которого всегда было чуждо чувство рабства, к поднебным высотам Кавказа. Здесь они и обрели себе родину на веки вечные, вписав позднее, во главе с гением горской независимости Имамом Шамилем, самую яркую главу в истории независимого существования горцев. Стремление же Шамиля и его помощников создать единое горское государство еще больше доказывает, что идея горской нации не раз уже была близка к осуществлению и только внешние, враждебные ей, причины помешали окончательной ее реализации.

Балкары, карачаевцы и кумыки также являются остатками народов, разбитых во время монголо-татарских нашествий. Народы эти также нашли гостеприимство в общегорской семье и обрели подлинную родину, разделив в дальнейшем во всем судьбу остальных горцев, проливая в равной мере кровь за свободу своей родины. Они целиком восприяли все обычаи и общенациональную культуру, связались с своими соседями узами кровного родства и хотя, опять таки, сохранили свой язык, но все же антропологический тип их принял более, так сказать, ариизированные формы, т. е. тот общегорский тип, к которому путем естественного общения в пределах единой нации стремятся все горцы и без всякой ненужной механизации этого общения.

История народов знает много случаев, когда народы – члены одной и той же расовой семьи, одного языка, одной религии, живя на одной и той же территории, беспощадно уничтожают друг друга, создавая для побежденных формы жестокого и бесправного рабства. В этих случаях ни единство крови, ни единство языка и религии не могут удержать их в рамках единого государства или нации. Но в то же время, как видим на примере Северного Кавказа, можно наблюдать случаи самого долговременного и дружного сожительства на одной и той же ограниченной территории народов различного расового происхождения, разных же языков и разных по-началу культур.

Чем же об'ясняются такие явления – парадоксы? Очевидно, что во втором случае на сцену выступает некая высшая мораль, некая высшая Идея. Идея эта — общая Родина-Мать! Ее то священное лоно и об'единяет всю семью, всех сынов, вскармливая их, питая единой грудью.

Тысячелетиями Северный Кавказ сохранял свою независимость, тысячелетиями предки наши чувствовали себя сынами одной общей матери—Родины, никому не позволяя топтать ее грудь, ее гордое чувство свободы, и ничто — никакое различие в языках, религии и расовом происхождении—не мешало этому единению.

Но вот появляется отвратительная чужеземная сила, которая отравленным клином пытается врезаться в единство северокавказской национальной семьи, пробует разбить ее на части, долгие годы пропитывает ее ядом взаимной бессмысленной вражды, и мерзкой лестью, коварными посулами приближая к себе одних, травя других, стремиться уничтожить дух независимости на Северном Кавказе. Имя этой темной, коварной силы известно каждому: это — русская политика!

Но до тех пор, пока на фоне голубого кавказского неба белеют снежные вершины наших гор, будет в сердцах народа жива и идея нашей Независимости. Ибо—Montani semper liberi, ибо—Горцы всегда свободны! Так было предначертано Провидением, когда рождались наши горы!

* * *

Гармонически-дружеское сожительство алано-сарматов и адыгейцев было отличительной чертой их древнего политического бытия. Начавшееся было продвижение к Кавказу русских (Святослав) адыгейцы и алано-сарматы („косоги" и „ясы" русской летописи) встретили общею грудью еще на берегах Волги. Также и первое нашествие татар (армии полководцев Джебе и Сабутая) было ими встречено (в нынешнем Дагестане) сообща. Из этого можно заключить, что тогдашние северокавказцы ясно представляли себе общность родины и ее политических интересов.

Но на исторических судьбах Северного Кавказа трагически отразилось то, что территории, занятые алано-сарматами, находились на самых путях „великих переселений народов", проходивших по северным и западным берегам Каспийского моря, по сухопутью, ибо мореходство того времени не могло еще обслуживать массы человечества в широком масштабе. Аланы благодаря этому приняли на себя не только натиск вернувшихся из Скандинавии к берегам Черного моря готов, но вскоре затем должны были отражать и гуннов, двигавшихся из глубин Средней Азии на Европу. Последствия известны: не считая понесенных в столкновении с гуннами потерь, оставшиеся массы аланов были разбиты на три навсегда оторванные друг от друга части. Одна, не согласившись подчиниться гуннам, ушла в Европу, где вместе с войсками Аэция опять билась с гуннами на Каталунской равнине, затем через Францию, где было осела на время, ушла в Испанию, основала и там королевство, но не удержавшись и тут, переправилась в Африку, где вместе с вандалами организовала королевство Гензериха. Часть эта была уничтожена в дальнейших войнах. Вторая часть в союзе с гуннами билась на той же Каталунской равнине, затем слилась с гуннами, создав с ними нынешних венгров, в языке которых сохранились следы этого слияния.

Наконец, третья часть алано-сарматов осталась на Кавказе, между Доном и Главным хребтом. Начало трагедии Северного Кавказа связано именно с этим моментом ослабления аланов, но все же соединенным силам аланов и адыгейцев удалось сохранять господство на всем Северном Кавказе еще в продолжении целого тысячелетия—до нашествия монголо-татар и их данников русских (XIII, XIV и последующие столетия).

Так как адыгейцы в те времена занимали за-

падные части Северного Кавказа, то многие удары проходили мимо них, обрушиваясь главным образом на аланов. В результате этого, число аланов быстро уменьшалось. Нашествие татар и русских князей при Мангу Тимуре, а затем и Тимур-Ленга, в жестоких боях с которым легла вся воинская сила аланов, загнало последние остатки их, состоявшие в большей части из осиротевших детей и женщин, на высокие склоны Урс-Хоха (Казбека).

Ныне путь к горам Кавказа был открыт и Россия, после свержения татарского владычества, приступила снова к „историческому" движению на юг, которое окончилось неудачей в т. н. киевский период русской истории. Но и теперь русские встретили на своем пути препятствие: на этот раз в лице кабардинцев (часть адыгейского племени), которые вернулись—как свидетельствует историческая наука—на Кавказ после продолжительного пребывания в Крыму, заняли опустевшие после разгрома аланов земли между Кубанью и Тереком, приняв на себя первые удары русских.

Многие из русских авторов любят подчеркивать, что именно кабардинцы загнали осетин в горы, лишили их бывших земель на плоскости, как равно и права выхода из ущелий, и т. д. Но вот, мол, появились „спасители" осетин—русские и освободили Осетию из под „кабардинского гнета"...

В иное время, в иной обстановке провокация эта осталась бы без всякого внимания. Но когда Северный Кавказ очутился под непосредственным влиянием русской политики, когда школы и администрация стали русскими, — провокация успела сыграть свою коварную роль: и кабардинцы и осетины стали верить в эту редакцию прошлых событий, конечно потому только, что историю свою или вовсе не знали, или же знакомились с ней по русским „источникам". В действительности же, повторяем, не кабардинцы уничтожили аланов, не они загнали их в горные трущобы, а соединенные полчища татар и русских при Мангу Тимуре, а затем полчища Тимур-Ленга.

* * *

Наступил период, известный под названием „Кавказской войны". Начало этой войны связано с начертанием основных линий, в общем направлении на Индию и Средиземное море, русской захватнической политики при Петре I, но самая война начала вливаться в свои действительные формы лишь с появлением у горцев первого общепризнанного национального вождя—Шейха Мансура, открывшего в 1786 году кампанию против наступавшей на Кавказ России. С этого момента фактически и началась Кавказская война, закончившаяся официально в 1864 году. Следовательно, война эта продолжалась целых 78 лет. Однако, и после этого срока борьба не прекращалась, выражаясь в форме отдельных восстаний или групповых выступлений против России.

Полной и беспристрасно составленной истории этой борьбы еще не имеется, но и по тем отдельным частям, которые имеются в трудах европейских, кавказских и русских авторов можно иметь представление о грандиозности этой героической эпопеи, жертвенной борьбы всех без исключения горских племен. Подобной, по неравенству сил воюющих сторон, борьбы вряд ли знает история всех войн, тем более, что неравенство это усугублялось разрозненностью северокавказцев (клин, вбитый Россией в Центральный Кавказ в первый период войны!), у которых каждое племя фактически боролось „один на один" с Россией.

Но и в данном случае нас интересует не сама история войны, а наличие или отсутствие в ней моментов, свидетельствующих о фактах содействия России тем или иным северокавказским племенем в работе по раздроблению горцев на отдельные, враждебные друг другу части. К чести Северного Кавказа мы должны сказать, что таких фактов в нашей истории мы не обнаружили. Но если составные части северокавказской нации, как таковые, выдержали испытание на политическую и национальную зрелость, то этого нельзя сказать об отдельных представителях северокавказской общественности, об отдельных представителях каждого из северокавказских племен. Среди всех без исключения слоев горской общественности, от князей до пастухов включительно, мы найдем людей, которые сознательно или же бессознательно продавали народ свой и родину за чины, ордена и даже обыкновенную денежную мзду. Случалось и так (довольно часто), что акт измены совершаем был из-за личной неприязни к кому либо из горских патриотов. Люди не в состоянии были учесть, что в вопросе, где дело идет о самом существовании родины, не должно быть места личным счетам — родина и народ должны находиться выше всяких житейских дрязг.

Таким образом, позорным пятном на общем фоне героической борьбы горцев являются именно факты предательства со стороны отдельных личностей. В остальном же ничто не пресекло идею единения и независимости Северного Кавказа, и, хотя война была проиграна, но в мыслях всех горцев—в мыслях широких народных масс—она сохранила свой смысл борьбы за право жизни.

* * *

Следующим, за периодом Кавказской войны, этапом горской истории нужно считать время от 1864 года. Проследить перипетии национальной жизни горцев за этот период необходимо, ибо несмотря на „мирное" положение, навязанное горцам Россиею, период этот чреват был весьма неблагоприятными последствиями для идеи национального возрождения горцев, и если бы не случилась русская революция, то, возможно, от горских племен, как национально осознающих себя масс, осталось бы так мало, что через два-три десятка лет горы были бы заселены новою массою русских переселенцев из Тамбова или Рязани, а горцы добровольно согласились бы выселиться в Тамбовскую губернию. И это не потому, что народные массы желали-бы этого, а потому только, что у них уже не было национальной интеллигенции, ибо нельзя было называть „национальною" ту часть горской общественности, которая, воспитываясь в России, оканчивая русские школы, не нашла в себе никакой импульсивной потребности теснейшего общения именно с национальною душою народа, искры которой несомненно еще тлились в гуще горского населения, раздуваемые воспоминаниями

о прошлой войне, народными песнями и преданиями о былой, полной героизма и славы, старине.

Ни для одного из мало-мальски культурных, национально сознательных горцев не представляет уже секрета тот факт, что Россия, покоряя Кавказ, имела в виду не какое-либо „благо" горских масс, а всего лишь осуществление своих политических целей „большого масштаба" — Кавказ был для нее плотиною на ее пути к Востоку, а через Восток и на Запад (Средиземное море). Эту плотину необходимо было сокрушить и превратить в мост для дальнейшего движения.

Но все политическое значение этой плотины одухотворялось горским населением Кавказа и поэтому вся грозная мощь России была направлена против них. Сокрушив, как будто бы, горцев навсегда, она надеялась уже осуществить мечту о мосте, но, оказывается, не учла того обстоятельства, что не только духовная сила и телесная крепость горцев являлись ее врагами, но и гео-физическая (геология страны) сущность края, создающая „всегда свободных горцев" из каждого нового поколения горского населения, если только оно будет рождаться и воспитываться по-горски, и, конечно, у себя на родине, не попавши в „рязанскую" среду, под подтачивающее всю психику и силы горца влияние этой среды до такой степени, что подобные горцы с „рязанскою душою" начинают чувствовать себя подлинными врагами национального Северного Кавказа.

Временно и только внешне подчинившись русской власти, горцы очутились перед дилеммою: обречь себя, путем изолирования от общения с русскою государственностью, школою, армиею и т. д., на прозябание без всякого, в смысле просвещения, развития, ибо на лицо была возможность прохождения только русской школы (национальной горской школы, конечно, не могло быть в русских условиях), или же согласиться с русскою политическою программою „замирения" горцев, пойдя в открытые двери вражеских школ. Горцы выбрали вторую неизбежную необходимость и влились не только в школу, но и армию, как равно и вообще во все слои русской общественности. Таким образом, образовались совсем не малочисленные кадры горской интеллигенции „на русской подкладке", которых вполне хватило бы на обслуживание всего Сев. Кавказа, если принять, к тому же, во внимание природную способность горцев к организации государственности даже вне своей страны (династия черкесских мамелюков в Египте; роль горской эмиграции в организации национального движения в Турции, когда главными сотрудниками Ататюрка были горцы—старые эмигранты). К сожалению, надежды, возлагаемые на горскую интеллигенцию русской школы, не оправдались и она не сыграла своей исторической роли в те моменты, когда сделать это было очень легко. Причина этого—чрезмерное обрусение „национальной" горской интеллигенции.

Однако, было бы ошибкою утверждать, что горская интеллигенция сознательно и злонамеренно отрешилась от всего родного. Нет! Она была оторвана от народной души незаметно даже для нее самой. Ее впитала в себя русская жизнь исподволь, без того, чтобы резко ущемить национальные чувства и сознание,—наоборот, все отношение русской общественности всегда основывалось на подчеркивании факта признавания в горце его горского „Я". Почти каждый горец, в армии ли, в школах, в общественно-семейных кругах ли, бывал украшением данного полка, студенческого кружка, общественной группы. В нем всегда видели отражение памяти знаменитых Омар-Ханов, Имамов, Хаджи-Муратов, Хазби и Берзеков, — словом, пребывание горцев между русскими было своего рода иллюстрированием живыми типами героического прошлого горцев. И отсюда то и началась трагедия северокавказцев: каждый из этих горцев,—генерал ли, чиновник или студент,—увлеченный действительно головокружительным успехом во всех слоях русского общества, чувствуя и даже созерцая, в мыслях, величие своих предков в своей собственной персоне, невольно и сам начинал верить, что он олицетворяет Хаджи-Мурата, Хазби, Берзека... ограничиваясь простым позированием перед восторженно взиравшими на него декольтированными львицами русских салонов. Но забыли они об одной истине, выражаемой словами английского мудреца: „Не гордитесь заслугами ваших предков, славные юноши, это их собственность, а не ваша!" Забыли они также, что свою славу герои гор, Хамзат-Беки и Хаджи-Мураты, создали на полях битв, терпя холод и голод, переживая вместе с народом все безграничные лишения долголетней войны, беспрерывно борясь с жестокими ордами врага, а не на мягких подушках русских салонов. Возможно даже, что наши салонные герои и смеялись в душе над своими предками: „Стоило ли, мол, проливать столько крови, переносить столько лишений, когда героем можно стать и в салонах, где все у наших ног!.." И, конечно, возврата из этой чрезмерно мягкой „русской обстановки" к суровому пуританизму горской жизни для них уже и не было. Словом, русская жизнь втянула их на самое дно свое.

Отрыв свой от родной почвы наша дореволюционная интеллигенция об'ясняла обыкновенно наличием у русских—Достоевских, Толстых и т. д. или же, в иных случаях, блеском русского офицерского или чиновничьего мундира, считая все это достаточным оправданием безразличия к вопросам национальной жизни собственного народа. Наиболее печальным было то, что интеллигенция не выдвинула почти никого из своей среды, кто активно занялся бы работой среди народных масс, подкрепляя их и руководя в тяжкой борьбе за существование.

Правда, в 1908—1917 г. г. начала проявляться некоторая тенденция к сближению с народом со стороны группы учащейся в высших школах молодежи. Но находясь под влиянием русских либеральных и революционных кругов, наша тогдашняя молодежь, вместо того, чтобы оформить свои стремления в рамках хотя бы революционно-национальных, дала предпочтение шаблонам социалистических настроений окружавшей ее русской студенческой молодежи. В результате, максимальный предел революционных мечтаний ее представителей сводился к ниспровержению монархии, установлению в России федеративного строя и либеральной конституции.

А между тем народные массы Северного Кавказа, свято хранящие традиции вольности, вели по-

Тебо Карцати

Сущность конфликта на Дальнем Востоке

Недавние выстрелы и трупы на манджурско-советской границе подтвердили нам опять, что положение на Дальнем Востоке остается неизменно напряженным. Здесь в последние годы ничто не изменилось и все попытки, направленные к стабилизации и пацификации ниппоно-русских отношений, не дали результатов. Еще раз мы имели возможность убедиться, что затишью над берегами Амура и Аргуни нельзя доверять и что, если какая-либо граница в мире таит в себе опасность войны, то этой границей является в первую очередь демаркационная линия, отделяющая части Квантунской и Дальневосточной армий.

И так будет до тех пор, пока какая-либо из динамических сил, находящихся на Дальнем Востоке в течении ряда лет в перманентном конфликте, не только победит, но и уничтожит другую.

Северо-Восточная Азия будет умиротворена только в том случае, если — или Ниппон будет отброшен обратно на острова метрополии или же границы тюрьмы народов будут отодвинуты за Байкал. Tertium non datur - паллиативными мерами в этой части азиатского континента ничего нельзя будет сделать, никого нельзя будет примирить. Решающее столкновение здесь неизбежно, т. к. интересы соперничающих сторон слишком противоречивы.

В настоящей своей стадии конфликт превращается в борьбу порядка и своеобразного конструктивизма с факторами разложения и революции. Этот момент, являясь — так сказать — метафизической причиной противоречий, еще более подчеркивает глубину расхождений и неизбежность столкновения.

Развивающийся ниппонский мессианизм — ниппонизм, поставивший себе целью создание могущественной империи и упорядочение азиатского континента согласно лозунгов Паназии, не может терпеть около себя силу, которая стремится анархизировать этот континент и использовать его для насильственного разрушения общечеловеческих культурных ценностей и основ правопорядка и цивилизации.

В положении, при котором конструктивная идеология ниппонского империализма исключает деструктивную идеологию коммунизма, не может быть речи о компромиссе, о длительном соглашении и каком бы то ни было разделе огромных пространств Азии на сферы влияния, которые удовлетворили бы в достаточной степени каждую из сторон.

Каждая из двух враждебных сил стремится уже не к гегемонии в Азии, а к достижению такого положения, при котором она могла бы провести в угодном себе духе радикальное переустройство величайшего из материков.

Таков краткий синтез исторических предпосылок, диктующих, по нашему мнению, неизбежность ниппоно-советской войны. Избежать ее можно лишь в том случае, если какая-либо из сторон откажется от того, что она считает наиболее ценным продуктом своего духа, что для нее является основой исторического предназначения, оправданием бытия в истории. Такая капитуляция как с той, так и с другой стороны едва ли возможна.

Но кроме рассмотренной нами первопричины, занимающей в общей иерархии причин конфликта главное место, существует еще целый ряд иных факторов, еще более усугубляющих противоречия.

К числу их, в первую очередь, относится экономическая ненасыщенность Ниппона. Приступая к выполнению грандиозных имперских задач, Ниппон должен приобрести материальную базу для реализации своих концепций — должен иметь запасы сырья и земель, которые могли бы вместить излишек населения метрополии. Все это Ниппон может найти в Северо-Восточной Азии, слабонаселенной и едва затронутой цивилизацией, но зато обладающей неисчислимыми запасами сырья и неизмеримыми пространствами земель. Никакая другая часть Азии не предоставит Ниппону таких возможностей, как те, которые имеются в азиатских владениях СССР или же в пограничных с ними землях, находящихся в сфере влияний советской политики.

Продвижение в сторону юго-восточной части Тихого океана не представляет из себя непременного условия для благоприятного развития будущих судеб ниппонской империи, не является conditio sine qua non ее существования и в этой части всегда возможны компромиссы, удовлетворяющие в той или иной степени интересы Ниппона.

В Китае же мы не раз еще будем свидетелями интервенции Ниппона, но надо иметь в виду, что эта интервенция не вызывается желанием поглотить китайский колосс — поглотить с тем, чтобы в конечном результате раствориться в нем, чему китайская история дает нам многочисленные примеры. Интервенция в китайские дела диктуется необходимостью упорядочить Китай и использовать его в собственных целях, а главное, дабы не допустить того, чтобы в тылу земель, которые будут театром решающего столкновения, существовал резервуар потенциональных сил, подчиненых и покорных врагу: СССР и коммунизму.

И пусть также мираж „хозяйственного освоения" Ниппоном Северного Китая не заслоняет перед нами тех существенных линий, по которым должен разрядиться динамизм экспансии империи Восходящего Солнца.

В равной мере и ниппонский дэмпинг, упорно пробивающий себе дорогу в Австралию, Филиппины, Южный Китай, Малайские острова, не может быть

сильную борьбу с властью захватчиков, с надеждой взирая на свою интеллигенцию. Но последняя шла еще в русле русских политических преображений, питалась соками чуждой культуры и чуждых политических лозунгов. В таком состоянии застал Северный Кавказ 1917 год — год великих потрясений и переломов.

рассматриваем вне связи с основными велениями державного развития Ниппона, ибо он является ничем иным, как только политической диверсией, направленной против конкурентов на Тихом океане. Угроза интересам этих последних в юго-восточной части Тихого океана должна заставить их проявить бо́льшую уступчивость при разрешении судеб Северо-Восточной Азии.

Ради миража блестящих перспектив на юге, Ниппон не пойдет на открытый конфликт со всем своим окружением и не откажется от дальнейшего углубления достижений на азиатском материке, который может стать неисчерпаемым источником его политической и экономической мощи.

Одним из факторов, утверждающих в ниппонских общественных кругах необходимость борьбы с Советами, являюся и национальные импульсы в пределах СССР, sui generis импульсы прометейские.

Непосредственное наблюдение политической действительности на Дальнем Востоке дает нам право утверждать, что импульсы эти имеют достаточно веское значение при империальных рассчетах ниппонских политиков, так как на местах, в соседних пределах советской тюрьмы народов, они в достаточной мере сильны и действенны.

Ниппон вполне искренно и с сознанием полной ответственности и политического реализма принимает в рассчет освободительные стремления угнетаемых Россией наций, в особенности и в первую очередь народов, блиских ему по крови, и всячески старается, дабы народы желтой расы видели в нем протектора и освободителя. Для доказательства вспомним, хотя бы, ряд уже имевших место паназиатских конгрессов.

Ниппон сознательно стремится к освобождению народов желтой расы и созданию из них согласной семьи, в которой роль гегемона – гегемона политического и духовного — принадлежала бы ему. Он нормализирует Азию в сфере национальной, утверждает среди азиатских народов прометейский идеал.

Наконец, необходимость уничтожения русского владычества у берегов Тихого океана диктуется и безопасностью империи. До тех пор, пока Владивосток и все Приморье находятся в русских руках, нельзя говорить о безопасности не только манджурско-монгольских земель, но даже и островов метрополии. Не надо забывать, что столица и все более или менее важные промышленные и военные центры империи находятся в пределах досягаемости советской авиации, имеющей свои операционные базы в районе Приморья. В этих условиях простое чувство самосохранения заставляет Ниппон стремиться к тому, чтобы разорвать клещи, грозящие позициям Ниппона не только в Кореи и Манджурии, но и в самой метрополии.

Вот, вкратце, обзор наиболее важных мотивов, которые предопределяют неизбежность решающего столкновения между Ниппоном и Россией.

Поэтому отбросим опасения о возможности мирного разрешения назревших и назревающих еще противоречий на Дальнем Востоке и будем терпеливо ожидать завершения неотвратимого хода событий. Пожар предстоящей войны разрушит стены тюрьмы народов и принесет Отечеству нашему освобождение. Факт этот заранее предопределяет — на чьей стороне будут наши симпатия и кому в смертельном конфликте мы готовы будем оказать действенную помощь.

16 сентября 1936 года, Харбин.

Али Мирза

Новая программа партии „Мусават“

Одним из значительнейших событий кавказской политической жизни последнего периода является недавно состоявшийся конгресс партии „Мусават” — старейшей и влиятельнейшей азербайджанской национально-политической организации, возглавляющей в течение 25 лет национально-освободительное движение Азербайджана.

Целью конгресса — как говорит официальный отчет, опубликованный между прочим и на страницах нашего журнала, — был пересмотр партийной программы и установление основ новой тактики для дальнейшего ведения освободительной работы.

И нужно признать, конгресс внес весьма значительные изменения как в программу партии, так и ее тактику, оформив то положение, которое уже давно существует в реальной работе партии.

Новая программа партии „Мусават” существенно разнится от старой программы, в особенности в области политических устремлений и социальных задач.

В первом случае, партия официально включает в свою программу лозунг Конфедеративного Кавказа, легализируя этим фактическое положение, нашедшее свое отражение в подписанном 14 июля 1934 года Пакте Кавказской Конфедерации. Отныне лозунг: Независимый Азербайджан в составе Кавказской Конфедерации — становится официальным лозунгом партии и целью ее практических починаний. Таким образом, практика партийной деятельности находится отныне в полной гармонии с теорией партийной программы.

Не менее знаменательным является отход партии от концепций политического панисламизма и пантюркизма, занимавших довольно значительное место в прежней партийной программе, а особенно в программе 1911 года. Практика последних десятилетий показала всю несостоятельность разнообразных политических „пан — измов”, неудачно пытавшихся об'единить для реализации общих политических целей различные и даже однородные этнически национальные организмы, не связанные общим тяготением к одним и тем же геополитическим центрам. Руководство партии „Мусават” учло этот опыт и открыто

стало на путь общекавкасского — единственно реального — политического сотрудничества, зафиксировав этот путь в своей новой программе и исключив из нее прежние идеологические положения.

В программе оставлено лишь место для общетюркской культурной общности. Но и здесь тактикой партии вносится значительный корректив. Пункт 6-ой „основ партийной тактики" („С. К." № 27) гласит:

„Принимая во внимание культурные взаимоотношения и специфические условия в борьбе с российской экспансией, иметь тесный целевой контакт со всеми тюрко-мусульманскими народами, порабощенными Россией, и в известных конкретных случаях иметь с ними общие выступления".

Эти слова, придающие конкретным общетюркским выступлениям условный характер, допускающие такие выступления лишь в некоторых строго определенных случаях, говорят также и о том, что партия „Мусават" не придает абсолютного значения и общетюркской культуре, ставит выше ее интересов интересы Азербайджана и азербайджанской культуры, неразрывно связанные с интересами всего Кавказа и общекавказской культуры.

Если мы учтем ничем не омрачаемую близость сегодняшних советско-турецких отношений и наряду с ней деструктивную деятельность советских „культуртрегеров", особенно сильно проявляемую в области разрушения общетюркской общности и общетюркских культурных ценностей, то должны будем признать, что и т. н. культурные „пан—измы", подобно „пан—измам" политическим, действенны постольку, поскольку отвечают реальным интересам охватываемых ими народов. Таким образом, и здесь, отмечая условный характер общетюркской общности, новая программа партии „Мусават" учитывает реальную обстановку сегоднешнего дня и опыт, преподаваемый нам историей и действительностью.

Реализм программы проявляется и в том, что она придает должное значение необходимости согласованных освободительных усилий со стороны всех порабощенных Россией народов — условию, отсутствовавшему в недавнем прошлом освободительной борьбы. Пункт 7-ой „основ партийной тактики" призывает „с еще большей энергией укреплять связи со всеми порабощенными русским империализмом народами, об'единенными в «Прометейском фронте»."

Большой интерес представляет новая социальная программа партии. Ее можно охарактеризовать, как синтез положений старой программы и новых веяний, мощной волной охвативших в послевоенные годы государства Западной Европы.

В области социальных взаимоотношений партия отрицает борьбу классов и утверждает национальный солидаризм. Но это не значит, что она не признает прав отдельной личности: она стремится примирить общественные интересы с интересами личности, а права нации и государства с правами отдельных граждан или же общественных групп. Партия в корне отрицает систему классовой диктатуры, господства одной какой либо части населения над другими частями. Основой социального мировозрения партии, гласит программа, является не борьба, а примирение классов, образующих одну и ту-же нацию.

В области же экономики партия стоит за денационализацию мелкой промышленности и восстановление индивидуальных крестьянских хозяйств, при чем земля должна перейти в собственность обрабатывающих ее земледельцев. За исключением ограничений, вытекающих из только-что сказанного, партия в полном об'еме признает принцип частной собственности и тесно связанную с ним свободу торговли. Характерным являются и положения, признающие за рабочими право участия в прибылях промышленных предприятий, как равно, предвидящие необходимость заинтересования рабочих экономическим и техническим управлением фабрик и заводов.

Таковы наиболее знаменательные моменты новой программы партии „Мусават", утвержденные недавним партийным конгрессом.

Б. Билатти

НОВАЯ ТАКТИКА КОМИНТЕРНА

Последний конгресс коминтерна прошел почти незамеченным. Не считая двух — трех протестов, внесенных в Москве представителями государств, считавших себя наиболее задетыми провокационными выступлениями делегатов конгресса, и коротких газетных сообщений, появившихся даже не во всех органах ежедневной печати, — работы этого исключительного по своему характеру конгресса прошли в атмосфере удивительного безразличия и невнимания со стороны официальных кругов отдельных государств и мировой общественности.

Мировое общественное мнение, усыпленное тонкой игрой советской дипломатии, не придало серьезного значения конгрессу и не сочло нужным разобраться в его работах. Мир находился еще под свежим впечатлением триумфального вступления Советской России в Лигу наций и миролюбивых излияний Литвинова и не в состоянии был прислушаться к тем немногочисленным голосам, которые предостерегали его перед пагубными последствиями новых решений, принятых конгрессом коминтерна. Последовательно, умело и систематически проводимая философетской, оплачиваемой Москвой, печатью пропаганда, утверждающая в мире мысль о наступивших, якобы, в СССР „глубоких переменах", о „демократизации режима", о „идеологическом повороте вправо" в связи с „банкротством идеи мировой революции" и т. п., — сделала свое дело: мировое общественное мнение не придало последнему конгрессу коминтерна никакого практического значения.

А между тем, как видим, конгресс этот оказал весьма существенное влияние на развитие событий, свидетелями коих мы сейчас являемся.

Сейчас для каждого должно быть ясным, что постановления VII конгресса коминтерна не были лишь постановлениями на бумаге, что Москва, патронируя конгрессу и устанавливая основы новой тактики коминтерна, преследовала реальные цели, стремилась приспособить работу своих заграничных агентур, в лице коммунистических партий иных стран, к изменившейся обстановке в странах Западной Европы, учтя опыт минувших лет.

Новая тактика коминтерна является следствием детального анализа практики работ прежних лет, анализа причин неудач и неуспехов, постигших в последние годы компартии разных стран и, прежде всего, Германии.

Основательный и, нужно признать, вполне добросовестный анализ пройденного пути открыл малоутешительную картину поражений и провалов. Выяснилось, что теория Ленина о трех последовательных этапах прихода мировой революции оказалась не действенной. Мир нашел противоядие против разрушительной силы коммунистических доктрин. Всюду там, где рушились идеологические устои либерально-капиталистической эпохи, место этих устоев занимал не коммунизм, способствовавший их падению, а новая динамическая сила, об'явившая коммунизму беспощадную войну. Лозунгу мировой революции был противопоставлен лозунг революций национальных, всюду, несмотря на противодействие большевистских агентур, вытесняющий коммунизм с занимаемых им позиций. В результате, назрел момент, диктующий необходимость пересмотра всего оперативного плана по реализации мировой революции. Эту задачу разрешил VII-ой конгресс коминтерна, созванный Москвой в прошлом году.

Борьба с шаблоном, теоретическими формулами и оторванностью от реальных условий жизни была, пожалуй, основной темой выступлений на конгрессе. Тон этому дал рупор Сталина — „рулевой коминтерна" Димитров.

„Не умея конкретно подходить к явлениям живой действительности, — говорил он в своей речи от 13-го августа — кое-какие товарищи, страдающие леностью мысли, заменяют тщательное и конкретное изучение действительной обстановки и соотношения классовых сил общими, ничего не говорящими формулами. Они напоминают не снайперов, которые бьют точно в цель, а таких „искусных" стрелков, которые систематически и без промаха бьют мимо цели, попадая то выше ее, то ниже, то дальше, то ближе."

Не менее остро выступил Димитров и против „преступного самодовольного сектантства", грехи которого, по утверждению многих делегатов, были особенно велики и особенно болезненно отозвались на делах коммунистической пропаганды. „Самодовольное сектантство", заявил Димитров, довело коммунистические партии до „опасной изоляции", „фатальной обособленности", оно было одной из основных причин поражений. Именно из осознания этого положения возникла знаменитая концепция „единых фронтов", заменившая прежнюю ленинскую концепцию „революционного меньшинства", действующего вне связи и вопреки антиреволюционному или же нейтральному большинству.

Но „единые фронты" сами по себе не являются целью. Они лишь средство для достижения основной цели, остающейся неизменной: мировой революции и диктатуры пролетариата в лице компартии, а в сущности русско-советского господства над всем миром.

„Единые фронты" должны по возможности охватывать все т. н. антифашистские силы, всех тех, кого так или иначе можно использовать в борьбе против идеологии национализма — единого начала, могущего задержать победный марш большевизма.

Социалистические партии всех оттенков, профессиональные организации рабочих, буржуазные либеральные партии и даже в некоторых случаях религиозные организации (католические в Германии, мусульманские на Востоке) — все должны быть об'единены под эгидой коминтерна и Москвы „в защиту остатков буржуазной демократии, установления антиимпериалистического народного фронта в колониальных и зависимых странах" (пункт 4 резолюции конгресса), должны повторить опыт русской демократии: подготовить собственными руками победу большевизма в своих странах и во всем мире.

Но это не все: коммунисты должны проникнуть и в фашистские организации.

„Фашизм надо бить при помощи масс, — говорил Димитров на конгрессе — которые он сам загнал в свои массовые организации. Мы должны проникнуть в эту крепость, стенами которой фашизм рассчитывал оградить свой режим. Но для этого необходимо изменить содержание и методы нашей работы, необходимо ловко использовать фашистскую демагогию, говорить с массами на понятном им языке, выдвигать доступные массам лозунги"...

Признавая идеологическую слабость марксистских лозунгов, Димитров, как видим, рекомендует широкое применение провокации и политической мимикрии, советует использовывать фашистские лозунги и проникать в националистические организации с целью их разложения.

Эта тактика особенно ярко была выявлена в резолюции VI с'езда международного союза коммунистической молодежи, который состоялся в Москве в октябре 1935 года — т. е. вскоре после с'езда коминтерна. В этой резолюции читаем:

„Везде, где демагоги фашизма выдвигают лозунги и обещания, отвечающие настроениям и нуждам рабочей молодежи, мы должны без колебания предлагать молодежи, чтобы она требовала немедленного их выполнения, и начать массовую борьбу за реализацию этих лозунгов"...

И далее:

„Следует... склонить всю молодежь к тому, чтобы она упорно требовала выполнения обещаний, даваемых фашизмом, дабы таким образом довести ее до действительной борьбы с фашизмом".

Резолюция отражает и концепцию „единого фронта", принятую VII-м конгрессом коминтерна, предлагая коммунистической молодежи организовать совместную антиправительственную акцию с иными группировками молодежи в тех странах, „где существуют оппозицинно настроенные демократические, либеральные, радикальные группировки молодежи",

и перечисляя в качестве таких стран — Польшу, Югославию, Болгарию, Австрию и т. д.

Отражает новую тактику коминтерна и конференция разгромленной и загнанной в подполье германской компартии, имевшая место в Брюсселе также в октябре 1935 года.

„Мы, коммунисты,— гласит резолюция этой конференции,—стоим на стороне католического оппозиционного движения, стремящегося к защите независимости своих организаций. Мы стоим на стороне крестьянских и городских масс ликвидированного „Штальхельма”, в котором все ясней вырисовывается протест упомянутых слоев против фашистского правительства” („Rundschau” № 73).

Таким образом, „единый фронт” должен охватывать в случаях необходимости и такие явно-реакционные организации, каким была, например, ликвидированная организация „Стальной каски”, пытавшаяся противодействовать победному шествию национал-социализма.

Еще раньше в том-же органе („Rundschau“ № 69) писалось: „Мы, коммунисты, в мощном сопротивлении молодых католиков против нарушения их религиозной и организационной свободы, видим часть борьбы в защиту демократических прав и свободы молодежи“.

Эта „филокатолическая” акция коминтерна является, пожалуй, наиболее характерной для двуличной политики Москвы, беспощадно расправившейся у себя со всеми религиозными организациями, патронирующей безбожничеству в масштабе всемирном и, наряду с этим, в нужных для нее случаях, выступающей в роли защитницы религиозных свобод в иных странах.

Новая тактика, должны мы признать, значительно активизировала разрушительную работу Москвы во многих странах. Серия вооруженных восстаний (в Бразилии, Греции и т. д.) и кровавых массовых демонстраций (в Польше, Франции, Бельгии, Югославии и т. д.), свидетелями коих мы были в текущем году, является прямым результатом работы агентов коминтерна и Москвы.

Со всей наглядностью, однако, коммунистическая работа выявилась в Испании, где основы новой тактики получили самое широкое применение, приведя в конце концов страну к гражданской войне.

Интереснее всего, что испанские события предвещались на VII-м конгрессе коминтерна, а главное, с перечислением почти всех своих деталей, включительно до гражданской войны. Делегат испанской компартии, Гарсиа, предвидел в своем выступлении не только образование испанского „единого фронта”, но и победу этого фронта при предстоящих выборах в парламент — победу, как известно, доставшуюся посредством махинаций при избирательных урнах. Предвидел он и гражданскую войну. Заканчивая свое выступление, он высказал, между прочим, следующие знаменательные слова: „...Мы готовим массы к тому, чтобы они под руководством компартии пришли как можно скорее к победоносному октябрю в Испании”.

Московское золото сделало свое дело: образовав испанский „единый фронт”, оно обеспечило ему победу при выборах, а затем, организовав ряд провокационных кровавых бесчинств, привело страну к гражданской войне.

Однако, в своей массе испанский народ во время успел опомниться и нашел в себе достаточно сил и энергии для того, чтобы на удар ответить контрударом и вывести страну из того тупика, в который вогнали ее платные агенты московского коминтерна.

На общем фоне коминтерновской и анти-коминтерновской акций, испанские события имеют большое значение. Они говорят нам о возможности — уже не теоретической, а фактической—раздела мира на два враждебных, взаимно друг друга нетерпящих лагеря, на два взаимно исключающиеся мировоззрения.

И такая возможность, должны мы признать, является всецело результатом работы коминтерна, результатом применения новой тактики, нормы которой выработаны официальными руководителями советского государства и предложены для руководства и исполнения коминтерну на VII-м конгрессе.

Адыге

После процесса шестнадцати

Два года тому назад, рассматривая обстоятельства убийства Кирова, мы закончили свои выводы следующими словами:*)

„Паника, вызванная убийством, лишний раз нам говорит, что силы, разлагающие коммунистическую партию изнутри, отнюдь не так малочислены и слабы, как это пытаются представить друзья большевизма в Европе.

Советские верхи открыто стали на путь взаимного уничтожения и процесс этот не возможно ни локализировать, ни тем более, ликвидировать, ибо слишком глубоко сидят антисталиновские тенденции среди партийных масс”.

*) „С. К.” № 8, дек. 1934 г.

Августовский процесс в Москве позволил нам воочию убедиться, насколько наши предположения оказались справедливыми и как события развернулись в предвиденном нами русле.

Процесс Зиновьева и товарищей, завершившийся кровавым финалом, не только подтвердил наличие расхождений на все еще многоголовом (несмотря на все единоначальные стремления Сталина) советском Олимпе, но и выявил их незаполнимую глубину. Подтвердилось и широкое распространение оппозиционных настроений среди руководящих партийных верхов и рядовой коммунистической массы, нашедшее свое отражение в массовых арестах и новых чистках, совпавших с началом процесса.

В самом процессе и в обстановке, которая бы-

ла создана вокруг него его инициаторами, можно проследить ряд весьма характерных моментов. Одним из них является поведение осужденных и судей, наглядно демонстрировавшее нам не только ничтожество популярных еще недавно „вождей", но и прогрессирующую все более и более дегенерацию большевизма в целом.

Осужденные — грозные еще недавно „вожди", посылавшие на смерть тысячи невинных жертв, овеянные ореолом героизма и революционной неустрашимости,—оказались в действительности (все без исключения — все шестнадцать!) жалкими трусами, никто из них не нашел в себе сил проявить, хотя бы в ничтожных размерах, мужественную стойкость, все они предпочли всенародно лобызать, лобызать униженно, карающую их руку.

Не в лучшем освещении предстали и судьи — „вожди"-победители в этой борьбе за власть и влияние, не постеснявшиеся довести своих бывших товарищей до состояния невменяемой подлости, сладострастно смакующие омерзительную картину человеческого падения и трусливой борьбы за жизнь.

И, нужно добавить, все это, подобно прежним „показательным процессам", имело воспитательное значение, весь этот отвратительный и мрачный спектакль был инсценизирован для целей педагогических.

Но не это зрелище является главным в процессе. Для нас гораздо более важно установить генезис процесса — причины, которые вызвали процесс и заставили инсценизаторов снабдить его исключительно яркой и шумной агитационной декорацией.

И в этом случае, по нашему, наиболее показательным является время которое было избрано Москвой для организации процесса.

Для каждого, думаем, должно быть ясно, что для Советской России время это было не совсем подходящим.

Ибо нельзя было начинать процесс, предвидя то отрицательное впечатление, которое он произвел в мировых общественных кругах, не находящихся в прямой зависимости от советских субсидий и не связанных тесно с акцией коминтерна,—нельзя было начинать в момент, когда параллельно проводится усиленный монтаж „единых фронтов", когда выкладывается на стол козырный туз в виде „наиболее демократической" конституции, когда, наконец, прилагаются всяческие старания, дабы привлечь на свою сторону симпатии „мировой демократии" и успешно разыграть начатую в Испании игру.

И если, несмотря на все неблагоприятие внешних обстоятельств, которое не могло быть не учтено, Сталин и его окружение решились на процесс, то к этому склонили их, несомненно, чрезвычайные обстоятельства внутреннего порядка.

Каковы же эти обстоятельства внутрисоветского порядка? Ответ на это в основном дан нами в начале статьи: это—наличие среди партийных верхов глубоких расхождений и более или менее открытой вражды.

Но ошибется тот, кто, вслед за официальной советской версией, будет считать осужденных главным звеном в работе против „сталинского" ЦК или же будет придавать им в этой работе исключительное значение. Конечно, осужденные не были поклонниками „генеральной линии" но они не были и ее наиболее влиятельными и активными противниками. Расстрел их мы об'ясняем тактикой устрашения, которую решили применить Сталин и его окружение ко всем своим противникам. Отныне оппозиционные круги в партии должны знать, что в борьбе с ними будут применяться все доступные средства, что „высшей мере наказания" будут уже подлегать не только рядовой обыватель и менее видные члены партии, но и заслуженные „вожди", уличенные в активной оппозиции „генеральной линии".

Этот „устрашительный" характер процесса виден даже в подборе осужденных. Все они — маловлиятельные люди. Наиболее видные из них, Зиновьев и Каменев, давно уже были дискредитированы и потеряли всякое влияние в партийных кругах, а остальные вообще не пользовались влиянием и были совершенно неизвестны широким массам. Расстрел их в силу этого не мог вызвать сколь-нибудь серьезных потрясений, но зато с успехом мог сыграть „показательную" роль и дать понять кому следует, что борьба против „величайшего гения человечества", „вождя всех трудящихся мира" и пр., и пр. является опасной игрой.

Но наряду с основной целью напугать внутрипартийную оппозицию, сталинское окружение пыталось выполнить и несколько иных заданий.

Одним из таких заданий была попытка связать процесс с деятельностью Троцкого и германского Гестапо, по директивам которого, якобы, ведут работу Троцкий и „троцкисты" в СССР и за-границей. Уже сама расовая принадлежность главы антисталиновской, „троцкистской" оппозиции и большинства осужденных исключает всякую возможность такого сотрудничества. И если, все же, такого рода предложение было лейт-мотивом пред'явленных на процессе обвинений, то, нам кажется, это делалось не только потому, чтобы лишний раз подчеркнуть „коварство" национал-социалистической Германии, но и потому, чтобы рассеять впечатление, которое создано было в Европе разоблачениями контрразведок некоторых государств, установившими двойную роль Троцкого: связь его и возглавляемого им т. н. IV интернационала с коминтерном и советским правительством.

И вообще „троцкизм" в СССР — понятие весьма растяжимое. Под это понятие подпадают не только „право-левацкие" уклоны внутри партии, но и всевозможные „национальные уклоны" и даже очередные партийные „склоки". Все это — „троцкизм", все это совершается „троцкистами". В не меньшей мере использован был процесс и для еще одной демонстрации популярности „любимого всем угнетенным человечеством великого Сталина" (так назван был Сталин в передовой „Правды" от 4 сентября) и для еще большего утверждения в массах мысли об исключительной роли, которую играет Сталин в СССР и партии.

Но достигли ли организаторы процесса основной цели? Удалось ли им запугать внутрипартийную оппозицию, влиятельные члены которой, как говорят, возлагают свои надежды на военные круги и красную армию.

Нам кажется, нет. Не надо забывать, что не один из арестованных одновременно с Зиновьевым

и товарищами военных (среди которых, по сообщениям заграничных корресподентов, были люди в весьма высоких чинах) не попал в число подсудимых, хотя, несомненно, некоторые из них также предназначены были сыграть роль „козлов отпущения“ и разделить судьбу осужденных. Какая то сильная рука не испугалась последствий и отвратила от арестованных военных опасность расстрела.

Не трудно догадаться, что эта интервенция исходила со стороны высшего командования красной армии и некоторых иных влиятельных кругов партии. Не трудно также в этих условиях предположить, что расстрел шестнадцати не является последним актом разыгрывающейся на вершинах советского Олимпа борьбы.

К. Н-ли

Советский перевод „Вепхис Ткаосани“

Как известно, первый полный перевод на русский язык бессмертной поэмы Шота Руставели был совершен в эмиграции русским поэтом Бальмонтом. Перевод вышел в Париже несколько лет тому назад в роскошном издании Д. Хеладзе. Этот патриотический акт г. Хеладзе найдет, несомненно, должное место и оценку в истории грузинской культуры, тем более, что он проявлен был в условиях скромных эмигрантских возможностей. Издатель-эмигрант оказал громадную услугу делу пропаганды грузинской культуры.

Однако, история перевода „Вепхис Ткаосани“ на русский язык не оканчивается на этом. Пример Хеладзе заразил и советских издателей, решивших, в свою очередь, издать перевод бессмертного произведения грузинской классической литературы.

Но предварительно они решили использовать уже готовый перевод Бальмонта, конечно, ни словом не упомянув о том, при каких обстоятельствах и где им удалось получить этот перевод.

Короче говоря, московское издательство „Академия“ совершило обыкновенную литературную кражу, издавая в текущем году „Вепхис Ткаосани“ в переводе Бальмонта и не давая никаких об'яснений о том, что этот перевод уже раз вышел в издании Д. Хеладзе в Париже.

А так как это, в конце концов, не „отечественное производство“, то издатели, вопреки своему обыкновению, решили „проявить беспристрастие“, снабдив перевод почти ругательным предисловием и указав в нем на те из'яны (нужно признать, имеющие место), которые в свое время были отмечены, например, польской критикой (см. рецензию в одном из номеров ж. „Всхуд“), а также национальной кавказской печатью.

В предисловии этом мы находим следующее:

„Перевод страдает целым рядом таких недостатков, которые помешают русскому читателю составить себе вполне верное понятие о произведении Руставели в оригинале. Главным источником неудач в данном случае следует считать внутренние рифмы, которые, не дав эфекта в отношении музыкальности стиха, помешали, однако, более точному воспроизведению оригинала. В погоне за этими внутренними рифмами переводчик рубит на мелкие куски широкозвучащие фразы Руставели, не знающие задержек и остановок внутри строк, в результате чего рубится, видоизменяется и бледнеет сама мысль автора“.

И еще:

„Перевод Бальмонта, который мы не считаем отвечающим тем требованиям, какие можно было бы пред'явить к переводчику этой гениальной поэмы, мы даем постольку, поскольку он является пока единственным. Возникает вполне естественное желание увидеть в возможно близком будущем поэму Руставели в полноценном переводе ее на русском языке“.

Таким „полноценным переводом“ является перевод некоего Пантелеймона Петренко.

О том, что Петренко собирается делать перевод, писалось в советской печати вскоре после выхода перевода Бальмонта в издании Хеладзе. Правда, по началу перевод предполагалось поручить довольно известному в свое время русскому поэту Балтрушайтису, впоследствии ставшему менее известным литовским дипломатом. И только потом выбор был остановлен на Петренко — молодом русском поэте, как его отрекомендовала грузино-советская печать.

Но Петренко умер, не успев окончить своего труда. Его работа оборвалась на 1601 строфе. Остальные 143 строфы перевел поэт Б. Брик.

Ныне, как сообщает один из последних номеров газ. „Заря Востока“, новый перевод „Вепхис Ткаосани“ не только закончен, но и окончательно отредактирован поэтом К. Чичинадзе и должен быть напечатан в издательстве академии наук СССР в Москве.

В том-же номере приводится и выдержка из перевода Петренко, а также сообщается о том, что 14 сентября с. г. советский союз писателей Грузии подверг „широкому обсуждению новый перевод“ и отметил его „основные достоинства — точность передачи содержания и незаурядное мастерство в передаче характернейших особенностей руставелевской формы“.

Откровенно говоря, этих достоинств мы не обнаружили в переводе Петренко, сличая выдержку из „Зари Востока“ с оригиналом и переводом Бальмонта.

Для читателей, имеющих возможность повторить наш опыт, воспроизводим ниже упомянутую выдержку:

ЗАВЕТ АВТАНДИЛА, ОСТАВЛЕННЫЙ ИМ РОСТЕВАНУ ПЕРЕД ТАЙНЫМ УХОДОМ

Ныне сел я, полный скорби, начертать тебе завет;
Снова к солнцу устремляюсь, расточающему свет.
Если с пламенным не встречусь, для меня спасения нет.
Ты пошли благословенье и прощание во след!
Знаю — после не осудишь, хоть поступок мой неждан.
Разве мудрым будет брошен друг в огне сердечных ран!
То, что сказано Платоном, не забудь, о Ростеван!

„Вслед за телом губят душу двоедушье и обман".
Коль во лжи лежит начало всех несчастий и утрат, —
Как могу в беде покинуть друга лучшего, чем брат!
Надругательство над дружбой, — это с мудростью разлад:
Ведь с божественным порядком нас науки единят.

. . . .

Дума долгая о друге сердцу зла не принесет.
Проклинаю пламя лести, сокрывающее лед.
Как державному герою друг единственный солжет?
Кто презренней ратоборца, опоздавшего в поход?
Кто презренней ратоборца, приходящего на брань
И дрожащего от страха, видя близкой смерти длань?!
Человек трусливый равен лишь ткачихе, ткущей ткань.
Всех стяжателей богаче, кто стяжает славы дань.
Нет дороги, что для смерти показалась бы узка, —
Слабых с мощными равняет и разит ее рука.
Зарывает прах младенца вместе с прахом старика.
Казнь покрытого позором горше смерти смельчака.
А теперь, о, царь, подходит слова трудного черед.
Слаб, кто каждое мгновенье той безжалостной не ждет,
Что сливая ночь и полдень, в каждый дом находит вход.
Помяни меня, державный, если жизнь моя уйдет!
Если буду я погублен беспощадною судьбой,
Если в странствии безвестном припаду к земле сырой,
Путник, в саван неодетый, не оплаканный родней, —
Пожалей меня, властитель, все прощающе благой!
Раздари мои богатства, — пусть сойдутся все на зов:
Сделай бедных богачами, отпусти моих рабов,
Обеспечь несчастных сирот, нищих, немощных и вдов.
Будет каждый одаренный помянуть меня готов.
И сердца убогих к Богу обратятся за меня,
Чтоб, оковы тела сбросив, дух вознесся, блеск храня,
Чтобы не был я низвергнут в область адского огня,
Чтобы мне войти в обитель вечно радостного дня;
Чтоб из мрака был я поднят до сверкающих высот
Где душа моя от скорби исцеленье обретет,
Где не гложут сердца черви, где лишаются забот,
Где крылатый дух свершает безтелесный свой полет.
Из того, в чем для владыки не окажется нужды,
Часть отдай на богадельни, часть на новые мосты!
Пусть наполненные станут все хранилища пусты!
Кто мое потушит пламя, если в том откажешь ты?
От меня уже известий не получишь ты потом;
Я тебе вверяю душу завещательным письмом.
Никому не будет прока в сделке с дьяволом-лжецом.
Дай прощенье, ибо тяжба невозможна с мертвецом.
Будь не строг с моим подручным — Шермадином дорогим,
Этот год он долгим рядом бедствий яростных язвим;
Успокой своею лаской столь привычного к моим,
Чтобы слез кровавых токи не струил, как нелюдим,
Вот рукой моей дописан этот горестный завет;
Я бегу с безумным сердцем вожделенному во след.
О, цари! Не облекайтесь мглой моих докучных бед
И на страх врагам царите без печали много лет".
Дописал и к Шермадину, обратился он потом:
„Отнеси к владыке это и поведай обо всем.
Ты в усердии великом несравненным был рабом".
Он, обняв слугу, излился слез кровавых родником.

Сравнивая этот фрагмент с соответствующим местом перевода Бальмонта, можно сказать, что в некоторых случаях Петренко стоит ближе к оригиналу, но несмотря на это и он не передает в достаточной степени ни глубину мыслей, ни богатство поэтических образов, метафоричность стиля, лапидарность языка, необычайную звучность стиха — одним словом, всего того, что создает из „Вепхис Ткаосани" одно из величайших литературных произведений всех эпох и всех народов.

И советский перевод бессмертной поэмы Шота Руставели мы также не можем признать удачным.

СЫН ВОРОНА*)

(Из адыгейских сказаний)

Жили три брата-князя. Старшего звали Шужий, среднего — Блечахи и младшего — Шхацаче.

Шужий и Блехачи жили вместе и управляли одним аулом. Шхацаче управлял другим аулом. Оба аула находились недалеко один от другого, по обоим берегам реки.

Однажды, старший Шужий — князь пошел к своему младшему брату Шхацаче и сказал ему:

— Ты должен переселиться, вместе со своим народом, в мой аул.

Но Шхацаче не согласился на это.

— Ну, если ты не согласен, то ты обязан выставить против моего батыра**) старого Хусейна своего батыра, который мог бы побороться с моим. Если же не выставишь, то переселяйся в мой аул, как я сказал.

Шхацаче поехал искать для себя батыра. Устав в дороге, остановился на лесной полянке. „Отдохну здесь", — подумал Шхацаче и, стреножив коня, пустил его, а сам сел и стал глядеть в сторону аула, который виднелся по близости. И вот он увидел, как из аула вышел какой-то человек и направился к лесу. Когда человек приблизился, Шхацаче вгляделся в него, и увидел, что это был юноша того возраста, „когда усы бывают еще не больше бровей". Войдя в лес, юноша подошел к дереву в один обхват и срубил его. Падая дерево зацепилось за другое дерево и повисло на нем.

Тогда парень взялся за ствол срубленного дерева и, ломая сучья, за которые зацепилось дерево, стащил его.

— Ага, теперь я нашел того, кого искал! — подумал Шхацаче, — пойду следом за ним.

Парень перерубил дерево пополам, взял обе

*) По материалам, собранным Адыгейским научно-исследовательским институтом культурного строительства. Литературная обработка П. Максимова. (газ. „Молот").

**) Батыр (с татарского) — богатырь силач (примечания здесь и далее Максимова — р-ция).

половины в руки и пошел в аул. А вслед за ним, незаметно для парня, поехал и Шхацаче.

Парень свернул во двор, в котором виднелся маленький домик. Бросив бревна, он вошел в дом.

Шхацаче в'ехал во двор и тоже зашел в дом. На скамейке сидела старуха. Увидев гостя, она встала и сказала:

— Пожалуй, пожалуй, сын мой,—и пригласила его пройти на чистую половину. Побыв немного с гостем, сын старухи вышел из комнаты.

— Ну, скажи свое дело, сын мой—обратилась старуха к гостю.

— Большое дело имею, мать,— отозвался князь.

— Говори, я за углы прятаться не буду!—сказала старуха, — только сына у меня не проси, — он у меня единственный.

— Да, мать,—за этим твоим единственным сыном я и явился.

Старуха очень огорчилась. Долго отказывалась, но князь стоял на своем и, наконец, она согласилась.

— Ну что же, я дам тебе его, если обещаешь вернуть живым.

— Возвращу его тебе живым и невредимым, мать! И если кто-либо причинит ему вред, будь это хоть мой родной брат,—обещаю тебе, что причиню обидчику еще больший вред!—поклялся Шхацаче.

Князь взял у старухи сына, которого звали Колежжим-ыко, что значит Сын Ворона, и увез его.

Когда они под'езжали к аулу, Шхацаче сказал парню:

— Вон там стоит мой дом... Ты пойди, а я догоню тебя.

Парень пошел, но вместо аула Шхацаче, он нечаянно попал в аул князя Шужия. Зашел во двор, и встретив батыра Хусейна Старого, спросил у него:

— Покажи мне, где стоит дом Шхацаче.

Старый Хусейн держал в руке полуобтесанную ось с колесом; подняв их одной рукой, он показал ими, как щепкой:

— Вон дом Шхацаче!

К этому времени Шхацаче уже был дома. Он ввел парня в дом и сказал своей матери:

— Корми этого парня отборной пищей, не давай ему завтра той пищи, которую даешь сегодня, и следи, чтобы у него была чистая одежда. Так — всю неделю.

Шхацаче и Шужий назначили день, в который должна произойти борьба между их батырами. Но перед этим днем к Шхацаче зашли какие то три кумука и стали просить у него даров. А так как у Шхацаче не было под рукою ничего подходящего для подарка кумукам, он пошел к своей матери и сказал:

— Мать, я поеду поищу подарков для кумуков, а пока не вернусь, ты—ни за многое, ни за малое—никого не впускай к этому парню. И его самого тоже никуда не пускай, кто бы за ним ни пришел.

Шхацаче еще не вернулся и назначенный день еще не наступил, но Шужий об'явил, что не может ждать возвращения Шхацаче и распорядился, чтобы батыри готовились к борьбе.

Было расчищено большое место. Собрались люди.

— Сейчас наши батыри будут бороться!—об'явил Шужий,—будьте свидетелями.

Вместе с другими людьми пришли к месту борьбы и те три кумука.

— Посылаю вас вместо Шхацаче, следите за парнем, — попросила их мать Шхацаче.

Три кумука сели впереди собравшихся. И, вот, ревя, подобно бугаю, вышел батыр Хусейн Старый. Парень по прозванию Сын Ворона тоже вышел на середину круга. Хусейн подошел к нему и толкнул его плечом. Но Сын Ворона даже не пошевелился. Хусейн толкнул его другим плечом, но Сын Ворона, видя, что Хусейн ничего не может с ним сделать, только усмехнулся.

— Ие-о-ой*), Хусейн Старый! — сказал Сын Ворона. — Хотя нас и не родила одна мать, и мы не воспитывались на одном колене, все же я не хотел стать против тебя. Но если ты так хочешь...

И Сын Ворона притянул к себе Хусейна и сжал его. Из носа Хусейна хлынула кровь.

Стоявший тут же Шужий, видя, что Хусейн Старый ничего не сделает с тем парнем, подошел к ним.

— Нет, вы неправильно боретесь. Вы должны взяться вот так, — сказал он, и делая вид, что показывает, как нужно взяться, незаметно достал из рукава черкески цихаджасу**), быстро вонзил его в горло Сына Ворона и отошел. В ту же минуту Сын Ворона свалился мертвым. Князь Шужий об'явил собравшимся, что его батыр Хусейн Старый задавил парня. Но три кумука, сидевшие в первом ряду, хорошо видели, как князь Шужий воткнул цихаджасу в горло парня.

Сына Ворона тотчас похоронили, а через день приехал и Шхацаче. Приехав, спросил у матери:

— Мать, а где Сын Ворона?

Как раз подошли три кумука.

— Мы должны рассказать тебе то, что видели—сказали они, и рассказали, как Шужий убил парня цихаджасой.

Если не веришь — прикажи откопать тело, и ты найдешь цихаджасу в его теле, — сказали кумуки.

В тот же день Шхацаче приказал собрать народ и распорядился, чтобы отрыли парня. Отрыли, посмотрели и обнаружили цихаджасу в его горле.

— Ага, так! — сказал себе Шхацаче, думая о нанесенной ему братом обиде. — Хотя Шужий и рожден моей матерью, но с сегоднешнего дня — он мой кровник, он мой враг!.

Но так как Шужий тоже был батыром и Шхацаче ничего не смог бы с ним сделать в открытом бою, — он прикинулся покорным, и стал самым верным уорком***) Шужия.

И когда Шужий собрался в наезд, Шхацаче пришел к нему и стал просить его:

— Возьми и меня с собою!

— Эх, ты, кволый! Ты разве сможешь поехать туда, куда я еду? — посмеялся над ним Шужий.

---

*) Возглас, выражающий сожаление, соболезнование, вроде русского „эх".

**) Цихаджаса — небольшой кривой нож.

***) Уорк — дворянин.

— Клянусь тебе, что если погибнешь ты, то и я с тобою погибну, — сказал Шхацаче.

Шужий взял его с собою. Проехав довольно много, они устали и остановились на отдых.

Ночью сидели у костра, разговаривали.

— Шужий, — спросил Шхацаче, — каким способом можно быстрее всего убить человека?

— Эх ты, кволый!—усмехнулся князь Шужий.— На что это тебе нужно, что заставляет тебя спрашивать об этом?

— Так, на случай, если в несчастье попадем, чтобы не терять времени напрасно.

— Ну, если хочешь, так скажу: человека легче всего убить, если ударом меча рассечешь ему голову надвое.

— Спасибо, — сказал Шхацаче.

Скоро после этого, князь Шужий прилег и заснул. Шхацаче подкрался к нему, взял его меч, развернулся, ударил и рассек его голову на-двое.

— Ай, шайтан! — закричал Шужий — этого я и боялся! — и, сев на землю, одной рукой сжал рассеченный череп, а другой выхватил из рук Шхацаче меч, швырнул его вслед брату, подрубил ему пятку, а сам упал и испустил дух.

Оставив труп Шужия в степи, Шхацаче помчался в аул.

И отправился к матери Сына Ворона.

— Мать! — сказал он, — твоего единственного сына уже нет в живых.

И рассказал ей, как было дело.

Долго плакала мать, услышав о гибели своего единственного сына. Но что же делать? Она была бедная женщина и ничего не могла сделать с князем.*)

С тех пор Шхацаче стали звать „Шхацаче-Кривопятый", так как он стал хромым после того, как Шужий подрубил ему пятку.

---

*) Легенда „Сын Ворона", как почти все адыгейские народные легенды подобного характера, является вероятнее всего отражением действительного происшествия. Она поучает нас о старых традициях феодальной Адыгеи—о том, как на коварное убийство верного вассала адыгейский феодал отвечал убийце смертью, не останавливаясь в таких случаях даже перед братоубийством. Советская интерпретация, в лице П. Максимова, пытается замаскировать этот смысл легенды. Попытка эта особенно заметка в подчеркнутой нами фразе, которая несомненно является измышлением переводчика и в адыгейском оригинале отсутствует — Р-ция.

Электрификационная неразбериха

Не так давно в нашем журнале сообщалось о проэкте строительства на Тереке, в районе Дарьяла, новой гидроэлектростанции. Сообщалось также и о том, что проэкт этот связан с провалом строительства гидроэлектростанции на реке Гизель-дон—станции, которая по проэкту должна была обслуживать всю Северную Осетию с гор. Терк-Кала, Ингушетию и часть Чечни с нефтяными промыслами в Суюндж-Кала, а в действительности не в состоянии обслуживать даже одного гор. Терк-Кала.

Ныне газета „С.-К. б." (22-IX-1936) дает новые детали о строительстве Дарьяльской ГЭС и вообще об электрификационных планах большевиков в центральных провинциях Северного Кавказа.

„По плану электрификации Северного Кавказа—пишет газета, рисуя читателям планы всесоюзного треста „Гидроэнергопроэкт"—решено создать единое северо-кавказское высоковольтное кольцо. В него войдут Грозненская ТЭЦ, Гизельдонская, Баксанская и Дарьяльская гидростанции.

Единое высоковольтное кольцо будет питать электроэнергией всю промышленность и курортные районы Северного Кавказа. В частности, разрешается проблема электрификации всего Минераловодского района и его железной дороги.

Составляемый по заданию правительства проэкт Дарьяльской ГЭС должен быть закончен к концу текущего года и представлен на утверждение наркому тяжелой промышленности тов. Орджоникидзе.

В июле материалы по проэктированию Дарьяльской ГЭС рассматривали председатель Северо-Кавказского крайисполкома тов. Пивоваров и секретарь крайкома тов. Евдокимов. После тщательного ознакомления с материалами, они одобрили проэктное задание. Народный комиссариат тяжелой промышленности выделил кредиты на окончание проэктных работ по Дарьяльской ГЭС в 1936 году. Успешное выполнение всех проэктных работ позволит уже в будущем году начать строительство гидростанции.

Плотина строится на Тереке, в районе селения Казбек. Из водохранилища вода поступает в 18-километровый тоннель и затем трубопроводами будет проводиться к турбинам электростанции, расположенной в районе селения Ларс. Под водохранилище решено использовать широкую долину р. Терек выше селения Казбек и долину Черной Арагвы у селения Сион.

На электростанции будут установлены четыре мощные турбины ленинградского завода „Электросила". Мощность каждой турбины — 50 тысяч киловатт.

В течение года новая Северо-Кавказская ГЭС должна дать до миллиарда киловатт-часов электроэнергии".

Но, оказывается, постройка этих „гигантов" не разрешает проблемы электрификации наших центральных областей, ибо некие А. Хрущов и В. Гольцберг считают, что не только „гиганты", но и „мелкие гидростанции—большое дело". Последнее выражение (мелкие гидростанции—большое дело) является заглавием их коллективной статьи, помещенной в томже „С.-К. б." (15-VIII-1936) и посвященной все темже проблемам электрификации.

Авторы пишут:

„Еще в 1934 году правительство вынесло специальное решение „О строительстве мелких гидростанций". Это решение имеет особо важное значение в условиях Северного Кавказа".

Но —

„...некоторые наши работники привыкли считать не меньше, чем десятками миллионов (как мы видели, трест „Гидроэнергопроэкт" считает даже миллиардами—М. Ч.), оперировать гигантскими масштабами и не находить время для „мелких" дел. Гигантомания—опасная болезнь. Проблема энергетического хозяйства края не может быть разрешена только

Баксанстроем и еще одним—двумя крупными строительствами (надо сказать, и на этих строительствах далеко не все благополучно). Мелкие гидростанции занимают большое место в решении этой задачи. Мелкие гидростанции—большое дело".

Но местные правители, утверждают авторы рассматриваемой нами статьи, рассуждают иначе. Они относят эти вопросы к „вопросам, не стоящим большого внимания".

„Спросите в крайплане,"— пишут авторы — как обстоит дело с мелкими гидростанциями. Вы внесете в безмятежные крайплановские канцелярии несусветный переполох. Ни один человек в крайплане не знает о положении строительства гидростанций. По своему краевому шефу равняются и областные плановые комиссии".

В дальнейшем авторы переходят к положению в отдельных областях и районах. В районах: Курском, Левокумском, Архангельском жители „с надеждой ждали: вот—построят станцию и засияют в квартирах электрические лампочки", но „разговоры остались разговорами".

В Северной Осетии имеется специальное бюро под названием „Облэлектро", но „в этом бюро сидят бездельники".

„Иначе чем об'яснить—рассуждают авторы— что из 9 гидростанций, намеченных к строительству еще в прошлом году, по семи станциям даже проэктов нет. Нет проэктов и для гидростанций, которые должны были строиться в нынешнем году".

О Кабардино-Балкарии авторы пишут более сдержано, хотя положение здесь отнюдь не лучше, чем в иных районах. Видимо, акции Бетала Калмыкова стоят так высоко, что не всякий осмеливается поместить о делах управляемой им области ругательную критику. Хрущов и Гольцберг пытаются даже смягчить свою критику комплиментом.

„Кабардино-Балкария по праву числится в передовых областях края"—пишут они, хотя тут-же добавляют, что „и здесь забыли о мелких гидростанциях". Мало этого. Построенные здесь в свое время станции „стоят мертвыми памятниками". Они не работают и „напоминают о безрукости строителей".

В Чечено-Ингушетии „гидростанциями никогда не занимались и не думали заниматься". В Черкесии „еще безрадостней". В Карачае „тоже не очень заинтересованы мелкими гидростанциями". Но всюду, во всех областях и районах, рядовые обыватели „с большим волнением говорят о строительстве мелких гидростанций" и ожидают начала строительства.

Заканчивается статья следующими словами:

„Каждое решение правительства — это закон. Наши облисполкомы, наши советские организации должны уважать советские законы. Состояние строительства мелких гидростанций в нашем крае свидетельствует о том, что многие работники областных советских организаций не научились этому элементарному правилу".

Как видим, в среде советских „электрификаторов" происходит борьба между двумя течениями: поклонниками „гигантов" и сторонниками мелких электростанций. Кто победит в этой борьбе—неизвестно. Зато ясно лишь одно: как крупные, так и мелкие электростанции строятся „головотяпскими" методами, поглощая огромные средства и не принося населению почти никакой пользы (примеры: Гизель-дон ГЭС, Баксанстрой и др.).

По советской „электрификации" мы можем судить и о иных отраслях усиленно рекламируемого „советского строительства". Едва-ли и там достигнуты лучшие результаты. М. Ч.

Nalçik'de Atajuko parkının medhali (fot. 1935)
Вход в Атажукинский сад в Нальчике (фот. 1935 г.)

Бюллетень партии „Мусават"

Результатом недавно состоявшегося С'езда партии „Мусават" является новый печатный орган под названием „Бюллетень Национальной Азербайджанской Народной Партии «Мусават»", первый номер которого вышел в сентябре т. года. Как свидетельствует название, „Бюллетень" будет посвящен прежде всего партийным делам. О таком его характере говорит и содержание первого номера, всецело посвященное недавнему партийному С'езду.

В начале „Бюллетеня" помещается отчет о С'езде, охватывающий все заседания последовательно по дням, в которых они имели место. Затем приводится анализ текущего положения во вне и внутри Азербайджана и указывается тактика, которой в связи с этим положением должна руководствоваться Партия в своей работе на местах и в эмиграции. Тезисы как в первом, так и во втором случае были рассмотрены и утверждены С'ездом.

В конце „Бюллетеня" помещается воззвание к азербайджанскому народу. В этом воззвании С'езд, охарактеризовав переживаемый политический момент, обращается ко всем патриотам Азербайджана и советует им готовиться к событиям.

С'езд считает, что подготовка к событиям должна заключаться в еще большем моральном и материальном усилении партии „Мусават", которая образует основную базу азербайджанского патриотизма и об'единения всех национальных, патриотических сил народа, борющегося за восстановление потерянной независимости и реализирующего высокие национальные идеалы.

„Мало того—говорится в воззвании—необходимо нам со всеми организациями наших соседей, признающими опубликованный уже Пакт Кавказской Конфедерации, образовать тесную связь в борьбе за осуществление идеалов Кавказской Конфедерации".

В дальнейшем воззвание говорит о необходимости усиления культурных связей между порабощенными Россией тюркскими народами.

„Царская Россия — читаем в воззвании — свое международное положение завоевала главным образом за счет порабощенных тюркских народов. Чтобы не дать красному царизму такую же выгоду, порабощенные тюркские народы Советского союза должны усилить культурные связи между собой".

Говорится в воззвании и о необходимости единения всех народов „Прометея". „Наши интересы общи с интересами всех народов, борющихся с российским империализмом"—пишется в воззвании, а потому „мы образуем единый фронт со всеми народами, входящими в Прометейское об'единение". Усиление этого фронта, представляющего половину всего населения т. н. Советского союза,—„в наших жизненных интересах".

Этим воззванием заканчивается первый номер „Бюллетеня Национальной Азербайджанской Народной Партии «Мусават»". А. Г.

KÜÇÜK HABERLER — ХРОНИКА

KAFKASYA HABERLERİ—ВЕСТИ С КАВКАЗА

MUHTELİF HABERLER

— Leningrad'daki Marr adına dil ve düşünce enistitusu profesorlarından T. F. Turçaninof Nalçik'e gelmiştir. Ş. K. Tass-ajansının verdiği malumata göre, prof. Turçaninof, „rus grafiki üzerine müessis, kabardin dilinin ilk ilmî grameri" nin tertibi işine iştirak edecektir. Ş. K. Tass'ının havadisini tashih ederek haber verelimki, Turçaninof'un grameri hiçte „ilk" gramer olmıyacaktır. Bu kabil „rus grafikası üzerine müessis ilmî gramerler" daha çarlık zamanında muhtelif ruslaştırmacılar tarafından (Lopatinski v. s.) vücude getirilmişti. Fakat hayat, bunları ortadan kaldırdı. Şimalî—Kafkasya komünistleri içerisinde en fazla rus uşaklığı yapan Betal Kalmıkov'un himayesi altında vücude getirilen Turçaninof'un grameri dahi ayni akıbete uğrıyacaktır.

— Terek Kala'daki dikiş fabrikası, Ş. K. askerî garnizonunun dağlı ve kazak süvarî kıtası için uniforma dikmek siparişini kabul etmiştir. Ayni fabrika, Terek—Sevastopol kazak fırkası için başlık, açık mor renkli beşmet ve kurşunî renkte çerkeska hazırlamaktadır. Dağlı kıtaları için beşmet yerine „kafkasya" kömlekleri (!) dikilmektedir. Sovyet hükûmeti dağlı kıtalarını bir nevi „kafkasya" kömlegi ile, kazakları ise normal beşmetle temin etmek suretile dahi kendi ruslaştırma siyasetinden vaz geçemiyor

— Karaçay dağlarında bu yıl, büyük keşif işleri teşkil edilmiştir. Uçkulan dağında arsenik arama işi devam etmektedir. Bundan başka Alik—Başı mıntakası, Kuban ve Küçük Karaçay'da grafit barut v. s. araştırılmaktadır.

— „Groz. Raboçi" gazetesinin yazdığına göre Suyunc Kala petrol ocaklarında „aksi ihtilalci, ziyancı faaliyet" keşfedilmiştir. Baş mühendis muavini İ. Î. Şubin kazma ustası G. K. Razunenko, ve kazmacı A. M. Kremnev mes'uliyete celb edilmişlerdir. Gazeteye göre, „ziyancılar, kendi alçakca işleri için hudud haricindeki efendilerinden külliyetli mıktarda para almışlardır". Ülke mahkemesinin hususî heyeti bir müddet evvel Şubin ve Razunenko,yu 10-er sene hapse mahkûm etmiştir. Kremnev de istintak esnasında ölmüştür.

— Şimalî—Osetiya vilayet neşriyat idaresi bu günlerde „Sovyet Şimalî Osetiya'sının 15 yıllığı" adile bir albom neşredecektir. Albom 150 yaprak fotografı ihtiva edecektir. „Prol. Oseti„nın yazdığına göre, albomun ilk sayfalarında „Şimalî Osetiya'yi akbanditlerden kurtaran kahramanların" resmi, son sayfalarda da „vilayetin sovyetleştirilmesinin 15 yıllığı dolayisile yapılan bayrama aid resimler" bulunacaktır. Bundan başka „stahanofçular, nişan alanlar" a ayni zamanda şair Kosta Hetagurov,un ölümünün 30 yıllığı dolayisile Şimalî Osetiya'da yapılan ihtifallara aid bir kaç resme dahi albomda yer verilecektir.

— Şimalî Kafkasya'nın merkezi Terek Kala'nın şehir sovyeti reisligine, Novosibirsk de çeka mümessilliği vazifesinde bulunmuş sabik çekistlerden K. S. Şipov nam birisi tayin edilmiştir.

МАСТЕРСКАЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИЗДЕЛИЙ В НАЛЬЧИКЕ

Наши читатели помнят наверное неоднократно цитированные на страницах нашего журнала факты борьбы, которую вело советское правительство против северокавказского национального костюма (черкески, кинжала и т. д.). Все это называлось „пережитком проклятого прошлого", недопустимым в пролетарском отечестве и т. п. Борьба особенно усилилась в 1934 году, когда даже „всенародно" обсуждался проэкт создания вместо черкески и женского национального костюма новых „национальных костюмов". В связи с борьбой вся кустарная промышленность Северного Кавказа, вырабатывающая предметы национальной одежды (оружие, мужские и женские пояса и т. д.) была „переключена" на выработку более „полезных изделий": кос, серпов и т. п.

Но в текущем году наступил резкий перелом. Кавкасские национальные изделия опять в моде, а особенно те изделия, которые еще недавно подвергались наиболее усиленному осуждению: оружие и части национального костюма. Восстановлен в правах и сам костюм. Мало того — все это пользуется специальным вниманием: власти собирают наиболее искусных специалистов, создают для них особые мастерские, воспевают их труд в печати и окружают их всяческой заботой. Если какая либо инстанция „хозаппарата" замечается в недостаточной заботе о кустарях, ее сейчас же пробирают в печати в порядке „самокритики".

Типичной для характеристики этих „новых веяний" является заметка о Нальчикской мастерской национальных изделий, помещенная в газ. „С.-К. б". от 17-VIII—1936. Приводим эту заметку целиком:

> „Причудливый орнамент стелется по серебру ручки кинжала. Каждый рисунок — импровизация. Выходя из-под незатейливого инструмента мастера—из-под маленького молоточка и шинделя, — рисунок возникает непринужденно, поражая взор легкостью и изяществом линий.
>
> Кропотливая эта работа — в шесть дней отделывается один кинжал — требует таланта и большого художественного чутья. Этим мастерством на весь Кавказ славятся таланты-самородки, дагестанцы Хаджи-Гурман Абакаров и Алимханов. Сейчас они работают в мастерской национальных изделий, недавно открывшейся в Нальчике. В мастерской можно встретить юного мастера чеканки по металлу — пятнадцатилет-

него Гадуниева, научившегося своему искусству у отца, здесь встретишь мастера по обточке газырей Касумова, искусного мастера седел Аримисова, ученика старого Цуцы Бегретова, знатного человека Кабардино-Балкарии. Увидишь здесь и знаменитого Гаджи, обладающего секретом выделки особого сорта кожи, так называемого „саур" или „сагры". Кожа „саур" не мокнет в воде, исключительно прочна и красива. Здесь же работает и известный всем кавкасским народам, носящим кинжалы с маркой „Осман", старый кинжальщик Омаров.

С большой любовью создавалось эго производство. Огромный труд положен на это дело. Нелегко было найти рабочих для мастерской, ибо каждый рабочий тут — чуть ли не единственный мастер своего дела. Нужно было суметь заинтересовать их, об'единить и создать из одиночек-кустарей дружную артель. Справедливость требует признать, что руководителям местной промышленности Кабардино-Балкарии удалось этого добиться.

Хаджи-Гурман Абакаров — первый мастер, пришедший в мастерскую — один из непосредственных организаторов ее. Отыскали его в больнице. Он работал там переводчиком. С большим трудом удалось разыскать знаменитого саурщика. Гаджи — старый мастер, жил в Дагестане, в далеком ауле Кубачи. Нелегко было найти и остальных талантливых рабочих мастерской.

Мастерская национальных изделий начала работать в мае. Сейчас там созданы цэха — кинжальный, шорно-седельный, шапочный, портняжный и обувной. Горец может здесь одеться с ног до головы и выйти из мастерской настоящим джигитом. Мастерская имеет в Нальчике собственный магазин.

Начальник управления местной промышленности тов. Вадахов, будучи на краевом празднике джигита в Пятигорске, увидел у пояса председателя черкесского облисполкома тов. Камбиева замечательный кинжал. Кинжал блестел, как новый. Камбиев, однако, сказал, что сделан он еще в 1912 году. На обороте лезвия стояла марка — „Осман". Вернувшись в Нальчик, Вадахов рассказал об этом кинжале мастеру Омарову и спросил: как бы это и им такие же кинжалы делать? Тут-то и выяснилось, что Омаров — и есть тот самый легендарный „Осман". Вадахов отказался верить. Тогда Омаров вынул из кармана стальной штамп и, обмакнув в чернила, поставил на бумаге: „Осман".

— Будем делать такие кинжалы, да еще и лучше, — заявил Омаров.

Мастерская национальных изделий — дело новое и интересное. Излишне говорить здесь, какое громадное значение имеет организация таких производств в многонациональном нашем крае. Весть о том, что в Нальчике открылась мастерская, быстро облетела все, даже самые отдаленные селения и аулы Северного Кавказа и Закавказья. Посыпались заказы. Приезжают люди из аулов и городов, присылают письма. Много заказов получено также из Москвы, Ленинграда, Свердловска и других городов Союза.

Казалось бы, что инициатива создания такого производства должна была найти не только всемерную поддержку у областных и краевых организаций, но и заразить других своим примером. Нет, не заразила! Мастерская находится на положении падчерицы. Особенно отличаются краевые организации. Для мастерской нужна кость — и вот работники сами вынуждены собирать ее по столовым. Нужен рог буйвола для наконечников газырей — приходится доставать его всякими правдами и неправдами. Областная и краевая конторы „Утильсырье" отказываются дать мастерской хотя бы ничтожную долю заготовляемых ими костей, рогов и другого сырья. То же самое нужно сказать и о „Кожснабсбыте".

Начальник Крайместпрома тов. Левитт ни в чем не отказывает мастерской, но... и ничего не дает. Когда к нему обращаются с просьбой помочь новому производству, Левитт с большой готовностью вызывает к себе одного из работников аппарата, дает распоряжение „найти", „разыскать", „из-под земли выкопать".

Затем... Затем работник уходит и все остается попрежнему."

Генезис всего этого не трудно разгадать. Вся эта „романтика", развиваемая вокруг северокавкасских национальных изделий и мастеров, тесно связана с восстановлением „славных казачьих традиций" и казачьих дивизий. Кинжалы, шашки, черкески и т. п. предназначаются в основном для снабжения новых казачьих частей красной армии. Только поэтому и северокавказец в черкеске и с кинжалом не подвергается уже преследованию и прежним нападкам. Возможно, что с течением времени советская власть начнет проводить политику царского правительства, отбирая от горцев даже кинжалы и всячески вооружая казаков (теперь уже все русское население Северного Кавказа). Но сейчас, пока внешние формы пресловутого советского „национального равенства" еще обязывают, северокавказец может опять спокойно носить свою черкеску, если, конечно, советские продналоги, хлебо и мясозаготовки не лишили его возможности приобрести этот обязательный в горском обиходе костюм.

ЕЩЕ О „МЕЛОЧАХ" СОВЕТСКОГО БЫТА

По примеру прошлых номеров, помещаем ряд заметок из советских газет, характеризующих различные стороны жизни, установленной на Северном Кавказе советской властью.

„С н а б ж е н и е" г р а ж д а н:

В Ессентуках поесть негде. Два ресторана курортснабторга при большом наплыве курортников не могут обслужить всех желающих пообедать в них. Не меньше часа, а иногда и больше приходится ждать, пока подойдут „принять заказ". Первых блюд часто нехватает.

Можно еще пообедать в столовой завода „Розлив", которая, решив „подработать", стала отпускать обеды для всех. Но и здесь такая же картина. Помещение маленькое, служащих нехватает.

Еще до открытия курортного сезона были сигналы об угрожающем положении с питанием курортников. Заведующий горвнуторга тов. Уфимцев хотя и уверял, что с питанием будет хорошо, но оказалось совсем иное. Были разговоры об открытии общественной столовой, из этого ничего не вышло. („С.-К. б."—9-IX-1936).

* * *

На малом городском базаре в Кисловодске открыт ларек для продажи мяса колхозникам и единоличникам.

1 сентября у ларька стояла очередь за бараниной. Разрубив туши, продавец об'явил цену—7 рублей килограмм. Мясо было плохое и возмущенные покупатели заявили—„больше 6 рублей платить не будем". Продавец невозмутимо пожал плечами и продолжал продавать мясо по повышенной цене.

3 сентября баранина в ларьке расценивалась уже по 8 рублей. Качество же ее было не лучше, чем накануне.

Я обратился к продавцу:—Кто устанавливает цену? Почему вся туша делится вами только на 1-й сорт по 8 рублей и на 2-й сорт по 7? Почему, когда вас просят дать мякоть, вы даете кости?

Ответ был прост: „Назначат цену в 12 рублей или больше—так и буду продавать..."

Я попросила показать накладную на продажу мяса. Подошел дежурный по базару милиционер Плющев и авторитетно заявил: „Не давайте накладную, не ваше дело требовать документы. Никакой спекуляции нет. Дорого—не берите..." („С.-К. б."—9-IX-1936).

* * *

В сел. Ахты в магазине Дагторга, раймаге Дагпотребсоюза и аптеке одинаковые товары продаются по разным ценам. Так, например, флакон одеколона ТЕЖЭ „Герой Севера" в аптеке продают по 6 руб. 85 коп., а такой же флакон в магазине Дагторга стоит 13 руб. 70 коп.

Духи ТЭЖЭ—малый флакон—в аптеке стоит 3 руб. 40 коп., а в раймаге—1 руб. 55 коп.

Как правило, в магазинах с. Ахты папиросы продаются на 5 коп. дороже. Коробку спичек продают вместо 3 коп. по 4 коп. („Даг. пр."—9-VIII-1936).

* * *

Ежедневно несколько линейных самолетов, курсирующих по линии Баку—Махач-Кала—Минеральные Воды, останавливаются на махач-калинском аэродроме.

Транзитные пассажиры спешат зайти на несколько минут на аэровокзал, чтобы немного поразмять уставшие ноги и наскоро подкрепиться чем-нибудь в буфете аэровокзала.

Однако, особым гостеприимством махач-калинский аэровокзал похвастаться никак не может.

На буфетной стойке пяток бутылок с теплой газированной водой. Под стеклом тройка зеленых яблок, кучка печенья и горсти две конфект. Вот все, чем может порадовать буфетчица зашедшего пассажира.

На тумбочке возлежит патефон, около которого надпись, любезно приглашающая посетителя поиграть на этом музыкальном инструменте.

Но, увы, играть-то именно и нельзя, так как для патефона нет пластинок. Дальше в нише приютилось радио. К сожалению, оно также молчит.

(„С.-К. б."—22-VIII-1936).

Забота о детях:

На Каякентской группе рыбозаводов Дагрыбтреста отсутствует какая бы то ни было забота о детях. Более 25 детей проводят время неорганизованно, без культурных развлечений. Детской площадки нет. На других производствах детей посылают в лагери, а здесь не смогли организовать.

В профсоюзе есть средства на организацию площадки, но председатель группкома тов. Бадышев сначала побеспокоился о своем отдыхе — ушел в отпуск, а дети—как хотят.

Более того, когда дети по своей собственной инициативе готовят спектакль и обращаются в группком за помощью, они никакого внимания не встречают.

(„Даг. пр."—9-VIII-1936).

* * *

Читала я в моздокской газете „Сталинская правда" заметку о детских лагерях в сел. Ново-Осетиновском. Написано было, что и постели белоснежные и все очень хорошо.

Пришлось мне быть в этом лагере. Постели в бараках не белые, а скорее—серо-бурые. Кормят детей три раза в день. С 6 часов утра до десяти дети не получают пищи, а недавно кормили, действительно, пять раз в день. За чистотой среди детей никто не следит. Я видела, как девочка стирала в чашке рубашку. Ребята унылые, сердитые. Заведующий лагерем тов. Горячий постоянно грубо кричит на детей.

(„С.-К. б."—17-VIII-1936).

Транспорт:

На станции Червленная люди сидят по пять суток, прежде чем попасть на поезд. Касса почти никогда не открывается. У кассы неизменно висит об'явление: на такой то поезд билетов нет.

26 августа мы были поражены таким фактом: касса была закрыта, билеты не продавались. Тем не менее у 15 пасажиров билеты оказались и они уехали с поездом № 47. При проверке на другой день оказалось, что билеты каким-то странным образом „выдаются" через дежурного по станции.

Дежурный по станции, к которому мы обратились за об'яснением, отказался с нами разговаривать и назвать свою фамилию. („С.-К. б."—22-IX-1936).

Качество продукции:

Артели Оснацпромсоюза выпускают большое количество всевозможных товаров широкого потребления и продуктов питания. Но в системе Оснацпромсоюза до сих пор не развернули решительной борьбы с браком, за высококачественные изделия.

В Оспищепроме изготовляют кондитерские изделия разнообразного ассортимента, но настолько плохого качества, что торгующие организации отказываются принимать их. Вырабатываемые артелью пряники и конфекты быстро портятся. Не случайно восмимесячный план артель выполнила только на 49 вроцентов. Также не случайно и то, что торгующие организации считают целесообразнее и выгоднее завозить кондитерские изделия из других городов, чем приобретать их в промкооперации нашего города.

До последних дней в артелях совершенно отсутствовал учет брака. Ни в одной артели не могут сказать, кто конкретно делает брак, какое количество брака и т. д.

В трикотажной мастерской Осшвейпрома до сентября учетом брака не занимались, а с сентября ввели своеобразный „учет". В этом учете нет графы: брак, а есть показатели продукции первого и второго сорта. Бракованную продукцию в артели заносят во второй сорт и после этого руководители артели не прочь похвастать, что у них, якобы, брака нет.

За первую половину сентября эта артель выпустила 3250 пар женских чулок, из них 1110 пар явно недоброкачественны и весь этот брак попал во второй сорт. Во второй сорт также были занесены десятки пар недоброкачественных мужских носков, детских чулок. Таким образом, бракованная продукция под маркой второго сорта поступает в магазины и попадает к потребителю.

Учетом спроса артели не занимаются. Ни в одной артели не найдешь книги отзыва и предложений со стороны как торгующих организаций, так и потребителей.

Вот, например, артель „Иристон" обязалась выпустить 7 тысяч пар детской обуви для школьников. Торгующие организации очень нуждаются в этом ассортименте. Но план выпуска детской обуви сорван, за 7 месяцев он выполнен только на 14,6 процента.

Руководители Оснацпромсоюза (председатель Саламов) взяли на себя почетную задачу—дать в этом году товаров широкого потребления сверх плана на миллион шестьсот тысяч рублей. И дело их чести не только выполнить свое обязательство, но и давать потребителю продукцию исключительно высокого качества.

(„Прол. Осетии"—22-IX-1936).

* * *

Первая обувная мастерская артели „Оскустпром" считается одной из крупных мастерских, изготавливающих обувь.

В этой мастерской настолько плохо поставлено дело с качеством выпускаемой обуви, что большое количество рабочего времени тратится на переделку брака. Переделка брака стала обычным явлением и это нисколько не беспокоит не только бригадиров и мастеров, но и председателя артели Арутюнова.

22 сентября мастер Белов, прибивая подошву к белым парусиновым мужским туфлям, прорвал стельку и эти туфли тут-же были переданы на переделку. Не желая обидеть мастера Белова, браковщик Титов об'ясняет, что этот брак является случайным.

Брак в мастерской никем не учитывается и нигде не записывается, поэтому никто из руководителей обувной мастерской не знает, сколько у них имеется людей, делающих брак, какое количество брака.

Браковщик Титов прямо заявил, что учетом брака они думают только теперь заняться. А до этого на брак составлялись только акты и этим дело исчерпывалось.

Сколько составлено актов, на кого и какая сумма удержана за брак — никто не может ответить. Браковщик Титов показал нам клочок помятой бумажки, на котором был составлен акт еще 10 сентября, подписанный им-же и бригадиром Назаретянцем на мастера-заготовщика Григорьянца, который испортил четыре пары заготовок. В акте указан характер брака, а также сумма в размере 15 рублей, подлежащая удержанию с виновника брака. Аналогичный брак сделан и заготовщиком Мелик-Осиповым, но деньги за брак до сего времени не удержаны.

В мастерской имеются хорошие мастера, как бригадир Андриянский, мастера Беглецов Андрей и Иванов Петр, из мастерской индивидуального заказа Андрияшкин и заготовщик Козлов, которые выпускают высококачественную продукцию. Но, к сожалению, руководи-

тели артели не могли организовать передачу их опыта всем рабочим артели. („Пр. Ос". — 26-IX-1936).

* * *

13 августа в „Правде" была помещена статья „Фабрика сплошного брака". В этой статье была показана безобразная работа московской мебельной фабрики „Венский стул".
Махач-калинская мебельная фабрика Наркомместпрома ДАССР не вырабатывает венских стульев. Она выпускает на рынок столы, парты, дубовые стулья, шифоньеры, мягкие кушетки и т. д., и видимо только потому, что фабрика не производит гнутой мебели, руководители ее не сочли необходимым обсудить статью „Правды" в коллективе рабочих и инженерно-технических работников фабрики. А между тем махач-калинская мебельная фабрика является фабрикой брака.

Не надо быть искушенным экспертом-мебельщиком, чтобы заметить, что фабрика вырабатывает и выпускает на рынок заведомый брак.

В складе готовых изделий, по утверждению зав. складом тов. Зенкина, который является и парторгом фабрики, сейчас 50 проц. бракованной мебели.

— Вот,—демонстрирует он,—шкаф, как шкаф, а к его замкам я никак не могу подобрать ключи.

Дело, однако, не только в ключах, а в том, что сами шкафы—пародия на шкафы. Ручки прибиты „на живую руку". Створки прилегают к каркасу неплотно, отдельные детали, из которых собраны дверки шкафов, имеют разный размер. И создается впечатление, что шкаф перекошен. Открыв дверцы шифоньера, про который говорят „хоть сейчас в продажу", мы увидели косо пригнанные и покоробленные полки. То же самое и в буфетах. Здесь же, на складе, мягкая кушетка. Она еще не была в употреблении, а уже порвана, мутаки ее сделаны так, что из них выпираются жесткие бугры.

На фабрике мебель начинают портить с самого начала производственного процесса. Механический цех, изготовляющий основные детали, работает на сыром материале. Вырабатываемые здесь из сырых досок части идут в производство без всякой выдержки. Некоторые же детали делаются из явно негодного леса, зараженного грибком. Такие детали мы видели в стульях, столах, партах и т. д.

— На обработку сырого леса нам приходится вдвое больше затрачивать энергии, — жалуется мастер тов. Аникин. И сколько бы мы ни говорили треугольнику о необходимости выдерживать лес, никто на это не обращает внимания. А в результате мебель из сырого леса покрывается налетом плесни, теряет внешний вид, затем усыхает и оказывается с из'яном—с щелями, достигающими 4—5 милиметров.

Но не только в сыром лесе причина низкого качества мебели. Дело заключается и в преступно-небрежной работе.

В обойном цехе несколько десятков стульев, изготовленных из смеси двух пород леса—дуба и груши. Из этих пород можно было бы сделать прекрасную мебель, но работники фабрики в один и тот же стул пустили детали из дуба и груши, не придерживаясь даже симметрии.

Когда мы спросили мастера Грачева, почему сборка стульев произведена так безобразно?—он нагло ответил:
— „А это для районов".

О к а з ы в а е т с я, п о м н е н и ю р у к о в о д и т е л е й ф а б р и к и, д л я н а ц и о н а л ь н ы х р а й о н о в м о ж н о и з г о т о в л я т ь к а к у ю у г о д н о д р я н ь (разбивка наша—Р-ция).

Сейчас с фабрики отправляют в Ачикулакский район 144 ученических парты, потрескавшихся и частью зараженных грибком. Для других районов таких же частей „приготовлено" на 1500 парт.

Поражает также полная безхозяйственность. С лесоматериалами обращаются здесь варварски. Лес разбросан по всему двору. Под открытым небом у механического цеха навалом лежат сотни готовых деталей. В нескольких шагах от конторы завода в беспорядке свалены несколько возов „забракованных" частей мебели, среди которых по мнению самих же руководителей фабрики немало годных частей.

Что же, однако, порождает такие безобразия на мебельной фабрике?

Все дело заключается в том, что здесь процветает полнейшая безответственность работников и обезличка. На фабрике все работники, от малого до великого, видят, что они готовят никудышнюю мебель, но никто из них не считает себя виновным. „Мне дали материал, я и готовлю из него детали, а что из этого выйдет, пускай отвечает треугольник". Здесь не желают бороться за честь фабричной марки.

Следует спросить Наркомместпром ДАССР, что же он сделал, чтобы раз и навсегда положить конец этому издевательству фабрики над советским потребителем?
(„Даг. пр."—22-IX-1936).

ЗОЛОТО В ДИГОРИИ

Под таким заглавием „С.-К. б." (6-IX-1936) печатает следующую заметку:

„Уже с половины прошлого столетия золотоносность речек Дигории начала привлекать к себе внимание исследователей. Однако, работы в прошлом не давали положительных результатов. Уже в годы революции, при весьма активной поддержке областных северо-осетинских организаций, в 1932 г. вновь возобновились работы по изучению золотоносности в Осетии. Золото было обнаружено почти по всем ущельям Осетии, а особенно в Дигории. Промышленное освоение этих месторождений затруднялось рядом причин, и в первую очередь неблагоприятными географическими условиями.

В прошлом году на разведки золота Осетии были отпущены большие средства. Была проведена большая исследовательская работа, давшая интересные результаты.

Разведочная партия, изучая золотоносность всей Дигории, искала не только месторождений рудного золота, но попутно выяснила источники рассыпного золота. Опробованию подверглись все рудоуправления и кварцевые жилы.

Предварительным опробованием изучена золотоносность всех типов рудных жил Дигории. Наиболее интересна и наиболее практически ценна из них — это группа золотомышьяковых рудных жил Сангутидонского и Тонадонского ущелий. В этих ущельях удалось выделить рудные жилы с подсчетом запасов золота, серебра и мышьяка. Попутно были открыты новые мышьяковые, висмутовые и оловянные жилы.

В поисках месторождений рассыпного золота проведено весьма широкое шлиховое опробование речных отложений. Намечены отдельные площадки в долинах ущелий, которые должны быть более подробно изучены. На этих площадках с успехом можно организовать небольшие старательские работы. Они, безусловно, дадут положительные результаты. На одном из таких участков старательская бригада уже добилась некоторых результатов. В прошлом и нынешнем году были найдены и небольшие самородки золота.

Перед разведочными и промышленными организациями теперь стоит задача детальной разведки и освоения месторождений как рассыпного, так и рудного золота. Особенно большая ответственность ложится на работников Севкавзолота, которые должны дать верное направление разведочным работам и наиболее эффективно использовать средства, отпущенные на это дело в нынешнем году. Особое внимание надо уделить руководству работами старательских бригад.

В Сангутидонском и Тонадонском ущельях обнаружены месторождения не только мышьяка и золота, но и ряда весьма ценных редких металлов — вольфрама, висмута, молибдена и даже олова. Все это в таких количествах, которые не смогут оправдать эксплоатацию отдельно ни одного из них. Тут необходима комплексная разработка всех металлов. Однако, организации, ведущие разработку мышьяковых и золоторудных месторождений, скептически относятся к этому сложному комплексу ценных металлов. Трудностей в переработке таких руд и выделения из них полезных

компонентов, конечно, отрицать нельзя. Поэтому, сейчас нужна в этих ущельях не столько разведка запасов, сколько изучение условий переработки руд, способности их обогащаться и особенно изучение возможности полного выделения отдельных металлов без потери других".

Как нами уже сообщалось, золото обнаружено и в Кабардино-Балкарии, в Карачае, и в Западной Адыгее. В последней промышленная разработка золота ведется уже в продолжение нескольких лет, значительно пополняя запасом золота советскую казну.

Приводим еще сообщение той-же газеты (в номере от 21-VIII-1936) о недавних находках в Карачае:

„Более 20 дней в районе Карт-Джюрта и прилегающих к нему окрестностях работает группа юных геологов — учащихся средней школы Микоян-Шахара. Бригада Жарихина, в районе ущелья Кыльян-Су, обнаружила образцы никелевой руды, обнажение яшмы и роговика. Ученик Андреев нашел выходы охры, образцы сернистого минералла, подобного по внешним признакам арсено-иприту.

Найдены залежи каменного угля. На реках Бытырли-Кол и Сокол-Кол ребятами найдены мрамор, граниты и гнейсы. На вершине горы, в изверженных породах, найдены вкрапления сернистого колчедана. По ущельям реки Сес ребята нашли многочисленные образцы серного колчедана, выходы медной синей зелени, красного железняка и много других минералов и горных пород."

Всеми этими богатствами будет пользоваться Москва (давая нам лишь жалкие крохи) до тех пор, пока мы не освободимся и сами не начнем решать свою судьбу.

„ОБРАЗ ВОЖДЯ НАРОДОВ, ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ В ДЕСЯТКАХ КАРТИН"

В текущем сентябре в Тифлисе открыта была выставка картин „грузинских" художников на тему „К истории большевистских организаций Грузии и Закавказья", долженствующая служить дополнением к известному докладу Берия на ту же тему. Выставка эта является по существу выставкой портретов Сталина, — отвечая с этой стороны в полной мере тенденциям иллюстрируемого ею доклада.

27 сентября выставку посетила делегация „моряков-пропагандистов политотдела Каспийского пароходства", некоторые члены которой описали затем свои впечатления в газ. „Заря Востока". Эти с позволения сказать „отзывы" чрезвычайно характерны для той атмосферы „восторженного" подхалимства, которая культивируется советским „агитпропом" буквально во всех отраслях жизни СССР, а в особенности в искусстве, литературе и иных сферах духовного творчества.

Итак, например, некий Савиных, заместитель начальника Каспийского пароходства, пишет:

„Выставка — это история в картинах, это прекрасная иллюстрация к докладу товарища Л. Берия. Она произвела на меня огромное, незабываемое впечатление. О ней нельзя говорить общими фразами, как и нельзя просто читать доклад товарища Л. Берия: „К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье" — его нужно глубоко и серьезно изучать.

Лучшее, что я увидел на выставке — это образ вождя народов, родного Сталина, запечатленный в десятках картин.

Для меня эти картины представляют особый интерес, ибо я имел счастье видеть товарища Сталина очень близко.

В первый раз я видел товарища Сталина на параде на Красной площади в Москве. Я шел правофланговым в колонне моряков, а товарищ Сталин стоял на трибуне и улыбался.

Второй раз — этот день я никогда не забуду — я увидел товарища Сталина на совещании по вопросам водного транспорта. На этом совещании были также тт. Молотов, Каганович и Постышев.

Во время обсуждения одного из вопросов вошел товарищ Сталин; его встретили бурной овацией. Он стал рядом с Кагановичем и очен внимательно слушал выступавших. Потом стал задавать нам вопросы. Меня тогда глубоко поразила чрезвычайная скромность товарища Сталина, простота в обращении с людьми и блестящее умение мгновенно ориентироваться в любом вопросе.

Мне глубоко врезались в память мужественные, полные благородства черты лица товарища Сталина. Эти черты я искал на картинах грузинских художников и нашел их. На каждой картине я видел живого Сталина.

Особенно мне понравилась картина Ираклия Тоидзе „Товарищ Сталин на Рионгэсе". На этой картине Сталин совершенно такой, каким я его видел.

Глубочайшее впечатление произвела на меня и на всех нас картина художника Ш. Макашвили „Сталин из окна баиловской тюрьмы в Баку говорит заключенным, уходящим в Сибирь: „Берегите кандалы, они пригодятся нам для царского правительства!"

Прекрасна по замыслу и композиции картина художника Киракозова „Сталин и Хашим".

В маленьком эскизе художника В. Кроткова „Сталин на диспуте в селении Кухи в 1905" — чрезвычайно удачно передано выражение лица товарища Сталина. Очень жаль, что художник Кротков ограничился только эскизом и не написал большой картины на эту тему.

Очень много можно сказать об этой выставке прекрасных картин, написанных талантливыми художниками Грузии.

В виде пожелания я добавлю: в дальнейших изданиях книг по истории партии необходимо в качестве иллюстрации использовать картины этой замечательной выставки."

В „отзыве" Г. Джавадова, заведующего „культпропом политотдела" Касп. парох., читаем:

„Главная сила выставки в том, что она неразрывно связана с докладом товарища Л. Берия на тему: „К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье" и с историей нашей партии.

Выставка картин, прекрасно иллюстрирующая этот доклад, является крупнейшим вкладом в историю живописи.

Образ вождя народов товарища Сталина смотрит с полотен этой замечательной выставки, олицетворяя всю историю закавкасских большевистских организаций, неразрывно связанную с первых дней зарождения с его именем. В увлекательных, незабываемых полотнах выставка рассказывает о героических моментах борьбы большевиков Грузии и Закавказья, руководимых товарищем Сталиным. Вот юноша Сталин в селении Цроми выступает в защиту крестьян против царского стражника. Вот Сталин в кутаисской тюрьме занимается с политзаключенными. Вот молодой Сталин на берегу моря беседует с крестьянами аджарцами...

Вот славные соратники товарища Сталина: Л. Кецховели, С. Киров, С. Орджоникидзе, К. Ворошилов.

О каждой картине хочется сказать очень много, как и обо всей выставке."

Наконец, некий Т. Абрамян, уже рядовой „моряк-пропагандист", заключает:

„Я не сомневаюсь, что эта выставка только начало той огромной творческой работы, которую должны проделать художники Закавказья в деле отображения на своих полотнах героической борьбы большевиков Закавказья.

Талантливые художники братской республики Грузии показали замечательный пример, которому должны последовать художники братских республик Армении и Азербайджана.

Я уверен, что прекрасная тема, вдохновившая художников Грузии, послужит источником вдохновения и для писателей, драматургов и кинорежиссеров."

Так подлеют под „мудрым водительством отца угнетенного человечества" не только люди, но и чистое искусство, долженствующее по существу быть выразителем свободного творчества человеческого гения.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ТУРА

В „С.-К. б." некий М. Рошал печатает следующую корреспонденцию:

„Турам исполнилось три часа жизни, когда их забрал в неволю горский охотник Бити Гагоев. Он принес их в селение Цей с вершины горы Фалак-Сау-Хох. Несколько дней с берданкой Бити карабкался по крутым склонам горы, по ледникам, выслеживая туров... Бити набрел на гнездо туров. Когда матери возле гнезда не было, он забрал с собой двух маленьких туров. Если бы охотник пришел к гнезду через день и два после окота, маленькие туры уже не подпустили бы к себе человека.

Маленьких туров охотник выкармливал дома молоком... Один из них в неволе погиб. Второго Бити подарил своему другу — колхознику родного аула Батырбеку Залаеву.

Скоро два года, как Залаев растит тура. Растет он нормально. Кормят его зерном, сеном, травой. Весит тур около двух пудов. За ним ухаживает вся семья колхозника и больше всех жена Батырбека—Елена.

— Ест тур почти ту же пищу, что и козы,—рассказывает Елена.—В выборе еды эго не особенно капризное животное...

Однако, без привязи выпускать тура на волю опасно.

Как-то весной этого года тур сбежал от своих хозяев. Он ушел в горы. Хозяева уже потеряли надежду, что он возвратится. Но беглец вернулся. Он пришел на усадьбу цейского дома отдыха, где дети заманули его хлебом и поймали.

* * *

...Цей—самый высокогорный аул Северной Осетии. Когда едешь по Военно-Осетинской дороге, за Буроном, на головокружительной высоте видны башни и сакли. Это—Цей. Башни издали напоминают нефтяные вышки. Облака плывут ниже аула. В Цей нет даже колесной дороги. Путь к аулу лежит по узкой горной тропе, извивающейся над глубоким ущелием. Только в прошлом году с огромными усилиями в аул удалось провести телефон.

Аул знаменит историческими памятниками, образцовым горским колхозом и особенно своими охотниками. Много охотников в Цее. Богата охота в здешних горах. Тут—туры, дикие кабаны и даже медведи. Аул окружен горами, ледниками, сосновым лесом и буковыми рощами.

Самые знаменитые охотники аула: лесник Александр Мирзоев, колхозник Хасан Гагоев, об'ездчик лесничества Оге Гагоев.

Разгар охоты на туров—в декабре, январе. В это время высоко в горы уходят горцы-охотники".

Когда-то северокавкасские леса и горы славились не только изобилием туров, медведей, диких кабанов и прочей более мелкой дичи, но и огромными стадами царственных зубров—домбаев, водившихся главным образом в лесах Западной Адыгеи. После прихода русских в 1864 году, стада эти значительно поредели. Перед мировой войной зубров насчитывалось еще свыше 1000 штук и охота на них была запрещена. Во время революции банды белых и красных русских уничтожили большую часть животных и к моменту утверждения советской власти их осталось не более нескольких десятков голов. Уничтожение зубров продолжалось и при большевистской власти до тех пор, пока в 1926 году от руки советского браконьера не погиб последний, сохранившийся еще на Кавказе, экземпляр кавказского зубра.

В настоящее время одна или две штуки кавказских зубров находятся в Беловежской пуще в Польше, а несколько штук в различных зоологических садах иных европейских государств.

ИСТОРИЯ КАСПИЙСКОГО МОРЯ

В одном из номеров газ. „Заря Востока" некий Алладин помещает заметку о том, что Азербайджанский филиал академиии наук СССР приступил к систематическому комплексному изучению Каспийского моря. В заметке этой имеется, между прочим, следующее сообщение о происхождении Каспийского моря:

„История Каспийского моря — одна из самых интересных страниц геологической истории земного шара.

Превращение Каспия в бессточно-внутриконтинентальное море или озеро — дело совсем „недавнего" геологического прошлого. В продолжение всего четвертичного периода Каспийское море соединялось с Азово-Черноморским бассейном посредством Манычского пролива, находившегося в области современной Северо-Кавказской низменности. Воспользоваться этим проливом для плаваний успели эгейские мореплаватели, которые за XX веков до нашей эры прошли на кораблях из Черного в Каспийское море.

Позже местность между этими морями поднялась и Манычский пролив исчез. Начиная приблизительно с X века до нашей эры, Каспий лишился связи с океаническими бассейнами и превратился в озеро.

Как остаточное озеро, Каспий имеет весьма своеобразную фауну. В нем нет дельфинов, населяющих Черное море, но имеются тюлени — жители арктических морей, сохранившиеся с того времени, когда Каспий был соединен через Русскую низменность с Северным Ледовитым морем. Особенностью Каспия является малый процент солености, значительно уступающий солености океанов и соединенных с ними морей. Жизнь Каспийского моря сосредоточена в поверхностном слое воды толщиной в 300—400 метров, а ниже, вследствие отсутствия кислорода, фауны нет."

В дальнейшем Алладин пишет, что в водах Каспийского моря содержится значительное количество редкого металла рубидия и что в данное время изучается возможность промышленного использования каспийского рубидия.

ОТКУДА ПРОИЗОШЛО НАЗВАНИЕ ГОРОДА СОЧИ

Под таким заглавием сочинская „Курортная газета" печатает следующую заметку:

— „До шестидесятых годов прошлого столетия в близлежащих от места расположения нашего города горах проживало черкесское племя убыхов. Один из родов этого племени, называвшийся Сошсча, расселился по долине горной речки, получившей от него имя Сошсча-пста (пста — река). После покорения Кавказского побережья царскими войсками, черкесские племена бежали в Турцию. На месте нынешнего города, у впадения Сошсча-пста в море, возник русский посад, вокруг которого затем разрослась деревня. Русские переделали название речки „Сошсча-пста" в „Сочи", а от речки это название перешло и к поселению."

К этому следует добавить, что недалеко от Сочи, а также в районе Туапсе и Анапы сохранились поселения шапсугов и натухайцев. Поселения в районе Туапсе образуют ныне Шапсугский национальный район.

РАЗНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

— В конце августа в Псыхуабе состоялась краевая „спартакиада" горянок, в которой принимали участие представительницы всех „автономных областей" и Дагестана. Первое место в общей классификации спортивных коллективов заняли физкультурницы Кабардино-Балкарии, второе место—физкультурницы Северной Осетии, третье — Дагестана, четвертое — Чечено-Ингушетии. Все эти спортивные коллективы получили награды. Грамоты получили коллективы: Карачая, вышедшего на пятое место, Черкессии — шестое и Туркменского района — седьмое. Индивидуально в легкоатлетическом троебории первый приз (отрез креп-де-шина) разделили Арчегова (Сев. Осетия) и Саламова (Кабардино-Балкария), первый приз по бегу (туфли) получила Шинахова (Кабардино-Балкария), по бросанию гранат (отрез шелка) — Броева (Кабардино-Балкария), по стрельбе (малокалиберную винтовку) — Журова (91 пунк из 100 возможных). Кроме этого премии получили: Тлисова, Лагоша, Глоова, Загурова, Талазова, Тенгизова, Мамаева, Элембаева и другие—представительницы всех спортивных коллективов, принимавших участие в состязаниях. В общем, по сообщениям советской печати, на состязаниях „достигнуты не плохие показатели."

Mecmuanın müdürü: BARASBİ BAYTUGAN — Редактор журнала: БАРАСБИ БАЙТУГАН

Müdürün adresi — **Odyńca 35, Warszawa (12), Pologne** — Адрес редактора

Mecmua idarehanesinin adresi — **1, Square Léon Guillot, Paris (15), France** — Адрес администрации журнала

Dr P. Sawade Warecka 9